

51865-K

Чебоксары Чувашское книжное издательство 1989

ББК 39.6 П 26

Составители:

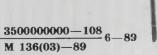
В. А. Иванова, А. А. Парпара, П. Р. Попович

Спецредактор М. И. Иванов

Оформление и макет Э. М. Юрьева

21862-K

Menannum A & AND 9619

републиканская БИВ ПИОТЕКА Чуващекая

© Чувашское книжное издательство, 1989 г.

ИЗ СООБЩЕНИЙ ТАСС

11 августа 1962 года в 11 часов 30 минут по московскому времени в Советском Союзе на орбиту спутника Земли выведен космический корабль «Восток-3». Корабль «Восток-3» пилотируется гражданином Советского Союза летчиком-космонавтом, майором товарищем Николаевым Андрияном Григорьевичем.

Целью полета является:

- получение дополнительных данных о влиянии условий космического полета на человеческий организм;
- исследование работоспособности человека в условиях невесомости;
- проведение человеком определенного объема научных наблюдений в условиях космического полета;
- дальнейшее совершенствование систем космических кораблей, средств связи, управления и приземления...

1 июня 1970 года в 22 часа московского времени в Советском Союзе стартовала ракета-носитель с космическим кораблем «Союз-9».

Космический корабль, выведенный на орбиту вокруг Земли в 22 часа 09 минут, пилотирует экипаж в составе: командира корабля Героя Советского Союза, летчика-космо-навта СССР полковника Николаева Андрияна Григорьевича, дорт-инженера кандидата технических наук Севастьянова Виталия Ивановича.

Экипажу корабля «Союз-9» предстоит выполнить в условиях одиночного орбитального полета большую программу научно-технических исследований и экспериментов...

Космонавты товарищи Николаев и Севастьянов приступили к выполнению намеченной программы полета.

николаев андриян григорьевич

(родился в 1929 году)

Космонавт СССР, генерал-майор авиации (1970), дважды Герой Советского Союза (1962, 1970), летчик-космонавт СССР (1962), кандидат технических наук (1975). Член КПСС с 1957. В 1947 окончил Мариинско-Посадский лесотехнический техникум, до 1950 работал мастером по заготовке леса в Карелии. После окончания военного авиационного училища летчиков (1954) служил в ВВС. В 1960—1968 в отряде космонавтов (в 1963—1968—его командир). В 1968 окончил Военно-воздушную инженерную академию имени Н. Е. Жуковского. 11-15 августа 1962 совершил полет на космическом корабле «Восток-3». С 12 августа этот полет проходил одновременно с полетом космического корабля «Восток-4», пилотируемого П. Р. Поповичем. Между космонавтами была установлена двусторонняя связь, с кораблей велись широковещательные телевизионные передачи. Полет продолжался 3 суток 22 часа 22 минуты (совместный полет — 70 часов 23 минуты 38 секунд). 1—19 июня 1970 совместно с В. И. Севастьяновым совершил полет на космическом корабле «Союз-9» (в качестве командира). В полете. продолжавшемся 17 суток 16 часов 59 минут, выполнил программу научно-технических и медико-биологических исследований. За 2 рейса в космос налетал 21 сутки, 15 часов, 21 минуту. Депутат Верховного Совета РСФСР 6—11-го созывов. Николаев — почетный член Международной академии астронавтики. Золотая медаль имени К. Э. Циолковского АН СССР, высшая награда Международной академии астронавтики — премия имени Д. и Ф. Гуггенхеймов, золотая медаль «Космос», медаль де Лаво и золотая медаль имени Ю. А. Гагарина (ФАИ). Государственная премия СССР (1981). Награжден орденом Ленина, орденами Тридового Красного Знамени, Красной Звезды и медалями, а также иностранными орденами и медалями. Николаеву присвоены звания Героя Социалистического Труда НРБ, Героя Труда СРВ, Героя МНР. Почетный гражданин городов Калуга, Караганда, Смоленск, Ржев, Ленинакан, Махачкала, Нальчик, Каспийск, Чебоксары (СССР), Дархан (МНР), София, Петрич, Стара-Загора, Варна, Плевен (НРБ), Карлови-Вари (ЧССР), Буира (Алжир). Именем Николаева назван кратер на Луне. С 1974—первый заместитель начальника Центра подготовки космонавтов имени Гагарина.

(Из энциклопедии «Космонавтика»)

шоршелские родники

Аркадий Эсхель

СЫН ЧУВАШИИ В ПРОСТОРАХ ВСЕЛЕННОЙ

В пору самого высокого душевного подъема в памяти у меня всегда звучат пламенные слова нашего чувашского поэта Михаила Сеспеля: «О, сын чувашский... подай нам голос...»

И вот сегодня, в этот великий и славный день, отважный сын чувашского народа подал свой голос с космических высот.

Вселенная, небосвод, усеянный мириадами звезд... Кого не влечет с самых малых лет к себе этот звездный мир! Бывало, в долгие зимние ночи в нашем чувашском селении соберутся девушки и парни в укромной избушке на посиделки и начинают пытать друг дружку загадками. И нет прекраснее загадки, чем загадка о звездах:

«На глади бездонного моря засыпаны жемчуга, и что это будет?.. Бросил в Волгу горсть жемчугов, поплыл лебедь и собрал их, и что это будет?»

В далекие времена, уходя в солдаты, чувашские парни пели печальные рекрутские песни: «Сквозь звезды видели свой путь, сквозь месяц видели то поле, где нам придется, быть может, прилечь и отдохнуть».

Да, в детстве особенно удивительным кажется бездонный небосвод, опрокинутый куполом на землю. И вот, бывало, тогда, теплым летним вечером, я выходил вместе со своим дедом во двор и ложился спать на телегу, что стоит перед сараем. На телеге — пахучее луговое сено. Старая солома в уголке крыши сарая снесена ветром. И в этом окошке — кусочек темно-синего неба и большая яркая звезда.

 Дед, а, дед, как называется эта звездочка? — спрашивал я.

— Это вечерняя зарница, — пояснял дед. — Она загорается после заката солнца и указывает дорогу ночному путнику. А еще есть предрассветная зоренька, которая встречает по утрам солнце.

И здесь же дед не преминул рассказать и о других звездах — малых и больших:

— Вон Большая Медведица...

Вскоре худая крыша сарая словно совсем распахнулась, и перед взором предстал синий полог ночного небосвода с алмазной россыпью звезд. Огромной дугой вскинулся Млечный Путь, словно устланный мелким-мелким белым гравием. И весь он в звездах...

...Так или несколько иначе, но, видимо, такие же беседы в свое время велись и в ныне знаменитом чувашском селении Шоршелы, где родился наш Андриян Николаев.

Шоршелы стоят на взгорье, у тихой и светлой речки Цивиль. Отсюда рукой подать и до Волги, широкой и величавой.

Как рос, учился советский Космонавт-3?

В детстве Андрияна не было ничего такого, что бы отличало его от других ребят, его сверстников. Вместе со своим братом Иваном, который на два года старше его, он рыбачил на Цивиль-реке.

Юношей Андриян пристрастился к охоте. Он был метким стрелком. Однажды он принес домой подстреленную утку — жалко стало птицу. Он выходил ее, испытал, есть ли у нее силы летать, а потом выпустил на свободу. Андрияна чаще интере-

совала не столько охота, сколько леса, луга, поляны, сама земля с ее чарами и таинствами. В начальных классах, вплоть до четвертого, его обучала Клавдия Ивановна Семенова, русская учительница, которая учила чувашских ребят на их родном языке. Так еще на первых шагах жизни Андрияна поддерживала братская русская рука, которая подняла его в сказочную высь.

...Дорога к звездам... Мечтал ли о ней в юности Андриян? Ответить на такой вопрос ему сейчас затруднительно. Он любил смотреть на звезды, что отражались в зеркальной глади воды, когда он рыбачил на родном Цивиле или на Волге. Сияющая лунная дорожка, рассекшая волжскую ширь, уводила мысли юноши в сказочные дали. Да, он мечтал, как все его ровесники.

Еще в четвертом классе учительница Клавдия Ивановна на уроках русского языка читала ребятам интересные книги. Запомнилась Андрияну одна услышанная на таком уроке легенда — о древнегреческом герое Дедале, умелом механике и зодчем.

Немало книг своим питомцам прочитала Клавдия Ивановна о России и ее верных сынах. Она, например, поведала им об их земляке, легендарном полководце Чапае, и о том, как впервые в мире взлетел аппарат, сконструированный русским изобретателем А. Ф. Можайским.

Здесь же, в школе, на этих уроках узнал Андриян и о Кибальчиче, который размышлял о реактивном двигателе и вычертил свои последние чертежи на стенах тюрьмы перед казнью. Узнал в школе наш космонавт и о великом Циолковском, скромном калужском учителе, распахнувшем родному народу дорогу в космос, человеке, которого называют сейчас отцом «спутников»...

Спутник по-чувашски — юлташ,

товарищ. Так планета Земля за миллиарды лет своей истории впервые обрела себе самого близкого юлташа — товарища, друга. Пока Андриян Николаев учился, рос, мужал, пока он сидел за книгами и штурвалом корабля, готовился вместе с товарищами к полету к звездам, вышел на орбиту первый спутник, поднялся в космос первый советский человек. И вот сегодня в космосе и сам он, сын чувашского народа. Как на Земле, так и в космосе пареньчуваш стоит рядом с русскими парнями.

И, прислушиваясь сегодня к бурному плеску приветствий, я вспоминаю слова выдающегося деятеля нашей культуры, выдающегося просветителя чувашей Ивана Яковлевича Яковлева. Более полувека тому назад он говорил, что русский народ, как огромное небесное тело, движется по своей исторической орбите, увлекая за собою ряд более мелких тел (то есть малые народы).

Русский народ — наш родной старший брат. Я не могу сейчас не вспомнить тот общеизвестный факт, что, еще будучи учеником Симбирской гимназии, Владимир Ульянов помог чувашскому юноше Никифору Охотникову подготовиться, сдать экстерном экзамен на аттестат зрелости и поступить в университет.

Крылья чувашского парня Андрияна Николаева — это крылья дружбы, крылья братства народов.

Сегодня я сравнил бы Андрияна Григорьевича Николаева с нашим сказочным богатырем Улыпом. Мы, поэты, часто прибегаем к этому слову. Но настоящий Улып-батыр только сегодня встал перед нашим взором во весь свой исполинский рост — головой до звезд.

С малых лет его на своих могучих волнах укачивали, как в люльке, Волга и Цивиль-река. В его плечах—крепость чувашского дуба. В его

груди — дыхание родной земли, воздух родных полей и лугов.

Точно так же, как тихая Цивильрека бесшумно, скромно, спокойно впадает в великую Волгу, по-своему помогая Волге, точно так и наш Андриян Николаев своим подвигом возвеличивает честь и славу родной страны.

Чувашский народ шлет своему звездному сыну горячий сердечный салам словами своего замечательного поэта Михаила Сеспеля:

«Чуваш! Чуваш!.. Мой кровный брат!.. Душой, не знающей преград, Лети в грядущее, лети, Как метко взвитая стрела...»

12 августа 1962 года

Анна Алексеевна Николаева

СЛОВО О СЫНЕ

Всю жизнь прожила я в родном селе Шоршелы. Были в ней и печали, и радости, но самое большое счастье пришло сегодня, когда я узнала, что мой сын Андриян поднялся в космос и сейчас продолжает свой полет. Ко мне приходят знакомые и незнакомые люди, и все душевно поздравляют. И просят рассказать о сыне.

Наша семья дружная. И хотя я рано лишилась мужа — Григорий умер почти двадцать лет назад,— дети: и старший Иван, и еще подросток Андриян, и малолетние Зина и Петр — помогали мне и друг другу как могли, чем умели. Трое сыновей у меня, и все хороши — плохого не видела ни от одного.

И муж, и я, оба мы из села Шоршелы, оба бедняцкого рода. Поженились в 1922 году и всю жизнь прожили в небольшой деревенской избе в два окошка, занимались крестьянским делом — сеяли хлеб. Григорий был хорошим работником, не пил. Когда в нашем селе мужики образовали первый в районе колхоз, муж стал работать конюхом, а ядояркой на молочной ферме. Бывавернусь поздно с работы, Андриян уже и дров наколет, и воды принесет, и печь растопит. Зажжет лампу и уроки готовит. Учился он хорошо, старательно, часто рассказывал о том, что прочитал в книгах. Ведь мне-то не пришлось много учиться — я окончила только четыре класса. А читал он все революционное, про героев и путешественников, все, что можно было достать в нашем селе.

Во время войны, после смерти мужа, жили мы трудно. Плохо было и с одеждой, и с хлебом...

С детства Андриян любил животных, деревья, цветы и травы. Частенько с младшей сестрой Зиной уходил в дальний лес по орехи, по грибы, по ягоды. Другие мальчишки побаивались заблудиться в этом лесу, а он не пугался ни чащобы, ни темноты. Был такой случай, что несколько наших ребят потерялись в густых зарослях орешника. Всех их тогда вывел из леса мой Андриян.

В нашей деревне все сделано из дерева: и избы, и школа, и всякие колхозные постройки. Может, поэтому мои сыновья Иван и Андриян и пошли учиться в лесотехникум. Они достигли своего — стали специалистами по лесному делу. Никогда не думала я, что Андрияна потянет в небо и он выучится на летчика. Ведь в Шоршелах до сих пор никто в летчики не выходил. А тут вдруг письмо с фотографией, на которой наш Андриян снят в летной форме

Добрые вести. Мать летчика-космонавта А. Г. Николаева — Анна Алексеевна.

Клавдия Ивановна Семенова со своими первоклассниками. Еще никто не ведает, как сложатся пути-дороги мальчика, отмеченного нами крестиком.

Первоклассник Шоршелской семилетней школы Андриян Николаев. (Рисунок художника Э. М. Юрьева по групповой фотографии).

TEP TEP

с крылышками на петлицах: «Мама, я теперь летаю на самолете». Целую неделю приходили тогда к нам соседи смотреть на фотографию Андрияна, почитать его письмо.

Вскоре он выписал меня к себе в гости, и я прожила у него восемь месяцев. Уедет он с товарищами на аэродром, а я выйду на улицу и смотрю в небо, на самолеты. И все кажется, что в каждом мой сын. Слежу, как они кружатся среди облаков, и сердце радуется и замирает—подумать только, высота-то какая! А он вернется вечером и рассказывает, как летали, хвалит товарищей и командиров и все рвется летать повыше и побыстрее...

А когда я уехала обратно в Шоршелы, Андриян каждый месяц стал присылать мне почтовые переводы. Он помог младшему брату Петру построить новый дом, в котором я теперь живу. Чуть ли не в каждом письме он интересовался, как у нас идут дела по хозяйству, советовал посадить яблоневые деревья, спрашивал, как трудятся колхозники-односельчане. В прошлом году после полета в космос Германа Титова он приезжал на побывку в Шоршелы,

ходил, как и в детстве, рыбачить на наш прохладный Цивиль, встретился с друзьями, потолковал с ними о колхозных делах.

После его отъезда в деревне стали поговаривать, что вроде бы Андриян — космонавт, что его, дескать, видели в чебоксарском кино в каком-то фильме рядом с Гагариным и Титовым. Я сначала не поверила этому слуху, а потом подумала, что с его упорством всего можно достичь. Вель детство и юность Гагарина и Титова во многом схожи с молодыми годами нашего Андрияна. Раз они смогли взлететь так высоко, так почему бы не сделать то же самое и другим хорошим летчикам. А что Андриян летчик хороший, мне говорили его командиры еще тогда, когда я проживала у него в гостях.

Андриян, так же как и я, человек труда, любит свою Родину, свой народ. Он с гордостью показывал мне свой партийный билет и говорил, что партия дала ему крылья, научила бороться, не бояться никаких трудностей. Я вырастила его, а партия воспитала, открыла перед ним такие просторы, о которых даже в наших сказках не говорится ни слова...

Ольга Берггольц

Андрияну Николаеву

Вся в заре,

вся в тумане Цивиль-река, птицы громко кричат:— Цивиль, Цивиль...

Что за утро,

сбылась вековая быль: сын вернулся уж очень издалека. Ах, вернулся он из-под самой Луны, а корабль его звездный

звездой бродил,

отражаясь в тиши, в глубине волны на Цивиль-реке,

где он щук удил.

Будь же счастлив ты

на Цивиль-реке, вечно счастлив в Чистых Ключах... Держит Родина

сердце твое в руке,

о победе птицы

и дети кричат.

Андриян Николаев

СВЕТЛЫЕ КЛЮЧИ

Село наше Шоршелы можно заметить издали. Еще на пути к нему ощетинился высокий, вровень с телефонными столбами частокол, опутанный хмелем. И запах от того хмеля такой, что и впрямь охмелеть можно. Не вдыхаешь, а пьешь

воздух.

Шоршелы — по-чувашски «Светлые ключи». У нас множество родников. И все они имеют свои названия. Один называется Холодный ключ, другой — Светлый родник, третий — Бурный поток, четвертый — Голубой ручей. У ручьев и у реки Цивиля, притока Волги, растут красивые дубки, ветлы, калина. По весне в бело-голубой пене черемиха. А осенью огненными гроздьями полыхает рябина. Но это, так сказать, природой созданная красота. А в Шоршелах есть и рукотворное чидо. То наши резные дома. Сельские умельцы мастерски разукрашивают резьбой свои жилища.

Само село приютилось в неглубокой долине на правобережье Волги. Правда, до самой матушки-реки неблизко — километров пятнадцать. Мы, шоршелские мальчуганы, не считали это расстояние за путь, а Волгу—за дальнюю соседку. Бывали там частенько. Надеялись на собственные ноги. Ходили босиком — так быстрее. Выйдем, бывало, еще заря не прорежется, а к восходу уже на месте.

А какое это чудо солнце на Волге встречать! Все вокруг прямо-таки золотом горит, и дышится так легко. Выл там у нас свой утес. Конечно, не тот, о котором в песне поется. Но мы по простоте душевной полагали, что именно на него взбирался в свое время Стенька Разин и орлиным взором оглядывал

волжские просторы. Наша скала, как и разинская, для многих была недоступной. Кроме нас, мальчуганов, там никто не бывал. Конечно, и нам было жутковато взбираться по уступам почти отвесной стены. Но когда доберешься до вершины, встанешь во весь рост... Это вроде первого полета. Так и кажется, что поднялся на крыльях, да так и паришь над широченным раздольем. Дух захватывает.

О нашей скале ходили слухи, будто в ненастные ночи на ней полыхает огонь. Особенно в грозу. Говорили, что на этом утесе ночевали громы. Ребячьему воображению живо рисовались огненные стрелы, точившие свои острия о нашу скалу. Было немножко жутковато от этой мысли, но вместе с тем мы гордились, что запросто ходили в гости к громам, бывали с ними по сосед-

ству.

Видимо, отсюда, с Волги, те легенды и песни перекочевали в наши Шоршелы. Хотя в деревне не все хорошо говорили по-русски, но слов из песен не выбрасывали и понимали их, как свои. Случалось, правда, что в русскую песню вклинивалось чувашское словечко, но сить от этого не менялась. Соберутся, бывало, шоршелские мужики за праздничный поговорят, обсудят жизнь, а потом затянут мую волжскую. И перед мысленным взором проплывают картины прошлого. То, что изучалось позже по учебникам, вставало, как картине. Виделись и «расписные Стеньки Разина челны», и тянущие бичевою баржу репинские «Бурлаки на Волге», и полыхающее на ветру красно-белое знамя пугачевцев, и горько плачущая некрасов-

1

ская Арина — мать солдатская, и рубящие контру лихие конники Чапаева, и пришедший к Волге поделиться думами юный Ленин.

Вот такой простор имели волжские песни. То звучали не просто отводившие душу голоса. Мужики нараспев читали историю своей Чувашии, чья жизнь, будто малые истоки Волги, слилась воедино с судьбой великого брата — россиянина.

Нас в семье росло четверо: старший брат Иван, я, сестра Зина, моложе меня на три года, и самый младший из нас Петр.

Родители нас очень рано приучали к труду. Причем без особых принуждений. Мать у меня очень спокойная, добрая, я бы сказал, тихая. Она никогда нас не ругала, а если велела что сделать, то это больше походило на просьбу, чем на требование. Отец был покруче. Не скрою, давал иногда и нахлобучку. Но тут же отходил и вроде оправдывался перед нами, малышами:

— Вы не обижайтесь на отца. Добра желаю. Не хочу, чтобы росли барчуками.— И показывал нам свои потрескавшиеся ладони: — Вот такими руками можно вырастить хлеб.

О цене хлеба отец довольно часто нам напоминал. Особенно, помню, рассердился, когда Петр выбросил в окно упавший наземь кусок хлеба. Бить не стал, а наказал крепко:

«Будешь обедать без хлеба».

Хлеб, в понятии отца, был одним из священнейших плодов человеческого труда. И чтобы понять ему цену, нужно уметь его выращивать. И еще советовал любить землю. От пее, дескать, идет сила, жизнь человека. Ну, мы, конечно, не все еще это хорошо понимали. Гораздо позже осмыслили отцовские слова. Но привязанность к труду хлебопашца проявилась в нас рано.

Летом мы почти не жили дома. Только ночевали. С рассветом я уезжал с отцом в поле. Что он делал, за то и я брался. Ходил за плугом, бороной, сеялкой. Даже косил. Правда, пшеницу и рожь, если они густые, трудновато было одолевать, но ячмень, овес и гречиху косил запросто. Доводилось и возить снопы, скирдовать, молотить.

Часто на ночь оставались в поле. Разведет отец костер, подвесит казанок, и так запахнет вкусной яшкой, что язык можно проглотить. Яшка — это вроде овощного супа; есть там и капуста, и картошка, и лук, и пшено, и много такого, что известно только искусным кашеварам. Отец принадлежал к их числу. Прямо в поле приготовлял то, что обычно стряпают дома.

После ужина ложились на свежескошенную вику или сено, и начинался недолгий разговор. Отец не умел сказки рассказывать, но помечтать любил. Лежит, бывало, лицом к небу, смотрит на Стожары и загадывает:

— Небось, одна и та же сила удерживает и звезды, и землю. Крутятся, вертятся, а не падают.

— Какая же сила это, nan? — допытывался я.

— Кто ж его знает, Андрюха, какая,— вздыхал почему-то отец.— Может, и божеская, может, и другая, наша, советская.

Отец не был верующим, но не считался и особым атеистом. Его сознание находилось на той грани, где неверие в сверхъестественные силы подменялось смутной догадкой — раздумьем: «Бога нет, а кто же вместо него?»

Потом отец тыкал прокуренным пальцем в луну и рассказывал легенду:

— A вот там боги, конечно, не водятся. Там люди. Такие, как мы с тобой. И так же, как мы, сеют хлеб, убирают, молотят. Вот там

только несчастье раз произошло. Вон видишь — два человека...

Я во все глаза смотрел на белую, будто в инее, луну и никак не мог различить увиденных отцом людей.

А отец продолжал рассказывать тоном сказочника:

— Вышел как-то утром мужик к скирде, чтобы соломы волам набрать. Воткнул вилы и вместо соломы поднял на тройчатых своего брата, который спал в скирде...

Не знаю, почему, но меня эти рассказы не страшили. Просто разжигали любопытство. Поднималась из-за стогов красная, будто от натуги, луна. В еще не скошенные поля падали звезды. Узорчатым коромыслом над головой нависал Млечный Путь. И мысли уплывали туда— в неведомые миры, в недосягаемые дали.

Настоящую цену хлеба я познал несколько позже. Когда началась война.

Почти все мужчины Шоршел ушли на фронт. Только инвалиды да старики остались дома. Не взяли на службу и моего отца. Он сильно прихварывал. Месяцами лежал в постели. Но как только поднимался, шел на работу. Зимой хлопотал по конюшне, летом сутками пропадал в поле. Рабочих рук в колхозе не хватало. Одни бабы да старики маялись и на посевной, и в уборочную. Пособляли мы, подростки. Теперь я уже втянулся в работу понастоящему. Самостоятельно и косил, и молотил, и скирдовал. Вечерами забегал к маме на ферму. Помогал чистить сарай, заготовлять корм скоту.

В первое и второе военное лето, хотя было и трудно, но колхозники кое-что получили на трудодни. А третья жатва оказалась скудной. Прихватившая Поволжье засуха погубила яровые, да и озимые почти наполовину сожгла. С двух

сторон поджимала беда: неурожай и тревожные вести с фронта.

Люди для фронта ничего не жа лели. Посылали своим сыновьям отцам и мужьям все, что могли. И Шоршел на войну ушли около стомужчин. А возвратились — по пальцам можно пересчитать.

Трудно было на фронте. Нелегко было в тылу. И все же, несмотря ни на что, даже в ту тяжелую пору меня властно тянуло к учебе. Очень верно сказал один из моих земляков, что чуваши, как целина по зерну, стосковались по знаниям. Тяжеловато приходилось. Когда из техникума возвращался домой, помогал матери на ферме и делал уроки.

Техникум, где учился и мой брат Иван, находился в старинном городке Мариинском Посаде. До Марпосада путь не ахти какой, если сыт желудок. Ну, а если отправляешься в дорогу после жиденькой яшки? И все же учебу мы не бросили. Отмеривали по тридцати километров в сутки. Лишь иногда оставались в общежитии на ночлег.

Не знаю, может быть, не стоило бы ворошить пережитое, но не могу. Сама память воскрешает те давние дни. Как-то я собрался в дорогу (Иван в техникуме заночевал); собрал книги, тетрадки и вышел в сенцы, где обычно мать подавала маленький сверточек с провизией—три печеные картошки. Встал у порога. Жду. Но мать стояла с пустыми руками и смотрела в окно. Я окликнул. Она повернулась и взглянула на меня виноватыми глазами, полными слез:

 Сынок, нечего тебе дать на дорогу.

Я впервые увидел мать плачущей. С мужским достоинством, проглотив подступивший к горлу комок, попытался ее успокоить:

— Да мне ничего не надо, мама. Я не хочу есть.

То была святая неправда. Но я другого сказать не мог. Знал: в постели лежал больной отец, и мать не знала, кого спасать — мужа или детей.

Пришел в техникум. Ивана там не застал. Он занимался в первой смене и отправился домой другой дорогой. После занятий я домой не пошел. Отзанимался и на второй день. Собрался домой. Вышел на марпосадский тракт и не знаю, куда идти. Поднялась метель. Света белого не видно — вовсю лютовал декабрь сорок четвертого года. Но возвращаться в техникум не захотел. Знал, что дома ждут, тревожатся.

С трудом различая занесенный снегом большак, упорно пробиваюсь к Шоршелам. Кругом — ни человека, ни подводы. Только лес гудит протяжно, поземка будто опутывает ноги. Вообще, в ходьбе я был крепок сызмальства. Но тут подкашивались ноги. Как ватные стали, не слушаются, и все. Но я не сдаюсь. Отмериваю, как на пашне, шаг за шагом. И вдруг совсем рядом замечаю человека. Приближаюсь. Иван. Он в расстегнутой, видать, наскоро надетой фуфайке, тяжело дышит и белый, как мел.

— Что с тобою? — встревожился я.

— Отец умер...—Как обухом ударили меня два слова...

Сейчас, когда вспоминаю об отце, вижу перед собой сухое, печальное лицо, а на груди — большие, рабочие руки. Остальное у меня все как в тумане.

Осунулась, постарела мать. Старше своих лет сделало горе и нас. Мы еще старательнее помогали матери на ферме, хлопотали по хозяйству дома. Сами мыли полы, немудреный обед готовили, а если требовалось, и стирали. Но учиться не бросили.

В жизни бывает так. Навалится на человека горе. И свет перед ним меркнет. Кажется, ничто не может вернуть ему прежнего интереса к жизни. Ходит такой человек будто в потемках. Не знает, куда направиться, чтобы выйти на свет. И вдруг в этой кромешной тьме замигает, загорится огонек. И человек тянется к нему, как подсолнух к солнцу.

Таким греющим огоньком для нашей семьи были все Шоршелы. После смерти отца люди (они нам родня, но чижими их назвать не могу) приняли в нашей судьбе самое сердечное участие. В старенькию бревенчатию избушки, срубленную еще моим дедом, чаще обычного заходили соседи. Если мама болела, ухаживали за ней, приносили лекарства. Те, кто пограмотнее, заглядывали в наши тетрадки и породительски строго спрашивали за невыученные уроки. Колхоз кое-чем помогал. Да перечтешь ли все, сделанное добрыми людьми.

И все же, говоря о свете, идущем от людей, я думаю не только о такой помощи. Мысль моя о другом. О большем. Есть такой источник, который не только сам светит и греет, но способен заряжать других.

На краю Шоршел, у обрыва, у которого быется извилистая речушка, стоит самое высокое в селе здание. Это школа. Там раньше была церковь. Где некогда был алтарь, стоит грифельная доска, висят огромный портрет Маркса и географическая карта. Тут я впервые написал слово «Ленин». Продиктовала его Клавдия Ивановна Семенова — моя первая учительница. Как сейчас вижу перед собой ее строгий и вместе с тем добрый материнский облик. Внимательные чуточку вприщурку глаза От чик не баловала. Но даже

венубликанская БИВЛИОТЕКА м горького

Клавдия Ивановна счастлива. Вот каким, украшенным Золотой Звездой героя, вернулся ее питомец Андрейка. Теперь летчик-космонавт СССР Андриян Григорьевич Николаев.

сейчас не могу сказать, почему мы ее так любили. На ее уроках была такая тишина, что слышно было, как на крыше голуби воркуют.

От нее, Клавдии Ивановны, я впервые узнал, что такое звезды. А уже в пятом-седьмом классах мои астрономические познания обогатил преподаватель Иван Михайлович Романов. Специальных уроков по астрономии не было. Но Иван Михайлович — один из тех преподавателей, уроки которых продолжались за стенами школы. Он возил нас на экскурсии, доставал неизвестные

нам ранее экспонаты, рассказывающие о происхождении нашей планеты и ее спутницы Луны, мастерил с нами глобус и рисовал карту звездного неба. Летом астрономические «эксперименты» переносились в поле. Учитель неотлучно находился с нами на уборочной, ходил в ночное. Знаете, какая это прелесть — ночное. Лошади таинственными тенями бродят в высокой траве, похрустывают щавелем или пьют в реке звездную воду. И тишина окрест стоит необыкновенная. Только где-то за Марпосадом, на Волге,

сонно покрикивают буксиры: Да костер потрескивает, обдавая нас сладким, духовитым дымком. Иван Михайлович шевелит притиком угольки и негромко рассказывает, бидто за руки ведет нас в неведомые дали:

— Самая дальняя от нас планета Солнечной системы — Плитон. Человеку там немыслимо находиться.

Учитель на минуту замолкает и вдруг с облегчением сопоставляет:

 А вот на Венере другие условия. Потом мы начинаем искать Венеру. Предварительно потишив костер, Иван Михайлович водит хворостинкой по небу, будто указкой по карте:

— Венера уже смешалась со звездами. А вечером она первая появляется. Такая яркая, заметная. Сейчас среди дригих вроде и не выделяется. Вот она... А вон Малая Медведица. Запомните, где Орион...

Допоздна деревенская ребятня читает небо. Домой возвращаемся лишь перед рассветом, когда на луга уже упадет роса.

Были у меня и другие учителя жизни. Это когда пошел учиться в лесотехнический техникум. Преподаватели тут были опытные, влюбленные и в свое дело, и в людей.

Бывало всяко. Шла война. И голодали, и в холодном общежитии жили. Кое-кто ходил в лаптях. Одевались кто во что горазд. Из белья мать запросто делала рубашку красила ее домашним способом. Скоблила кору ольхи, кипятила в воде, подбрасывала туда ржавых гвоздей — и краска готова. Обувку я сам чинил себе, всей семье и даже кое-кому из техникумовских ребят.

Как ни трудно было, но жили неплохо. Учили нас науке жизни и учителя, и простые люди труда. Перед самым моим отъездом из дома на работу в Карелию один из них мне

напомнил, на мой взгляд, самую важную для человека истину:

— Помни, Андрей, самая высшая наука жизни — труд. Только он делает человека Человеком.

...Говорят, у каждого человека бывают минуты, когда он исповедуется перед собой. Как бы отчитывается за оставленный след на земле: а ну, давай посмотрим, что ты взял от жизни и что дал ей? Не остался ли ты в долгу перед живущими рядом? У меня тоже были такие минуты. Я проходил тогда наземный розыгрыш полета. Обживал свой корабль. Делал то, что требовалось от истинного старта до посадки. Включал системы. Жил действующей аппаратурой, приборами. «Управлял» кораблем. Вел наблюдения. Экспериментировал. Любовался звездными закатами и рассветами. Спал в корабле. Занимался «космической» физзарядкой. Словом, шла генеральная репетиция перед новым, третьим штирмом Вселенной. Однако репетиция не только физическая и умственная, но и психологическая. Я мысленно представил свой близкий старт. свою работу на орбите, свое задание, свой долг перед теми, кто снаряжает меня и мой корабль на трансдальнюю трассу.

Мой «полет» продолжался. За бортом сгорали звезды и зори. Рождались рассветы. Слепящей голубизной полыхали летние дни. Только в моем корабле все оставалось независимым от внешнего мира. Ни солнца. Ни запахов трав. Ни шума ветра. Ни птичьих голосов. Тишина. Одиночество. Постоянный искусственный свет. Первые двое суток пролетели незаметно. Но потом потекли тягостные часы. Приукрашивать не стану. Что ни говори, а человек — существо земное, и ему трудно без всего земного.

А ночью мне снились пшеничные

поля. Волной они катились от моих ног до самого горизонта. И я иду по ним напрямик. Иду как по воде. Все выше и выше хлеба. Вот зеленая волна у самого подбородка уже колышется. А я все шагаю и дышу, дышу спелым настоем пшеницы. Потом хлеба расступаются, передо мной как из-под земли встают мои родные Шоршелы. Всматриваюсь в знакомую окраину. Они, они, Шоршелы! Вон и зеленая стена хмеля и дороги, и школа над приречной долиной, и пыльная, с сочным подорожником тропка, ведищая к синим ручьям, где женщины стирают белье.

А потом сон переплетается с явью. Совсем недавно я съездил на побывку в родные Шоршелы. Свиделся с родными, побывал в школе, на току. Ходил на рыбалку. Помогал Петру достраивать дом. Возили кирпич. А вечерами выходил за село послушать поле. Да, я люблю слушать поле. Оно будто рассказывает что-то ласковое, доброе, приятное или же вдруг вспомнит чтото давнее, печальное, но тоже близкое сердии. Однажды, выйдя за село, я долго слушал шум колосьев и нетерпеливо-радостную перекличку перепелов. И вдруг в эту песню влилась другая, человеческая. В сторонке, по проселочной дороге ехала подвода. Мерно поскрипывал груженный сеном воз. А на сене лежал белоголовый парнишка и бесконечно долго тянул старую, как наше поле, песню. А мелодия такая, что запомнишь с первого раза. Раздумчивая, душевная и просторная, как продолжение наших полей.

Все это: и песня, и поле, и возница — прошло перед моим взором в

корабле, будто наяву.

То, наверное, был первый сон в космическом корабле. Мы с ребятами спим вообще без сновидений. А тут вот привелось отправиться в сказочное путешествие по отчим краям. Врач-психолог вначале озадаченно прокомментировал:

— Да, лучше отдых без сновидений.— Но, подумав, произнес совершенно иной приговор: — А вообще это неплохо, что перед дальней дорогой хоть мысленно в родные края наведался. Моральную зарядку получил. В полете это очень нужно.

Разве я мог не согласиться с тем, что говорит медик! Ему-то, наверное, виднее, чем мне. Но и я мог с полным основанием добавить:

— Да, доктор, совсем неплохо повидать кусочек вскормившей тебя земли перед тем, как с ней расстаться.

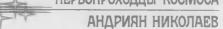
Васьлей Давыдов-Анатри

такой, как все

(Отрывок из поэмы)

Андриян такой, как все: Любит бегать по росе, Время есть — гоняет мяч Или в степь умчится вскачь, Очень любит он читать, А того сильней — мечтать. Мальчик учится примерно: Пусть забавы подождут! Понимает парень верно,

Что всему основа — труд! Долгим вечером готов Слушать сказки стариков, Как Улып сражался смело, Был отважен без предела, Мощь дала ему земля, Неоглядные поля, Побеждающую силу Солнце щедро подарило...

Михаил Юхма

ЛЕГЕНДА О ПИНЕСЛУ

Из книги «Мальчик из Шоршел»

Больше всего на свете любили Андриян с Иваном сказки. Только и ждали того часа, когда мать начнет рассказывать. А знала их Анна Алексеевна великое множество!

Как-то раз пристали они с Ваней, чтобы мама новую сказку рассказала. Некогда Анне Алексеевне. Обед нужно приготовить, корм скотине задать, а потом на колхозную ферму бежать,— да разве ребята отстанут!

— Ладно. Присаживайтесь поближе к печке,— согласилась она.— Я буду обед готовить и сказку вам рассказывать.

— Только новую, как обещала, подсказал Андриян.

— Новую...— задумалась Анна Алексеевна. — Просто и не какую же вам новую? Я уж и не помню, какая из них новая, а какая старая. Об Азане и Пинеслу слышали? Нет? Ну, тогда слушайте. «Жила в одном селении девушка, звали ее Пинеслу. Такая красивая, умная, скромная девушка была. Трудолюбивая. Большая мастерица! Люди на нее не нарадуются. Вот возьмите имя! Каждому человеку оно не зря дано. У хорошего человека и имя всегда хорошее, так уж это водится. Так и Пинеслу. Ведь Пинеслу — значит сокровище, драгоценность, редкая красота. Она и в самом деле была, как сокровище. И красивая, и пела дивно хорошо. Как запоет, и старый, и молодой замирал на месте. Ах, как забирала песня Пинеслу! И за это любили ее

Не нравилось это ведьмам и колдунам. Стали они думать, как Пинеслу с песней разлучить. И придумали. Выкрали девушку из села тайком и занесли на луну. «На луне никто не услышит ее песни»,— радовались злые колдуны.

И еще повесили на плечи Пинеслу коромысло с ведрами, наполненными водой. Стоит Пинеслу, держит на плечах коромысло с ведрами, а сбросить не может.

— Пускай помучится. Устанет, и петь тогда не сможет! — решили колдуны.

В той же деревне, из которой была Пинеслу, жил один юноша Азан, или Светлая мечта. Они с Пинеслу дружили с детства, а когда выросли, полюбили друг друга. Пропала Пинеслу — стал горевать парень. Ходит по деревне, сам не свой. Нашелся добрый человек, шепнул Азану: унесли колдуны девушку на луну.

— Ах, колдуны, злодеи! Вот что выдумали! — воскликнул Азан, сжав кулаки. — Да все равно не будет повашему! Спасу я тебя, Пинеслу! Спасу!

С этого дня заперся у себя во дворе и стал мастерить крылья. Задумал Азан лететь на луну — снять оттуда красавицу Пинеслу. И сделал он крылья. Красивые, мощные, как у орла. Люди трогали их и удивлялись: из чего они сделаны? Но Азан молчал, не открывал тайну.

Вышел он за деревню в поле, нацепил свои чудесные крылья и взмыл в воздух. Видели люди, как странная большая птица поднялась в воздух и исчезла за облаками.

Дорога до луны не короткая. Решил Азан держать путь по Хуркайк Сьулэ — так по-чувашски Млечный Путь, что означает — дорога диких лебедей. О Хуркайк Сьулэ су-

ществует еще одна легенда. Говорят, подбили лебедихе крыло охотники, и не смогла она лететь. Стая полетела на юг без нее. А на лету выщипывали лебеди свой нежный пух и бросали комочками, чтобы их подруга, оставшаяся на севере, нашла по ним дорогу. «Поднимусь и я по Хуркайк Сьулэ. Надо только подождать, когда луна, обежав землю, приблизится. Тогда и долечу до Пинеслу», — решил Азан.

Прослышали ведьмы и колдуны, что полетел Азан на луну. Испугались, что он в самом деле вернет Пинеслу на землю. Собрались на совет, стали думать: как помешать?

Долго думали. И надумали. Послали ведьму в поле набрать светлячков в траве. Потом поднялась она в небо и на пути Азана расставила мощные светящиеся точки. Азан и сбился с пути...»

 Неужели Азан не долетел до луны? — спросил Андриян у матери.

— Нет, сынок. Не долетел бедный Азан. В старой легенде говорится, что и по сей день летает он около звезд: заблудился и не может найти дорогу ни на луну, ни на землю. Но у сказки есть и конец,— добавила

Анна Алексеевна.— В легенде сказано, что пройдет много лет, и с земли поднимется батор с крылатым сердцем. Он вызволит Азана из беды: покажет ему дорогу на луну, и прилетят Азан и Пинеслу на землю. Вот какой у этой сказки конец.

В это время забурлила в чугунках вода, крышки запрыгали, засвистел чайник на все лады. Не до сказок стало Анне Алексеевне. Ребята, чтобы матери не мешать, во двор ушли. Сели за сараем на бревно. И молчат. Не выходит у них из головы храбрый Азан и красавица Пинеслу!

— Вот бы мне такие крылья,— сказал Ваня.— Я бы вызволил Пинеслу.

У Андрияна глаза засверкали. Ведь и он об этом подумал! «Вот вырасту, пойду в летчики. С командиром договорюсь и полечу на Луну»,— решил он. Но брату пока ничего не сказал. Засмеет еще! Скажет Ваня: это же сказка, что ты, не знаешь?!

С тех пор Андриян как выйдет вечером на крыльцо, только и смотрит на большую желтую луну над лесом. Все ищет: не видна ли отсюда девушка-лунянка Пинеслу?..

Евгений Дембо

УЧИТЕЛЬНИЦА ПЕРВАЯ МОЯ

И вот они снова рядом: старая учительница с лицом крестьянки и ее ученик, человек, имя которого стало известно всему миру...

Надо было видеть, с каким неподдельным волнением приехал по возвращении из космоса в родные Шоршелы Андриян Николаев. Зашел в школьный сад, посмотрел на яблони, которые он когда-то сажал вместе с другими учениками. Здесь, в

Шоршелской восьмилетней школе, в пятом — седьмом классах учился будущий космонавт. А рядом, в небольшой избенке, много лет назад размещалась начальная школа. Но кто же они, первые учителя Андрияна Николаева, и как они воспитывали в нем те качества, что теперь удивляют весь мир?

...Село Банново, километрах в пятнадцати от Шоршел, где теперь жи-

вет его первая учительница Клавдия Ивановна Семенова. Проходит час за часом, уже давно погас экран телевизора, давно наступила ночь, а мы все говорим и говорим о том, что было четверть века назад, и невольно разговор этот с Андрияна Николаева переходит на нелегкую, но славную, гордую жизнь старой учительницы. И все отчетливее, зримее становится нравственный подвиг этой простой и удивительно скромной, все время как будто чего-то стесняющейся русской женщины. Не эта ли скромность и простота нашли отражение в удивительной, неподдельной скромности самого Андрияна Николаева? Тридцать пять лет проработала Клавдия Ивановна в чувашских селах, из них почти два десятилетия — в Шоршелах. Любопытный штрих: когда космонавт летел из Москвы в родные края, он сказал, что только в эти дни узнал из газет, что его первая учительница — не чувашка, а русская, — так хорошо она говорила на его родном языке, такой близкой была окружавшим ее людям.

 Хорошо помню, как совсем юной девушкой я приехала в 1923 году в Шоршелы, — рассказывает Клавдия Ивановна.— Нелегкое это было время. Голод, разруха... Вместе с мужем, тоже учителем, нам пришлось тогда быть единственными «культорганизаторами» деревни, Учили русскому языку не только детей, но и взрослых, вечерами читали вслух Пушкина, Тургенева, Горького. Трудно даже просто перечислить, сколько было у нас дел «по совместительству»: агитировали за передачу церковного здания школе, и как обрадовались, когда сельский сход единодушно принял это решение; организовывали любительские спектакли; создавали сельскую библиотеку; приходилось заниматься и медициной: лечили детей от трахомы. Теперь эта болезнь, тяжелое наследие прошлого, окончательно исчезла из чувашских сел.

Клавдия Ивановна вынимает ветную тетрадку с полустершимися записями о первых успехах (к слову говоря, весьма скромных) классника Андрияна Николаева и любовно расправляет краешек выцветшей фотографии, где она снята со своими учениками в те далекие годы. Среди ребят можно узнать серьезного не по годам Андрияна.

 Это было время подвигов Чкалова, Громова, Гризодубовой, Расковой и Осипенко, эпопеи Челюскина,продолжает свой рассказ Клавдия Ивановна. — Обо всем этом много говорили в чувашских селах. События эти были темой горячих разговоров и у моих учеников. Я хорошо помню среди них черноволосого, спокойного, с пытливым взглядом карих глаз, Андрияна Николаева. За внешней сдержанностью его виделась мне глубокая впечатлительность, любознательность.

из рассказа Постепенно учительницы вырисовывается облик пытливого, настойчивого, шустрого, но самого обыкновенного мальчика. Клавдия Ивановна настойчиво прививала ему любовь к чувашской и русской культуре, к языку и литературе родного и русского народа. Вместе с тем она стремилась воспитать в детях любовь к романтике подвига: примеров для подражания очень много. И всегда она проводила важную мысль о том, что всякий подвиг, любое настоящее дело — плод коллективных усилий, общего труда. Воспитание трудом, начатое в семье, продолжалось упорно и терпеливо. А одновременно это было воспитание и серьезного взгляда на жизнь.

Клавдия Ивановна стремилась всячески поощрять коллективизм, взаимовыручку ребят.

— Если кто-то по рассеянности забывал дома ручку, я не давала свою, вспоминает, улыбаясь, старая учительница, — а обращалась к классу:

— Кто поможет, ребята?

И малыши выручали товарища. Одним из первых всегда поднимал

руку Андриян...

За четыре года учительница прочитала ребятам много интересных книг. Бывало, прозвенит последний звонок с урока, пообедают ребята в школьной столовой и бегут к ней:

— Клавдия Ивановна, сегодня что будем читать? — И через несколько минут с горящими глазами они слушали рассказы Гайдара или повести Николая Островского.

Часто работали и на школьном участке. Тут у Андрияна особенно крепла любовь к природе, которая привела его после школы в лесной техникум. Клавдия Ивановна водила ребят в урочище Холодный Ключ, давшее имя селу,

Это был сельский «ботанический сад»: на небольшом клочке земли уместилась почти вся флора и фауна Чувашии. Ребята собирали гербарии,

наблюдали за юркими ящерицами и колючими ежами, учились глубоко понимать природу, любить родные места. И с какой охотой шел к Холодному Ключу, как в какое-нибудь таинственное путешествие, маленький Андриян...

Он рос обыкновенным мальчишкой, попеременно испытывая влияния различных «романтических страстей». И все же стремление к звезлам идет именно отсюда, от Шоршел. С высокого откоса Цивиля Андриян вместе со своими сверстниками запустил множество летающих моделей, построенных под руководством учителя физики Ивана Михайловича Романова, который всегда что-нибудь мастерил с ребятами, причем. старался не подавлять их инициативу, не делать все за них, а умело, незаметно руководить их техническим творчеством. Однажды и сам Андриян сделал особенно удачную модель самолета. На ее испытание в поле вышел весь класс. Метров триста пролетела модель. Это, конечно, не очень много, но как горд был Андриян...

Аркадий Лукин

волшебный мост

Мне не дают покоя звезды, Когда над самой головой Висят их трепетные гроздья, Как бы дразня: «Достань рукой». И я мечту мою седлаю, Чтоб устремиться в высоту, Как наш крылатый Николаев, По семицветному мосту.

Волшебный мост... Причуды детства... Как пацанами за дождем Бежали мы, ЕГО приветствуя, «Авось, на этот раз дойдем». Ведь мудрость древняя гласила: «Достигни радуги-моста, И обретешь такую силу — Улыпу самому под стать».

И мы, казалось, достигали. Но только радуга-дуга Еще заманчивей мигала И убегала за луга.

...Вот так же бегал и Андрюша И так же верил в чудо-мост. Взамен затасканных игрушек Ему хотелось горстку звезд.

И что-то сказочное в этом Таилось, душу веселя... А озорное семицветье Спускалось в устье Цивиля.

Шумели в Шоршелах березы. Грачи качались на ветле. Что им мальчишеские грезы — У них есть крылья, Чтоб лететь!

А мать встречала И молчала, И сердце чуяло в груди, Что это только лишь начало. А звезды будут впереди.

...Эх, широка судьба-дорога, Но в то же время не гладка. И материнская тревога На нас глядит из-под платка. А матерям немного надо: Скорей бы дети подросли И, натянув корону радуг, Ходили бы Как короли!

Но вдруг ударила гроза Под утро возле изголовья. И обагрилась алой кровью Совсем невинная роса...

...На битву с недругом

непрошеным

Ушли мужчины-силачи, Чтоб были Шоршелами Шоршелы, Чтоб были Чистые Ключи.

Война, А с нею голод, холод, Ремень потуже — и держись! Давала, не сдаваясь, школа Выпускникам путевки в жизнь. И справедливая природа, То разделяя торжество, Зажгла Над самой школой гордо Свои волшебных семь цветов.

Как будто не было и пушек, И расцвела земля сама. Смотрел взволнованно Андрюша На мирный-мирный азамат*.

А как пойти? Дорог так много— Вот только выйди за порог. Но стала радуга-дорога Ему дороже всех дорог.

…Его две матери растили: Простая женщина— одна, Другая мать была Россия И вся Советская страна.

Когда настал его черед Вести могучий звездолет, Две матери благословили Быть Человеком — Гордым, сильным.

И вот он высоко-высоко Ушел в космический вираж. Нет, неспроста назвали «Сокол» Тебя, ровесник мой, Чуваш! И мир услышал --Андриян, И мир увидел — Николаев, Страну Советов прославляя, Штурмует звездный океан. Пусть только небо будет Чистым И не погаснет азамат. Как в детстве, Пусть за ним помчится, Ступив на землю, KOCMOHABT.

^{*} Радуга — по-чувашски.

перед дальней дорогой

(Из переписки братьев)

Из Шоршел:

Дорогой брат Андрей!

Получили твое письмо. Ты пишешь, что все хорошо. И больше ничего. А мне кажется, этого мало. Не сообщил ты главного: насчет друзей, товарищей. Есть ли они у тебя на новом месте? А может, кто из старых друзей вместе с тобой переведен к новому месту службы? Это было бы очень хорошо. Ты же знаешь пословицу насчет старого друга, который стоит двух новых. А вообще, со временем и новые становятся старыми, так же как и старые были когда-то новыми. Так что сить, конечно, не в этом. Но без хороших людей жить нельзя.

А тебе — особенно, я-то тебя знаю.

Так напиши, что и как. Пригласи своих друзей в гости к нам, в Шоршелы. Мама намочила яблок. Бережет к твоему приезду. Передают тебе привет твои учителя и школьные друзья. Ждем от тебя главного сообщения: как тебе служится с новыми людьми. Если можешь, напиши про свою летную службу. Много ли летаешь и на быстрых ли самолетах? Такие, как я видел, когда был у тебя на аэродроме, или еще получше? Мама говорит, чтобы ты берег себя и слишком высоко не залезал на небо. Ей, конечно, не понять, что значит настоящая высота полета.

Еще раз привет тебе и твоим товарищам.

В Шоршелы:

...На хороших людей мне везло всегда. Здесь тоже толковые ребята подобрались. Народ что надо. Друзей много. Служится с ними легко. Ты, конечно, прав, все зависит от себя самого. Каким ты будешь для людей, такими и они для тебя. Главное, самому быть человеком.

О летной службе писать пока рановато. Учимся, осваиваем все лучшее. Высота и скорость? Подходящие. Обижаться грех. А мама пусть не беспокоится — небо уже обжито, и по нему самолеты летают, как мы когда-то с тобой прыгали с крыши нашего сарая. А мечта-то побывать повыше крыши.

Привет моим учителям, классникам. Насчет приезда в Шоршелы моих друзей в принципе договорился. Время выпадет подходяшее — приедем. Мои друзья передают вам всем привет и благодарприглашение. Кстати, ность 3a меня тоже зовут в гости. Не знаю, может быть, придется побывать на Днепре. Говорят, там очень красиво. Тот, кто приглашает меня на Днепр, добрый парень, сердечный, веселый. Вы с ним обязательно познакомитесь.

До свидания.

Дорогая мама, не беспокойся. У меня все хорошо. Береги себя. Скоро приеду в гости и расскажу все, все...

Андриян

Реактивный истребитель — машина серьезная. Предполетная подготовка молодых летчиков.

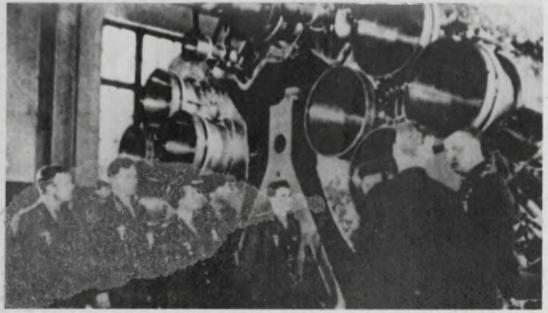

Отряд космонавтов только складывается. Идет строгий медицинский отбор.

Знакомство с космической техникой. (Кадр из документального фильма).

По программе подготовки космонавтов обязательны парашютные прыжки. А. Г. Николаев и Ю. А. Гагарин.

Тренировки, тренировки... Только под наблюдением врачей.

Эдуардас Межелайтис

Чего же тебе на земле не хватает, тебе, коммунисту? Всего только — звезд под ногами. Всего лишь — Вселенной, как сердце распахнутой настежь.

На первый взгляд, этот раздел книги не имеет прямого отношения к А. Г. Николаеву, ведь его имя здесь даже почти не упоминается. Но разве смог бы наш Андриян так по-свойски, «на ты» дважды говорить со звездами, разве был бы вообще возможен в наш стремительный XX век,—не в сказках, наяву — столь дерзновенный прорыв землян в солнечный космос, если бы не предтечи этого подвига человеческого разума: Циолковский, Королев, Гагарин?

Если бы годами не грезил о звездах далекой Вселенной мечтатель-учитель из Калуги... Если бы не научил летать звездопланы Главный конструктор... Если бы в двенадцатый день апреля не прозвучало на весь мир такое по-земному озорное, деловитое гагаринское «Поехали!..» Они были первыми — и этим все сказано. Это благодаря им, перво-

проходиам, стартовал и Космонавт-3...

Но где найти сегодня такие слова, чтобы передать все обаяние, неповторимость знаменитой гагаринской улыбки? Право же, об этом можно говорить лишь стихами. И потому-то составители дали здесь слово именно поэту. А о С. П. Королеве и его соратниках-единомышленниках, об их детище Байконуре свою выразительную поэму в прозе слагает на страницах книги видный специалист в области космонавтики: ему здесь, как говорится, и все карты в руки. Ну, а о К. Э. Циолковском, пожалуй, никто не сможет рассказать лучше, ярче, по-молодому задиристо, чем сам он: на одном дыхании читается его ставший библиографической редкостью «Монизм Вселенной».

...Так как же он начинался, прорыв в солнечный космос?..

ПРОРЫВ В СОЛНЕЧНЫЙ КОСМОС

Циолковский Константин Эдуардович 1857—1935

Советский ученый и изобретатель в области аэро- и ракетодинамики, теории самолета и дирижабля; основоположник современной космонавтики. В детстве почти полностью потерял слух и с 14 лет учился самостоятельно; в 1879 году экстерном сдал экзамен на звание учителя, всю жизнь преподавал физику и математику (с 1892 года — в Калуге).

Впервые обосновал возможность использования ракет для межпланетных сообщений, указал рациональные пути развития космонавтики и ракетостроения. Его технические идеи находят применение при создании ракетно-космической техники. Именем Циолковского назван кратер на Луне.

Константин Циолковский

монизм вселенной

ПРЕДИСЛОВИЕ

В мои годы умирают и я боюсь, что вы уйдете из этой жизни с горестью в сердце, не узнав от меня (из чистого источника знания), что вас ожидает непрерывная радость.

Вот почему я пишу это резюме, не окончив еще многочисленные основные работы.

Мне хочется, чтобы эта жизнь ваша была светлой мечтой будущего, никогда не кончающегося счастья.

Моя проповедь, в моих глазах, даже не мечта, а строго математический вывод из точного знания.

Я хочу привести вас в восторг от созерцания Вселенной, от ожидающей всех судьбы, от чудесной истории прошедшего и будущего каждого атома. Это увеличит ваше здоровье, удлинит жизнь и даст силу терпеть превратности судьбы. Вы будете умирать с радостью и в убеждении, что вас ожидает счастье, совершенство, беспредельность и субъективная непрерывность богатой органической жизни.

Мои выводы более утешительны, чем обещания самых жизнерадостных религий.

Ни один позитивист не может быть трезвее меня. Даже Спиноза, в сравнении со мной, мистик. Если и опьянеет мое вино, то все же оно натуральное.

Чтобы понять меня, вы должны совершенно отрешиться от всего неясного, вроде окультизма, спиритизма, темных философий, от всех авторитетов, кроме авторитета точной науки, т. е. математики, геометрии, механики, физики, химии, биологии и их приложений...

^{*} Одно из самых замечательных произведений в жанре социальной утопии применительно к идеям освоения человечеством всей Вселенной. Впервые опубликовано отдельным изданием самим К. Э. Циолковским в Калуге в 1925 году. Печатается с сокращением.

ПАНПСИХИЗМ, ИЛИ ВСЕ ЧУВСТВУЕТ. (Конспект)

Я — чистейший материалист. Ничего не признаю, кроме материи. В физике, химии и биологии я вижу одну механику. Весь космос только бесконечный и сложный механизм. Сложность его так велика, что граничит с произволом, неожиданностью и случайностью, она дает иллюзию свободной воли сознательных существ. Хотя, как мы увидим, все периодично, но ничто и никогда строго не повторяется.

Способность организмов ощущать приятное и неприятное я называю чувствительностью. Заметим это, так как под этим словом часто подразумевают отзывчивость (в живом — рефлексы). Отзывчивость — совсем другое. Отзывчивы все тела космоса. Так все тела изменяются в объеме, форме, цвете, крепости, прозрачности и всех других свойствах в зависимости от температуры, давления, освещения и вообще воздействия других тел.

Мертвые тела даже иногда отзывчивее живых. Так термометр, барометр, гигроскоп и другие научные приборы гораздо отзывчивее человека.

Отзывчива всякая частица Вселенной. Мы думаем, что она также чувст-

вительна. Объяснимся.

Из известных нам животных чувствительнее всех человек. Остальные животные тем менее чувствительны, чем организация их ниже. Растения чувствительны еще менее. Это — непрерывная лестница. Она не кончается и на границе живой материи, потому что этой границы нет. Она искусственна,

как и все границы.

Чувствительность высших животных мы можем назвать радостью и горем, страданием и восторгом, приятностью и неприятностью. Ощущения низших животных не так сильны. Мы не знаем их названия и не имеем о них представления. Тем более непонятны нам чувства растений и неорганических тел. Сила их чувствительности близка к нулю. Говорю на том основании, что со смертью или переходом органического в неорганическое чувствительность прекращается. Если она прекращается в обмороке, благодаря остановке сердца, то тем более она исчезает при полной разрухе живого.

Чувство исчезает, но отзывчивость остается и у мертвого тела, только она становится менее интенсивной и доступной более для ученого, чем для

среднего человека.

Человек может описать свои радости и муки. Мы ему верим, что он чувствует, как и мы. Высшие животные своим криком и движениями заставляют нас догадываться, что их чувства подобны нашим. Но низшие существа и того не могут сделать. Они только бегут от того, что им вредно. (Тропизм). Растения же часто и того не могут совершить. Значит ли из этого, что они ничего не ощущают? Неорганический мир тоже ничего о себе не в силах сообщить, но и это еще не означает, что он не обладает низшею формою чувствительности.

Только степень чувствительности разных частей Вселенной различная и непрерывно меняется от нуля до неопределенно большой величины (в высших существах, т. е. более совершенных, чем люди. Они получаются от людей же или находятся на других планетах).

Все непрерывно и все едино. Материя едина, также ее отзывчивость и чувствительность. Степень же чувствительности зависит от материальных сочетаний. Как живой мир по своей сложности и совершенству представляет непрерывную лестницу, нисходящую до «мертвой» материи, так и сила чувства представляет такую же лестницу, не исчезающую даже на границе живого. Если не прекращается отзывчивость, явление механическое, то почему прекратится чувствительность — явление, неправильно называемое психическим. И те, и другие явления идут параллельно, согласно и никогда не оставляют ни живое, ни мертвое. Хотя, с другой стороны, количество ощущения у мертвого так мало, что мы условно или приблизительно можем считать его отсутствующим. Если на черную бумагу упадет белая пылинка, то это еще не будет основанием называть ее белой. Белая пылинка и есть эта чувствительность «мертвого».

В математическом же смысле вся Вселенная жива, но сила чувствительности проявляется во всем блеске только у высших животных. Всякий атом материи чувствует сообразно окружающей обстановке. Попадая в высоко организованные существа, он живет их жизнью и чувствует приятное и неприятное, попадая в мир неорганический, он как бы спит, находится в глубоком обмороке, в небытии.

Даже в одном животном, блуждая по телу, он живет то жизнью мозга, то жизнью кости, волоса, ногтя, эпителия и т. д. Значит, он то мыслит, то живет подобно атому, заключенному в камне, воде или воздухе. То он спит, не сознавая времени, то живет моментом, как низшие существа, то сознает прошедшее и рисует картину будущего. Чем выше организация существа, тем это представление о будущем и прошедшем простирается дальше.

Я не только материалист, но и панпсихист, признающий чувствительность всей вселенной. Это свойство я считаю неотделимым от материи. Все живо, но условно мы считаем живым только то, что достаточно сильно чувствует. Так как всякая материя всегда, при благоприятных условиях, может перейти в органическое состояние, то мы можем условно сказать, что неорганическая материя в зачатке (потенциально) жива.

три основы суждений

Для своих рассуждений мы имеем три начала или три элемента: время, пространство и силу. Все остальное вытекает из них — даже чувствительность. Эти три понятия свойственны только высшему разуму и есть его результаты (т. е. устройство мозга).

Самое простое понятие — время. Оно имеет два направления — прошедшее и будущее и определенную величину, т. е. измеримо, как и всякая величина. Как и всякая величина, она бесконечна, т. е. не имеет ни начала, ни конца. Я хочу сказать, что во Вселенной времени сколько угодно. Всякий атом щедро одарен временем. Всякие громадные времена, известные и воображаемые, — совершенный нуль в сравнении с его запасом в природе. Величайший дар космоса для всякой его части, значит, и для человека, нескончаемое время. Более сложно представление о пространстве. Оно имеет не только множество направлений, но мы приписываем ему еще разные формы, объемы и т. д.

В природе пространство не имеет границ. Его такое же обилие, как и времени.

Значит, атом одарен еще и неистощимым и беспредельным пространством. Еще сложнее представление о силе. Оно вытекает из понятий о времени

и пространстве.

Эти три элемента суждений отвлечены (абстрактны), т. е. не существуют во Вселенной отдельно. Но все они сливаются в представлении о материи. Они же ее определяют. Без материи не существует ни время, ни пространство, ни сила. И обратно, где есть одно из этих понятий, там есть и материя. Она определяется тремя этими понятиями. Они, конечно, вполне субъективны. В сущность их входить мы считаем мало полезным.

закон повторяемости

Прежде думали, что Земля единственна. Все остальное составляло небо, ничего общего не имеющее с землей. Звезды, луна и солнце— все это были боги.

Потом наука выяснила, что при одном нашем солнце ютится более тысячи планет, подобных земле. Также и солнце считали единственным. Оно, большею частью, сходило за главного бога. Но и солнц нашли несколько тысяч миллионов, ничуть не хуже нашего. А так как они окружены сотнями планет, как и наше солнце, то число земель возрастает уже до сотен миллиардов. Группа солнц со своими свитами планет называется Млечным Путем и составляет, так называемую, спиральную туманность. Из достаточного далека эта совокупность солнц должна, действительно, представиться нам в виде едва заметного туманного пятнышка.

В настоящее время насчитывают около миллиона таких туманностей. Отсюда ясно, что число планет в космосе еще увеличивается чуть не в миллион раз и уже доходит до сотен миллионов миллиардов (10^{17}). На

каждого человека земли пришлось бы их 100 миллионов штук.

Далее этого факты не идут. Но воображение и ум подскажут нам, что открытый миллион спиральных туманностей или млечных путей составляет также одну группу, одну астрономическую единицу 4-го разряда. Я имею основание называть ее эфирным островом. Но возможно ли, чтобы она была единственной в природе. Ведь она же занимает бесконечно малую часть всего пространства. Остальная-то бесконечная часть его неужели пуста? Где есть пространство, там должна быть и материя. А раз пространство беспредельно, то и распространение материи тоже неограничено.

Мы приходим к выводу, что и эфирных островов без конца. Их группа составляет единицу 5-го порядка. Число разрядов астрономических единиц, вероятно, также беспредельно, как время и пространство, т. е. существует

и 6, и 7 разряд — без конца.

ЯВЛЕНИЯ КОСМОСА ПЕРИОДИЧНЫ. В ОБЩЕМ, ВСЕЛЕННАЯ ВСЕГДА ИМЕЛА ОДИН ВИД

Люди склонны думать, что все умирает, как умирают они сами. Эта одна из иллюзий ума, называемая антропоморфизмом, или уподоблением окружающего явления жизни человека. Антропоморфист думает, что какаянибудь палка, гора, травка, насекомое думает и делает, как он сам. Напр., камень родится, растет, умирает, гора размышляет, бактерия соображает, амеба — хитрит и т. д.

Но нельзя не верить и в обратный процесс — восстановление. Разве рождение растений, животных и человека не есть процесс, обратный умиранию? Разве мы видим только одно разрушение организмов? В равной мере царствует и созидание — явление обратное. Оно даже сильнее умирания, так как число организмов на земле непрерывно возрастает. Население земли может увеличиться, при сохранении величайшего благосостояния, в тысячу раз. Если бы не ограниченность солнечной энергии, приходящейся на долю земли, то вся она могла бы превратиться в живое. Вся планета до самых недр могла бы тогда ожить. Можно ли после этой картины сомневаться в жизненности материи! Мозг и душа смертны. Они разрушаются при конце. Но атомы или части их бессмертны и потому сгнившая материя опять восстанавливается и опять дает жизнь, по закону прогресса, еще более совершенную.

Планеты были сияющими солнцами и погасли. То же ожидает и все солнца. Они должны погаснуть. Прекратится их лучеиспускание — источник жизни — и живой мир на планетах умрет. Вселенная станет подобна темнице без окон и дверей. Но возможно ли это? Навсегда ли это? Вселенная прожила бесконечность времени и если бы солнца угасали, то не было бы тысяч миллиардов солнц, которые мы сейчас видим в млечных путях.

Редко астрономы наблюдают угасание солнц, гораздо чаще возникают новые солнца. В каждое столетие появляется их в Млечном Пути несколько штук. Это справедливо и относительно иных спиральных туманностей; там тоже возникают вспышки зарождающихся солнц.

Вот и разгадка вечного сияния Млечного Пути и миллиона других таких же спиральных туманностей; хотя и гаснут солнца, но на месте их возгораются новые.

Итак, солнце светит миллиарды лет, оживляя на остывших планетах материю. Затем они остывают с поверхности и не дают лучей. Но атомный процесс внутри их не останавливается, они накопляют радиоактивную материю, которая дает вещество элементарное и очень упругое. Все это кончается взрывом, т. е. появлением временной звезды и образованием разреженной газовой массы, которая и дает через биллионы лет солнце с планетами и их спутниками.

Умирают и спиральные туманности, т. е. их солнца сливаются и превращаются в очень разреженную материю.

Слияние звезд каждого млечного пути неизбежно, по теории вероятности, но оно требует громадного времени, которое можно вычислить. Оно в

миллиарды раз больше периода жизни одной солнечной системы. За слиянием следует период блеска, за ним - остывание, а далее взрыв, образование туманности, т. е. зачаточного млечного пути. Но и он воскресает, или снова дает млечный путь, состоящий из группы солнц. Доказательством этого возникновения служат те сотни тысяч спиральных туманностей, которые не выходят из поля зрения гигантских телескопов. Если одни из них угасают, то другие восстанавливаются из угасших невидимых. Также и группе млечных путей, т. е. эфирному острову, должен быть временный конец. Но и эфирных островов множество. Если один из них преобразовывается в элементарную материю, то другой из подобной же возникает. Все астрономические единицы живут и умирают, чтобы снова возникнуть. Вернее, только преобразовываются, образуя то сложное, то более элементарное вещество и давая нам то вид звездного неба, то вид разреженного большею частию невидимого газа.

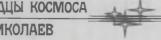
Если период солнечной системы составляет биллионы (1012) лет, то период млечного пути (астроном. единица 3-го класса) продолжается квадриллионы (10^{24}) лет, а жизнь эфирного острова — секстиллионы (10^{36}) лет. Чем сложнее астрономическая единица, чем выше ее класс, тем ее повторяющийся период длиннее. Какой же результат? Вывод тот, что Вселенная, в общем, всегда представляла одну и ту же картину. Хотя бы наша планетная система и была биллионы лет тому назад туманностью, но вид Млечного Пути, в течение квадриллионов лет, остался тот же. Это было скопление сотен миллионов солнц в разном возрасте — от планетарных туманностей до застывших с поверхности темных солнц. Хотя и Млечный Путь квадриллионы лет тому назад был единой чрезвычайно разреженной материей, но существовали другие млечные пути в эфирном острове, состоящие из собрания солнц, и картина его, в среднем, почти не изменялась в продолжение секстиллионов лет. Также эфирный остров был временно разрушен, но группа их, или единица 5-го класса, жила по-прежнему, состоя из множества уцелевших эфирных островов. Каждый содержал миллионы млечных путей, каждый из последних, в свою очередь, состоял из сотен миллионов солнечных систем, а каждая солнечная система — из сотен планет.

Итак, всегда Вселенная содержала множество планет, освещаемых солнечными лучами.

Всю бесконечность космоса не может обнять ограниченный человеческий ум. Но вообразим, что мы можем наблюдать один наш эфирный остров в течение секстиллионов лет. Что мы тогда увидим? В каждом млечном пути, из которых он состоит, множество раз погасают солнца, возникают туманности, превращаясь в гигантские солнца и затем в планетные системы. И наша солнечная система много раз должна умереть и возникнуть.

Проходят еще многие биллионы лет, и мы видим, как сливаются постепенно солнца в любом млечном пути. Они близятся к единению и через многие триллионы лет к погасанию - пройдя предварительно период невообразимого блеска от столкновений и слияния солнц. Итак, мы видим, через квадриллионы лет, погасание млечных путей, их обращение в туманности и новое возникновение в форме собрания солнечных систем.

Секстиллионы лет держится эфирный остров, млечные пути которого множество раз разрушаются и возникают. Но, наконец, и млечные пути сливаются; разрушается сам эфирный остров, чтобы возникнуть снова во всем блеске его жизни.

Что же считать за начало Вселенной? Если ограничиться эфирным островом, то за начало вселенной можно принять состояние «острова» в виде аморфной материи. Но не надо забывать, что это «начало» есть только начало периода и повторяется бесконечное число раз.

Если млечный путь считать космосом, то началом вселенной будет его газообразное состояние. И это «начало», конечно,— есть только начало

одного из бесконечно повторяющихся периодов.

Наконец, если мир ограничить солнечной системой, то началом космоса будет состояние ее в форме очень разреженной материи...

монизм

Мы проповедуем монизм во вселенной— не более. Весь процесс науки состоит в этом стремлении к монизму, к единству, к элементарному началу. Ее успех определяется степенью достижения единства. Монизм в науке обусловлен строением космоса. Разве Дарвин и Ламарк не стремились к монизму в биологии? Разве того же не желают геологи? Физика и химия влечет нас по тому же направлению. Астрономия и астрофизика доказали единство образования небесных тел, сходство земли и неба, однообразие их веществ и лучистой энергии. Даже исторические науки стремятся к монизму. В биологии объединяются клеточки низших существ, образуя животных с единым управлением (мозг — душа), объединяются люди в общества, стремясь слиться в одно могущественное тело.

Я прибавлю к известным уже видам единства и всеобщую чувствительность материи, потенциальную способность каждого атома, при сложной обстановке, жить. Мыслит мозг, но чувствуют атомы, его составляющие. Разрушен мозг — исчезло и напряженное чувство атомов, заменившись ощущением небытия, близким к нулю.

НЕВОЗМОЖНО ОТРИЦАТЬ СВОЕВРЕМЕННОЕ ПОЯВЛЕНИЕ ОРГАНИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ НА ТАКИХ КРУПНЫХ ПЛАНЕТАХ, КАК ЗЕМЛЯ

Много общего между планетами разных солнечных систем: они составлены из одних и тех же веществ, при достаточной величине имеют моря и атмосферы, освещены лучами солнц, подвержены силе тяжести, имеют сутки и времена года.

Почему бы на них не зародиться жизни, как она зародилась на Земле! Правда, на отдаленных от светящегося светила планетах холодно, а на близких к солнцу — жарко. Но планет у каждого солнца множество. Некоторые из них должны находиться, подобно Земле, на благоприятном расстоянии от светила и потому должны быть пригодны к жизни. Потом теории показывают, что все планеты отделились от солнца, сначала касаясь его, и только

потом постепенно удалились. Так что любая планета некоторый промежуток времени находилась в условиях температуры, подходящей для самозарождения и развития жизни. Наоборот, каждая планета, и в том числе Земля, когда-то была не в этих условиях. Так же каждая планета, имеющая сейчас благоприятную степень тепла, со временем лишится ее, так как удалится от светила. Кроме того, самое центральное светило, разгораясь или угасая, также дает всем планетам удобные моменты для развития жизни, независимо от изменения их расстояния от солнца.

Заметим, впрочем, что эти «моменты» могут продолжаться миллиарды

лет, чего достаточно для зачатия и развития организмов.

На малых планетах нет атмосфер. Это как будто мешает образованию живого.

Не будем сейчас спорить. Все же вывод такой: большинство крупных планет или, вернее, планет с газовыми оболочками, или есть, или было, или будет обитаемо.

ЧЕГО МОЖНО ЖДАТЬ ОТ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Трудно себе сейчас представить, как идет процесс развития жизни на какой-нибудь планете, не обратившись к Земле. Чего мы можем ожидать от населения земного шара?

Человек сделал великий путь от «мертвой» материи к одноклеточным существам, а отсюда к своему теперешнему полуживотному состоянию. Остановится ли он на этом пути? Если и остановится, то не сейчас, ибо мы видим, какими гигантскими шагами прогрессирует в настоящее время наука, техника, обстановка жизни и социальное устройство человечества. Это указывает и на перемены в нем самом. Во всяком случае эти перемены должны произойти.

Правда, пока сам человек мало изменяется. Те же остатки животных страстей, инстинктов, слабость ума, рутинность. В отношении общественного развития он даже уступает муравьям и пчелам. Но, в общем, он опередил животных и, следовательно, сильно прогрессировал. Ничто сразу не останавливается. Не остановится и человек в своем развитии, тем более, что ум давно уже ему подсказывает его нравственное несовершенство, но пока животные наклонности сильнее, и ум не может их одолеть.

Можно вскоре ожидать наступления разумного и умеренного общественного устройства на земле, которое будет соответствовать его свойствам и его ограниченности. Наступит объединение, прекратятся вследствие этого войны, так как не с кем будет воевать. Счастливое общественное устройство, подсказанное гениями, заставит технику и науку идти вперед с невообразимой быстротою и с такою же быстротой улучшать человеческий быт. Это повлечет за собой усиленное размножение. Население возрастет в 1000 раз, отчего человек сделается истинным хозяином земли. Он будет преобразовывать сушу, изменять состав атмосферы и широко эксплуатировать океаны. Климат будет изменяться по желанию или надобности. Вся земля сделается обитаемой и приносящей великие плоды...

Будет полный простор для развития как общественных, так и индивидуальных свойств человека, не вредящих людям.

Картину душевного мира будущего человека, его обеспеченности, комфорта, понимания вселенной, спокойной радости и уверенности в безоблачном и нескончаемом счастье - трудно себе представить. Ничего подобного ни один миллиардер сейчас не может иметь.

...Техника будущего даст возможность одолеть земную тяжесть и путешествовать по всей солнечной системе. Посетят и изучат все ее планеты. Несовершенные миры ликвидируют и заменят собственным населением. Окружат солнце искусственными жилищами, заимствуя материал от астероидов, планет и их спутников. Это даст возможность существовать населению в 2 миллиарда раз более многочисленному, чем население Земли. Отчасти она будет отдавать небесным колониям свой избыток людей, отчасти переселенные кадры сами будут размножаться...

После заселения нашей солнечной системы начнут заселяться иные солнечные системы нашего Млечного Пути. С трудом отделится человек от земли. Гораздо легче было одолеть солнечное притяжение, ввиду свободы движений в эфире и громадности лучистой энергии всего солнца, которой мог воспользоваться человек. Земля оказывается исходным пунктом расселения совершенных в Млечном Пути. Где на планетах встретят пустыню или недоразвившийся уродливый мир, там безболезненно ликвидируют его, заменив своим миром. Где можно ожидать хороших плодов, там оставят его доразвиваться. Тяжкую дорогу прошло население Земли. Страдальческий и длинный был путь. И еще осталось много времени для мучительного развития. Нежелателен этот путь. Но Земля, расселяясь в своей спиральной туманности (т. е. в Млечном Пути), устраняет эту тяжелую дорогу для других и заменяет ее легкой, исключающей страдания и не отнимающей миллиарды лет, необходимых для самозарождения.

ЗАСЕЛЕНИЕ ВСЕЛЕННОЙ

Что мы имеем право ожидать от нашей планеты, то с таким же правом можем ждать и от других.

На всех планетах с атмосферами в свое время проявились зачатки жизни. Но на некоторых из них, в силу условий, она пышнее и быстрее расцвела, дала существам техническое и умственное могущество и стала источником высшей жизни для других планет вселенной. Они стали центрами распространения совершенной жизни. Эти потоки встречались между собою, не тормозя друг друга, и заселяли Млечный Путь. У всех была одна цель: заселить вселенную совершенным миром для общей выгоды. Какое же может быть несогласие? Они встречали на пути и зачаточные культуры, и уродливые, и отставшие, и нормально развивающиеся. Где ликвидировали жизнь, а где оставляли ее для развития и собственного обновления. В огромном большинстве случаев они заставали жизнь отставшую, в форме мягкотелых, червей, одноклеточных или еще более низкой...

Так без страданий заселялись и другие млечные пути (группы солнц или спиральные туманности). То же происходило и во всех эфирных островах и во всей беспредельной Вселенной. Из счастливых наиболее благоприятствуемых пунктов она, без мучительного процесса самозарождения, распоостранялась по окрестности соседних солнц и быстро заполняла бесконечные пустыни.

Во вселенной господствовал, господствует и будет господствовать разум и высшие общественные организации. Разум есть то, что ведет к вечному благосостоянию каждого атома. Разум есть высший или истинный эгоизм.

Миры в младенческом состоянии, как Земля, в космосе составляют редкое исключение. Много ли однодневных людей на Земле! Еще меньше только что родившихся. Именно, секундного возраста младенцев, только один на полтора миллиарда населения Земли. Так же мало и миров в младенческом возрасте. Там во Вселенной их особенно мало ввиду того, что большинство заселений совершается через посредство эмиграций (перемещения). Уже готовое, совершенное подобие человечества заселяло космос.

Какие же выводы? Видим беспредельную Вселенную с бесконечным числом дециллионов совершенных существ, получившихся безболезненным размножением и расселением. Такие очаги жизни, как Земля, составляют чрезвычайно редкое исключение, — как младенец, имеющий одну терцию возраста. Потому мучительная жизнь земли редкость, что она получилась самозарождением, а не заселением. В космосе господствует заселение, как процесс более выгодный. Ведь человек разводит морковь и яблоки от готовых организмов. Какое было бы безумие, если бы он захотел получить их самозарождением (автогония)!..

Но в космосе оно допускается, хотя и чрезвычайно редко, в силу необходимости обновления или пополнения совершенных. Кое-где они вырождаются и ликвидируются ввиду встречающегося местами регресса. Необходим свежий приток, иначе может погаснуть и совершенная жизнь или выте-

сниться уродливой.

Роль Земли и подобных немногих планет, хотя и страдальческая, но почетная. Земному усовершенствованному потоку жизни предназначено

пополнить убыль регрессирующих пород космоса.

На долю земного населения выпал тяжелый жребий, высокий подвиг. Немногие планеты его получают. Едва ли одна на биллион. Иначе быть не может. В противном случае это противоречило бы разуму совершенных, т. е. высшему эгоизму. Не могут же они работать во вред самим себе.

Некоторая доля страданий в космосе есть горькая необходимость, ввиду

возможности обратного развития существ (регресса, попятного хода).

Но можно сказать, что органическая жизнь вселенной находится в блестящем состоянии. Все живущие счастливы, и это счастье даже трудно человеку

Подавленные намозолившей глаза картиной земных неустройств, вы, может быть, возразите: как же это так, если столько несчастных на Земле?

Назовем ли мы снег черным на том основании, что на его поверхности находится несколько микроскопически малых темных пылинок? Ведь снег блестит так, что больно глазам! Боимся ли проиграть, если на триллион выигрышей один билет пустой? Мы даже не боимся в этом году умереть, хотя вероятность смерти составляет не менее 2—3 процентов.

ЧУВСТВО АТОМА ИЛИ ЕГО ЧАСТЕЙ

Мы видели, что каждый атом, т. е. каждая составляющая часть космоса, во время переворотов, в течение бесконечно повторяющихся больших и малых периодов всех астрономических единиц, в течение их распадения и восстановления,— и сам преобразуется. Атом то разлагается и вес его или масса уменьшается, то созидается, причем, атомный вес его увеличивается. Тяжелые (массивные) элементы превращаются в легкие и обратно. Это даже необходимое условие периодичности солнц, млечных путей и других астрономических единиц. Одно связано с другим. Если бы не было превращения элементов, то не было бы периодичности астрономических единиц и обратно.

Кроме того, атом перемещается. Например, из центральных частей небесного тела попадает в краевые, от солнц перемещается на планеты и об-

ратно. И это повторяется без конца.

Отсюда видно, что нет ни одного атома, который не принимал бы бесчисленное число раз участие в высшей животной жизни.

Так, входя в атмосферу или почву планет, он порою поступает в состав мозга высших существ. Тогда он живет их жизнью и чувствует радость сознательного и безоблачного бытия.

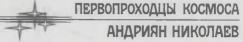
Пусть для этого случая воплощения потребуются миллиарды лет. Все же атом участвует в жизни бесчисленное множество раз. Время бесконечно, и на какие бы мы его колоссальные промежутки ни делили, число этих промежутков неограниченно велико. Иначе сказать — время участия атома в высшей жизни (а иной, в общем, нет), в абсолютном смысле, бесконечно. Это участие никогда не прекращается.

Но, скажете вы,— в относительном смысле оно мало, так как краткие периоды жизни разделяются миллиардами лет небытия. Но небытие не идет в счет субъективного времени, его как бы не существует. Существует как бы одна высшая сознательная и никогда не прекращающаяся счастливая жизнь. Чтобы получше понять это, поговорим об абсолютном и субъективном времени и его течении.

Абсолютное время это то, которое наблюдается ровно живущим, не умирающим и не спящим существом. Существо это, конечно, воображаемое. Абсолютное время определяется часами, вращением небесных тел и другими естественными или искусственными хронометрами.

Субъективное время — нечто совсем иное. Это кажущееся время, испытываемое организмами. У одного и того же существа оно протекает с разной скоростью. Оно идет то быстро, то медленно — в зависимости от окружающих впечатлений, душевного состояния или состава мыслей. Оно зависит от характера деятельности мозга. Во сне оно протекает быстрее. Но и тут ход зависит от обилия сонных видений. В крепком усыплении, без сновидений, субъективное время почти незаметно. Еще незаметней оно в обмороке. Но часто и при обилии впечатлений в счастьи время протекает незаметно (счастливые часов не замечают).

Мы не будем говорить о субъективном времени разных животных. У высших его течение, вероятно, подобно его течению у человека, а у низших

его трудно представить. Возможно, что жизнь их - подобие сна человеческого. Понятие о времени у них слабо. Нет ни прошедшего, ни будущего, а есть только текущий момент.

Нам и не так интересно субъективное время низших существ, так как космос, в общем, переполнен жизнью даже высшею, чем человеческая.

Пля низшей жизни места почти не остается. И человеческое состояние, как мы видели, есть полуживотное, переходное, младенческое и занимает незаметное место в космосе.

Господствует зрелая жизнь и она-то нас более всего интересует.

Также интересно представление о субъективном времени умерших, т. е. атома в неорганическом теле, атома в воздухе, воде, почве. Это еще более преобладающее состояние материи.

Тут мы видим более, чем обморок, и потому течение времени тут совсем почти незаметно. Не только годы, но и миллиарды миллиардов лет пролетают как секунда живого существа. Можем ли мы после этого страшиться такого «неорганического» времени или считать его!

Итак, громадные периоды небытия как бы не существуют для атома, а существуют только периоды пребывания его в живой органической материи, главным образом — в мозгу высших существ.

Как бы ни были коротки периоды жизни, -- повторяясь бесконечное число раз, они в сумме составляют бесконечное субъективное и абсолютное время. Оно никогда не прекращается и не прекращалось. Прошедшее также беспредельно, как и будущее.

Поэтому течение высшей жизни любого атома не только неограничено по времени, но субъективно и непрерывно. Атом всегда жив и всегда счастлив, несмотря на абсолютно громадные промежутки небытия или состояния в неорганическом веществе. Для мертвых нет времени и нельзя его считать. А так как воплощение неизбежно, ввиду всего сказанного и ввиду бесконечности времен, то все эти воплощения субъективно сливаются в одну субъективно-непрерывную прекрасную и нескончаемую жизнь...

КАРТИННОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ ЧУВСТВЕННОЙ ЖИЗНИ АТОМА

Кто не думал всю жизнь над излагаемым, тому трудно ясно представить чувственные приключения атома. Но мы предложим сравнение, чтобы понять и оценить непрерывную и беспредельную жизнь атома. Пренебрежем только младенческим периодом развития органической материи, срок которого и значение незаметны в космосе, как незаметна грязная микроскопическая пылинка на зеркале или на снежно-белом листе бумаги.

Представьте себе, что вся наша жизнь состоит из ряда радостных снов. Проснулся человек, подумал секунду о прекрасном сне и поспешил опять уснуть, чтобы снова погрузиться в блаженство. В каждом сне он забывает, кто он, и в каждом сне он новое лицо. То он воображал себя Ивановым, то Васильевым, то еще кем-нибудь. Второй сон не есть продолжение первого и третий не есть продолжение второго. Также ни один сон не связан с предыдущим.

Но счастье налицо. Все сны прекрасны, они доставляют только радость и никогда не прекращаются. Всегда были, есть и будут.

Что же вам надо? Вы непрерывно счастливы! Эта легко воображаемая картина даст некоторое понятие о жизни каждого атома вселенной, где бы он не находился. Мы дали грубое представление о чувственной судьбе всего и всякого.

Когда говоришь об этом людям, то они оказываются недовольны. Они непременно хотят, чтобы вторая жизнь была продолжением предыдущей. Они хотят видеться с родственниками, друзьями, они хотят и пережитого. «Неужели я никогда не увижу жены, сына, матери, отца,— горестно восклицают они,— тогда лучше не жить совсем. Одним словом, ваша теория меня не утешает».

Но как же вы можете видеть своих друзей, когда представление о них—создание вашего мозга, который будет обязательно разрушен? Ни собака, ни слон, ни муха не увидят своего рода по той же причине. Не составляет исключения и человек. Умирающий прощается навсегда со своей обстановкой. Ведь она у него в мозгу, а он расстраивается. Она возникнет, когда атом снова попадет в иной мозг. Он даст и обстановку, но другую, не имеющую связи с первой.

Ведь вы счастливы вашими очаровательными снами, просыпаетесь каждый раз с радостью, чтобы снова погрузиться в нее. Чего же вам надо? Сейчас вы желаете свидания с умершими, но смерть истребит и эти желания. Недовольство ваше только при жизни,— уйдет жизнь, уйдет и оно...

В новой жизни останется только счастье и довольство.

Как трудно отрешиться от рутины и сознать истину. Также трудно, как почувствовать движение Земли!

Но есть и разница между рядом прекрасных, но не связанных между собою в одно целое снов и рядом действительных жизней атома.

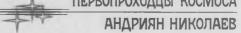
Жизни эти сознательны, как жизни мудрецов, а не смутны и бестолковы, как сны. В промежутках между снами мы кое-что, хотя и недолго, чувствуем: именно единую жизнь.

В промежутках же между жизнями атома мы ничего не чувствуем, несмотря на их огромность. Они для нас не существуют. Жизнь атома субъективна, непрерывна, безначальна и бесконечна, так как все его частные жизни сливаются в одну. Каждая из частных жизней представляется в виде волны в бесконечном ряде волн.

Действительная жизнь — волна — имеет начало и конец, и есть один период из множества их.

Все эти периоды, в сущности, довольно однообразны: счастье, довольство, сознание вселенной, сознание своей нескончаемой судьбы, понимание истины, которая есть верный путь к поддержке космоса в блестящем состоянии совершенства.

Но каждая волна имеет начало и конец. Это — зарождение и угасание, зачатие и распадение. В последующей волне они повторяются. Однако никак нельзя считать эти волны тождественными. Волны могут быть очень длинны, т. е. период одной жизни может быть очень велик — продолжаться сотни и тысячи лет, но это для атома решительно все равно, так как и короткие волны-жизни, сливаясь в одну, дают бесконечность. Смертных же мук не будет. Только жизнь организма, несмотря на это, не должна быть короткой, чтобы существо, в течение ее, могло достичь высокого развития и принести обильные плоды. Что толку в дорогой машинке, которая портится и бросается через два часа!

(резюме) КРАТКОЕ ПОВТОРЕНИЕ

Любая планета вселенной составляет астрономическую единицу первого порядка. Например, наша Земля, Юпитер и прочее.

Всякая солнечная система космоса, например наша планетная система, есть астрономическая единица второго порядка (астрономическая мера другое).

Любая спиральная туманность, состоящая из сотен миллионов солнечных систем, составляет единицу третьего разряда. Такова наша спиральная туманность, т. е. Млечный Путь.

«Эфирный остров», состоящий из сотен тысяч спиральных туманностей, назовем астрономической единицей четвертого порядка. Нам известен один наш эфирный остров. Но — по закону повторяемости единиц — их должно быть множество, и совокупность их должна составлять единицу пятого по-

По тому же закону, разных разрядов, как разных классов в арифметике, должно быть без конца.

Далее повторим кратко то, что нам кажется несомненным:

- 1) Нельзя отрицать единство или некоторое однообразие в строении и образовании Вселенной.
- 2) Нельзя отрицать общее постоянство Вселенной, потому что вместо погасших солнц возникают новые.
- 3) Нельзя отрицать, что число планет бесконечно, потому что бесконечно время и пространство; где же есть они, там должна быть и материя.
- 4) Нельзя отрицать, что часть планет находится в условиях благоприятных для развития жизни. Число таких бесконечно, потому что часть бесконечности тоже бесконечность.
- 5) Нельзя отрицать, что на некоторых планетах животная жизнь достигает высшего развития, превосходящего человеческое, что она опережает развитие жизни на остальных планетах.
- 6) Нельзя отрицать, что эта высшая органическая жизнь достигает великого научного и технического могущества, которое дозволит населению распространяться не только в своей солнечной системе, но и в соседних, отставших.
- 7) Нельзя отрицать, что высшая жизнь распространяется в громадном большинстве случаев путем размножения и расселения, а не путем самозарождения, как на Земле, -- потому что это избавляет от проволочки и мук постепенного развития, потому что разум сознательных существ понимает выгоду этого способа заселения космоса.
- 8) Нельзя, таким образом, отрицать, что Вселенная заполнена высшею сознательною и совершенной жизнью.
- 9) Нельзя отрицать, что атом то упрощается, то усложняется, периодически принимая вид всех химических элементов.
- 10) Нельзя отрицать, что астрономические единицы периодичны, например, солнце остывает, потом взрывается, обращается в разреженную массу, которая снова дает блестящее солнце с планетами. Далее повторяется то же.

MOCA

При этом материя перемешивается, а химические элементы переходят друг в друга.

11) Нельзя отрицать, что атому присуща способность ощущать жизнь, когда он входит в состав мозга животного. Таким образом, он должен жить последовательно жизнью разных существ.

12) Нельзя отрицать, что ощущение атома не исчезает и в неорганической

материи, но близко к нулю и может быть названо небытием.

13) Нельзя отрицать, в силу перемешивания вещества и преобразования химических элементов, что нет атома, который не принимал бы периодического участия в органической жизни, т. е. не попадал бы изредка, через промежутки в биллионы лет, в мозг высших существ.

14) Нельзя отрицать, что время для атома в неорганическом веществе почти не существует, что время в таком состоянии для него ничто — небытие

(вроде обморока). Субъективно, этого громадного времени нет.

15) Нельзя отрицать, что субъективно все сравнительно короткие моменты жизни атома в мозгах существ сливаются в одну непрерывную жизнь.

- 16) Нельзя отрицать, что атому невыгодно существование в космосе несовершенных животных вроде наших обезьян, коров, волков, оленей, зайцев, крыс и проч. А также невыгодно существование несовершенных людей или подобных им существ во вселенной.
- 17) Нельзя отрицать, что все разумные существа дойдут до сознания этой мысли, недопускающей несовершенства в космосе.
- 18) Нельзя отрицать, что совершенное сильнее несовершенного и поэтому, побуждаемое истинным эгоизмом, ликвидирует безболезненно все несовершенное и страдальческое. Самозарождение же будет допускаться очень редко для обновления и пополнения регрессирующей высшей жизни. Такова может быть мученическая и почетная роль Земли.

19) Нельзя отрицать, что безболезненное пресечение жизни несовершен-

ных родов выгодно атому.

20) Нельзя отрицать, что вследствие этого атом может попасть только в высшее существо. Иных ведь вообще нет. Следовательно, его бесконечное существование может быть только безоблачным, разумным, сознательным и счастливым...

Итак, в космосе существует только истина, совершенство, могущество и удовлетворение, оставляя для остального так мало, что его можно считать, как черную пылинку на белом листе бумаги.

Все мои многочисленные труды — конченные и неконченные, изданные и неизданные — направлены к одной цели: доказать излагаемые тут кратко мысли, или сделать конечный вывод: в общем, космос содержит только радость, довольство, совершенство и истину. Противоположное во Вселенной, по своей малости, незаметно, нас же ослепляет близость Земли.

*

Иван Борисенко.

Первый заместитель председателя Федерации космонавтики СССР

космодром байконур

В сообщениях радио и газет о запусках очередных автоматических космических аппаратов или пилотируемых кораблей часто встречаются два коротких слова — «космодром Байконур». Сейчас они широко известны во всем мире и обозначают место в нашей стране, откуда стартуют посланцы в космос и куда возвращаются космонавты после орбитальных полетов.

Байконур — перекресток космических и наземных трасс. Здесь построен ряд стартовых комплексов, измерительных пунктов, других современных инженерных сооружений. Сюда, к космодрому, тянутся живые нити связей его работников со многими научно-исследовательскими институтами, конструкторскими бюро, заводами, другими организациями. На космодроме живут и трудятся многие из тех замечательных людей, которые в пятидесятых годах разбудили казахстанские степи грохотом первых космических стартов.

«Здесь гением советского человека начался дерэновенный штурм космоса. 1957 год» — эти слова навечно начертаны на пьедестале обелиска, установленного на космодроме Байконур в память о запуске первого в мире искусственного спутника Земли. Сейчас в получасе езды на автомобиле от места старта живет, трудится и растет многотысячный современный город.

А начиналось здесь все, как и на других стройках, с палаток строителей. Климатические условия этих мест весьма суровы: жаркое, сухое лето и морозная, малоснежная, с сильными ветрами зима; перепады температуры — от пятидесяти гра-

«...Успел отснять метров двадцать, когда появились генерал Агальцов, спортивный комиссар Борисенко, конструктор Бахрамов, врач Волович и еще множество людей.

— Прошу предъявить документ, подтверждающий, что вы являетесь летчиком-космонавтом СССР,— обратился Борисенко к Гагарину.

Чуть наклонив голову, Гагарин нащупал рукой застежку-«молнию» на комбинезоне и расстегнул ее резким движением, достал из внутреннего кармана удостоверение. Извлек его из чехла и протянул спортивному комиссару.

Борисенко не спеша, словно всю жизнь только и делал, что регистрировал космические рекорды, принялся заносить на специальный бланк фамилию, имя, отчество космонавта, номер удостоверения, дату его выдачи, дату и время приземления космического корабля «Восток». Затем Борисенко заявил, что должен на месте проверить опознавательные знаки космического корабля...»

Из рассказа кинооператора А. Веселова.

Владислав Кац «Гагаринское поле». Из сборника «...Три, два, один!» Москва, «Советская Россия», 1989.

дусов жары до сорока градусов мороза. Природа также своеобразная: бурая солончаковая степь с редкой травянистой растительностью, быстро выгорающей летом; верблюжьи колючка и перекати-поле; весной цветущие тюльпаны, редкие кусты саксаула. Вот и почти весь растительный мир этих мест.

И все же, раз в году, а это бывает в апреле, нельзя без восхищения смотреть на бескрайние, уходящие к самому горизонту, ковры из тюльпанов. Люди, живущие здесь, всегда с нетерпением ждут этих прекрасных дней. Букеты тюльпанов можно увидеть в подземном командном пункте («бункере» по-местному), в квартирах, гостиницах, на столе Государственной комиссии, в салонах самолетов, улетающих с космодрома, в столовых, магазинах, в кабинах водителей автомашин и в руках ракетчиков, идущих на стартовую позицию для подготовки ракеты-носителя к очередному пуску.

Отсюда, с Байконура, в просторы космоса провожали в пору тюльпанов Ю. А. Гагарина, а вслед за ним и всех остальных советских космонавтов, космонавтов из социалистических стран, а также представителей Франции, Индии, Сирии, Афганистана... Отсюда уходили в межпланетные полеты автоматические станции типа «Венера» и «Марс», стартовали космические аппараты для изучения Луны серий «Зонд» и «Луна», ряд искусственных спутников серии «Космос» и многие другие.

Возвратимся на время к истории космодрома Байконур.

В 1954 году была создана Государственная комиссия по выбору места для строительства космодрома. В состав ее вошли специалисты по ракетно-космической технике, планированию и строительству крупных наземных комплексов, геодезисты. Возглавил ее Василий Иванович Вознюк, впоследствии Герой Социалистического Труда. В годы Великой Отечественной войны он командовал подразделением знаменитых «катюш», а потом участвовал в строительстве опытного полигона, где, начиная с 1947 года, испытывались первые баллистические управляемые ракеты.

Выбрать место для будущего космодрома оказалось не просто: надо было учесть целый ряд факторов. Например, при старте ракеты в восточном направлении, в сторону вращения Земли, она получает дополнительную, приращенную планетой скорость. И чем ближе к экватору расположена стартовая площадка, тем больше эта «добавка» скорости. Специалисты предложили построить космодром в южных районах страны: это позволит ракете-носителю без увеличения энергоресурсов выводить на орбиту тяжелые летательные аппараты.

Далее. Каждый пуск ракетно-космической системы представляет известную опасность для расположенных вблизи объектов, так как отделяемые ступени ракеты падают на землю. Поэтому при строительстве космодрома и выборе трасс космических аппаратов предпочтительнее отдаленный малонаселенный край.

В то же время космодром должен быть связан со всей страной надежными коммуникациями. Они нужны на первом этапе для доставки из научных, конструкторских, производственных центров страны всего необходимого для строительства, а на втором — для перевозки людей, самих ракетоносителей, космических аппаратов, компонентов топлива.

После тщательного изучения различных районов страны комиссия пришла к выводу: для обеспечения целей строительства больше всего подходит Байконур Казахской ССР — пустынный необжитый район восточнее Аральского моря. Предложение это было принято.

История сохранила два любопытных документа. Первый — книга некоего Джона Уорделла «В киргизских степях», на обложке которой надпись: «Накануне индустриализации». В ней речь как раз и идет о Байконуре. Этот район в то дореволюционное время располагал некоторыми залежами медных руд, каменного угля, и царское правительство разрешило английскому «Акционерному обществу Атбасарских медных руд» вести их разработки. Сюда из ближайших и отдаленных селений было набрано около двухсот рабочих — русских, казахов и киргизов, которые в тяжелых условиях и осуществляли добычу полезных ископаемых.

Вторым документом является газета «Московские губернские ведомости» за 1848 год, в которой писалось: «Мещанина Никифора Никитина за кра-

мольные речи о полете на Луну сослать в поселение Байконур».

Сейчас кажется, что парадоксального в этих двух фактах меньше, чем символичного. Настоящая индустриализация этого необжитого района началась, когда сюда прибыли советские специалисты, чтобы построить первый космодром нашей планеты. И именно здесь крамольные речи Никифора Никитина обратились в явь запуском первого советского лунника.

Исходным пунктом строительства всех объектов и сооружений космодрома стала маленькая железнодорожная станция с одноименным названием.

Космическая гавань должна была представлять собой комплекс различных сооружений, технических и стартовых позиций, оборудования.

Назначение ее коллектива — принимать с заводов-изготовителей блоки ракетно-космических систем, собирать их воедино, испытывать, а затем запускать летательные аппараты на орбиту вокруг Земли или в глубины Вселенной для изучения и освоения космического пространства.

Основным заказчиком строительства космодрома было опытно-конструкторское бюро, возглавляемое Главным конструктором ракетно-космических систем, выдающимся ученым Сергеем Павловичем Королевым.

Воспитанник Киевского политехнического института и Московского высшего технического училища, С. П. Королев прошел путь от увлечения планеризмом и авиацией к идеям К. Э. Циолковского. Вершиной творчества С. П. Королева явилось создание под его руководством первых в истории ракетно-космических систем, включающих мощные ракетоносители и космические аппараты различных типов и назначений.

В 1957 году космическая ракета вывела на орбиту вокруг Земли первый искусственный спутник, а через три с половиной года после него - корабль «Восток», пилотируемый Юрием Гагариным. Новыми данными о Вселенной обогнали мировую науку первые автоматические межпланетные станции, достигшие Луны, Венеры и Марса. С именем С. П. Королева связано также создание искусственных спутников Земли в интересах науки и козяйственной деятельности людей.

С. П. Королев по праву признан основоположником практической космонавтики. Огромен его вклад в разработку космической программы СССР, формирование проблематики фундаментальных исследований космоса, создание школы советского ракетостроения.

Государство отметило заслуги конструктора высшими наградами: ему дважды присваивалось звание Героя Социалистического Труда. Он удостоен Ленинской премии.

Первым начальником космодрома стал Алексей Иванович Нестеренко, который в годы Великой Отечественной войны был командиром соединения

гвардейских минометов. Под руководством и контролем лауреата Государственной премии А. И. Нестеренко велись работы по оснащению служб космодрома необходимым испытательно-пусковым оборудованием, подготовка к старту и запуск сначала экспериментальных ракет, а потом и ракетоносителей с космическими аппаратами на борту.

Начальником строительства космодрома был назначен известный строитель генерал Георгий Максимович Шубников. Выпускник Ленинградского института промышленного строительства, он участвовал в возведении объектов первых пятилеток, а в годы войны занимался инженерным обеспечением боевых операций частей Советской Армии. С первых мирных дней Г. М. Шубников трудился над восстановлением народного хозяйства. Многие годы он дружил с выдающимся скульптором Евгением Вучетичем. Между прочим, Шубников возглавлял коллектив, создавший по проекту ваятеля памятник советскому воину-освободителю в Трептов-парке в Берлине.

Г. М. Шубников — душа и мозг стройки — обладал широкой инженерной эрудицией, талантом организатора, твердой волей, рассудительностью и тем, что называют деловой хваткой. Его отличало высокое чувство партийной

ответственности за успешное выполнение порученного дела.

Заместителем начальника стройки по материально-техническому снабжению был энергичнейший Андрей Александрович Ткаленко. В начальный период на первом этапе на стройку прибывало ежедневно до тысячи вагонов со всевозможными грузами!.. И всю эту массу оборудования и материалов успевала обрабатывать его небольшая служба.

В одном из домов — прямо на колесах — разместились специалисты главного инженера стройки Александра Юльевича Грунтмана, человека яркой творческой мысли, в другом — партком, возглавляемый душевным человеком — Константином Павловичем Баландиным.

Таким образом, на Байконуре в начале строительства сформировалось

два штаба: строителей и эксплуатационников.

Первую группу возглавил И. Н. Денежкин. Ей предстояло решить нелегкую задачу — подготовить все для встречи и размещения основного контингента строителей, а также техники, материалов.

Построить космодром! Это означало возвести целый комплекс сооружений, каждое из которых было, по существу, уникальным, построить десятки производственных корпусов, сотни больших и малых служебных помещений, бытовых зданий. Надо было соединить все объекты в соответствии с технологией подготовки и пуска ракетно-космических комплексов единой рациональной системой связи, энергопитания, водоснабжения, теплофикации, не одной сотней километров шоссейных и железных дорог.

Но возвести корпуса зданий, подключить коммуникации — это еще не все. Надо оснастить их техникой. А что кроется за этим, можно проследить хотя

бы по двум службам космодрома.

Техническая служба — это механизмы для приема и разгрузки космического корабля и блоков ракеты-носителя; оборудование для хранения ракетыносителя и космического аппарата; мостовые краны, монтажно-стыковочные тележки, стыковочный стапель, всевозможная контрольно-испытательная аппаратура для сборки ракеты-носителя, испытания ее и космического корабля с их последующей стыковкой; средства для заправки летательного аппарата — корабля или орбитальной станции — сжатыми газами и компонентами топлива, компрессорная станция и другое.

В стартовую службу входят: топливовоз, платформа-установщик для вывоза ракетно-космической системы на пусковую площадку и подъема ее в стартовое положение, само пусковое устройство с фермами обслуживания, контрольно-испытательная аппаратура для проверки готовности ракеты и корабля к полету, агрегаты для заполнения баков ракеты компонентами топлива, командный бункер с системами управления запуском и полетом ракетно-космической системы на активном участке.

К созданию всего наземного технического оборудования, к его установке на космодроме и наладке были причастны десятки министерств и ведомств,

многие конструкторские, научно-исследовательские учреждения.

Вскоре, вслед за первой группой строителей, как по конвейеру, круглосуточно стали прибывать на стройку эшелоны с грузами: лес и кирпич, бензин и уголь, стекло и шпалы, цемент и сборные дома, автомашины и экскаваторы, бульдозеры и передвижные электростанции. Все чаще здесь делали остановки пассажирские поезда, и после каждой на несколько сот человек увеличивался многонациональный коллектив строителей. Космодром строила

вся страна.

Первоочередным делом для строителей было срочное создание базы для приемки поступающих грузов. Маленькая станция вскоре оказалась так забита ими, что поезда шли как в коридоре. Сотни автомашин не успевали развозить материалы на площадки... Одновременно закладывалась производственная база: бетонные заводы, растворный узел, механизированный склад для песка и щебня, налаживалось лесопильное и деревообделочное производство. Поднимались стены мастерских по ремонту автомобилей и строительной техники, возводилось временное жилье. Велось строительство подъездных дорог.

Великолепная трасса с асфальтовым покрытием ведет нас от станции в Байконур. Ее, как и многие другие дороги, возводил строительный отряд Г. Д. Дурова, ветерана войны, кавалера советских и польских орденов.

Георгий Дмитриевич рассказывает о тех днях:

«Расстояние между объектами космодрома порой измерялось десятками километров. Невозможно переоценить значение дороги в условиях нашей стройки. Одно слово — пустыня. Слабая глинистая корочка после двух-трех проходов машин разбивалась в пух и прах. Появились глубокие колеи, в которые машины проваливались по брюхо. Пыль проникала всюду — в пищу, в горючее. Облака ее были видны за 20-30 километров.

В апреле 1955 года уложили первый кубометр бетона в первое сооружение — автомобильную дорогу, связывающую станцию с будущей стартовой

площадкой. Вскоре началась прокладка железнодорожного пути.

Сергей Павлович Королев внимательно следил за строительством, помогал в решении трудных проблем. Его идеи, как основного заказчика, легли в основу проектного задания на строительство космодрома, в разработку его

основных технических служб.

Ученый принимал самое деятельное участие в обсуждении проекта инженерно-строительных сооружений, предложенного группой специалистов во главе с инженером А. А. Ниточкиным. Сотрудники конструкторского бюро С. П. Королева внесли большой вклад в оснащение технических служб космодрома, многое сделали по установке и наладке оборудования, предназначенного для наземных и летных испытаний ракетно-космических Систем.

В один из сентябрьских дней 1955 года — мы тогда прокладывали железнодорожный путь от станции к строящемуся стартовому комплексу — около нас остановился «газик». Из него вышли несколько человек. Среди них был и С. П. Королев. Я кратко доложил о ходе работ.

— Когда думаете закончить? — спросил Главный конструктор.

Я назвал плановый день сдачи железной дороги в эксплуатацию. Но этот срок, как я понял по выражению лица Сергея Павловича, его не устраивал.

Вскоре мы получили более шестидесяти бульдозеров, скреперов и экскаваторов, свыше двухсот автомашин. Прибыла новая группа строителей. До наступления холодов мы сумели полностью отсыпать земляное полотно дороги. Вести путь пришлось зимой. Морозы — лютые. Минус тридцать, не меньше, — и это при сильном, пронизывающем ветре. Работали круглосуточно. Были созданы три смены, каждую из которых возглавлял кто-либо из руководителей стройотряда. Себе я взял самую трудную — с 23 часов до

7 утра.

Морозы крепчали. Хотя на людях валенки и полушубки, работать без обогрева свыше получаса невозможно. Выход нашли такой: смена разбивалась на две группы, одна — на объекте, вторая тем временем греется в специальных теплушках. Экскаваторы, бульдозеры и автомашины передавали друг другу на ходу, моторы не глушили. Но работали с энтузиазмом. Все горели одним желанием — построить железнодорожную ветку как можно быстрее. Соревнование охватило всех. Как сейчас помню, трасса была разбита на участки, и четыре группы строителей шли навстречу друг другу».

Уже в 1954 году были разработаны и выданы ведущими в СССР центральными проектными институтами задания на проектирование комплексов космодрома, 12 февраля 1955 года принято решение о строительстве. И вскоре в солончаковых байконурских землях начались строительные работы.

В самые напряженные дни строительства зимой 1956 года вынималось и вывозилось из котлована 15 тысяч кубических метров грунта в сутки. Не менее сложным в суровый зимний период оказался и процесс бетонирования. Приходилось оборудовать громадные тепляки и круглосуточно отапливать их при помощи времянок, чтобы поддерживать необходимую температуру, при которой можно вести бетонные работы. Предстояло также смонтировать тысячи тонн металлоконструкций и сложнейшего оборудования, уложить сотни километров трубопроводов и кабелей, сделать автодороги, железнодорожные подъездные пути и многое другое.

В первых числах марта 1957 года на космодром была доставлена первая ракета-носитель. Этой ракете предстояло продолжить путь в космос, исполнить дерзновенные замыслы человечества.

Ракета-носитель — это итог творческих разработок и вдохновенного труда многих коллективов людей, и в первую очередь ОКБ, руководимого С. П. Королевым. Сам Сергей Павлович прибыл на космодром в очередную длительную командировку в апреле 1957 года. А до этого ему пришлось отдать много сил и энергии, чтобы из замыслов и проектных расчетов вышли рабочие чертежи, по которым была изготовлена ракета-носитель, доставленная на космодром по частям-блокам (ступеням).

Главным вдохновителем и организатором подготовки и запуска ракетоносителей и первых искусственных спутников, пилотируемых кораблей и

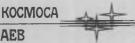
межпланетных станций являлся С. П. Королев. Он был душой проектировщиков, разработчиков, производственников и испытателей. Его беззаветно любили и уважали все наши летчики-космонавты.

Сейчас названия улиц жилой части космодрома, выросшей из поселка Заря в современный город, напоминает нам о первых строителях, о создателях ракетно-космических систем, о героях-космонавтах. Зеленые магистрали города выбегают на площади, на центральной из которых поставлен памятник В. И. Ленину. Современные кварталы домов. В городе институт, техникум, несколько школ, прекрасный клуб, кинотеатр, стадион с плавательным бассейном, свой телецентр, парк культуры и отдыха. Все как в других молодых городах страны. Но, прожив тут несколько дней, замечаешь особый настрой его обитателей. Вот в гостиницах появилось больше приезжих, старожилы чем-то озабочены — значит, скоро запуск пилотируемого корабля или автоматической межпланетной станции. Немалая часть жителей принимает участие в подготовке к пуску космических летательных аппаратов.

А на окраине города, в здании и своеобразном парке гостиницы, завершают подготовку к полетам новые летчики-космонавты. В свое время в обсуждении проекта гостиницы, названной «Космонавт», активное участие принимали Ю. А. Гагарин и его товарищи. Основные предложения космонавтов были приняты строителями. В результате в здании есть специальные помещения для занятий и тренировок, комнаты для врачей и специалистов, участвующих в подготовке полета, а на территории гостиницы создан целый спортивный комплекс, в том числе открытый бассейн для плавания. Привлекают внимание и посаженные в ряд деревья. Это аллея космонавтов. Количество деревьев на этой аллее соответствует числу космонавтов, совершавших полеты в космос с космодрома Байконур.

От гостиницы «Космонавт» проходит прямая как струна дорога к стартовым комплексам, техническим позициям и измерительным пунктам космодрома Байконур. Это места работы многих жителей города. Оснащение стартовых комплексов, технических позиций и измерительных пунктов космодрома производит огромное впечатление. Здесь, в степи, собраны, кажется, все новейшие достижения современной науки и техники. Проиллюстрируем это утверждение примерами функционирующих стартовых сооружений Байконура для запусков различных типов ракетоносителей. Известно, что у нас в стране эксплуатируются двух-, трех- и четырехступенчатые ракеты-носители, выводящие на околоземную орбиту от нескольких сотен килограммов до десятков тонн полезной нагрузки. Эти ракеты-носители эксплуатируются в различных модификациях, и для них на Байконуре построен ряд специальных стартовых комплексов и технических позиций. Имея много общего, эти стартовые комплексы тем не менее резко отличаются и по внешнему виду, и по размерам, и конечно, по составу и характеристикам технического и испытательного оборудования, спроектированного применительно к тем типам ракет-носителей и космических аппаратов, которые запускаются и выводятся в космос.

Дорога к стартовому комплексу легендарных «Востоков» широкая, ровная. При выезде справа виден ряд домиков. На двух из них — мемориальные доски. Одна из них свидетельствует: «В этом доме жил и работал Главный конструктор Сергей Павлович Королев, 1956—1966 гг.». На другом также волнующая надпись: «В этом доме провел ночь перед первым полетом в мире в космос Юрий Алексеевич Гагарин. 11—12 апреля 1961 года».

Недалеко от домиков стоит большое здание. Это монтажно-испытательный корпус, в котором осуществляется сборка космических кораблей и отдельных ступеней ракеты-носителя, а также пристыковка к кораблю и проведение всех комплексных испытаний.

В МИКе очередной космический корабль со всех сторон — от приборного до орбитального отсека, находящегося на вершине корабля, — охвачен «лесом» подвижных, плотно примыкающих к нему рабочих площадок. Сборщики, монтажники и испытатели, работая в белых халатах, готовят к полету это сложное сооружение. С чем можно сравнить работу этих тружеников? С работой провизора, часовщика, хирурга? Трудно сказать. Они выверяют все, как провизоры, имея дело с деталями и узлами, которые по своей сложности намного опередили самые точные, современные часовые механизмы, а по своей скрупулезности эти люди в белых халатах похожи на хирургов, делающих сложные операции. Можно любоваться их поистине ювелирной работой.

Рядом с кораблем в этом огромном помещении на специальных платформах лежат ступени носителя с мощными ракетными двигателями, которые

после их сборки составят ракету-носитель.

После автономных проверок космического корабля и ракеты-носителя их можно соединять в единое целое. Но предварительно, в соответствии с программой предстартовой подготовки, космонавты проводят специальные тренировки в кабине корабля. Это необходимо для изучения особенностей аппаратуры именно этого корабля, проверки правильности укомплектования сменным оборудованием и документацией и, конечно, для дополнительной тренировки и обживания помещения кабины.

Наконец наступает время для выполнения операций, связанных с соединением космического корабля с ракетой-носителем. Корабль устанавливают в горизонтальное положение, «одевают» его в обтекатель. В это время ракета, уже полностью подготовленная, медленно подвозится к кораблю и соединяется с ним узлами крепления. До старта остаются считанные дни. На завтра назначается вывоз ракеты и корабля из монтажно-испытательного корпуса на стартовую позицию.

Рано утром огромные двери монтажно-испытательного корпуса медленно

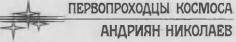
расходятся.

К закрепленной на специальной длинной платформе ракете с космическим кораблем подходит тепловоз. И под традиционным «почетным эскортом» в составе Государственной комиссии, конструкторов, руководителей космодрома он трогается в путь. Через несколько сот метров старт. Машинист останавливает тепловоз. Специалисты включают мощные подъемники, и ракета с кораблем в головной части медленно переходит из горизонтального положения в вертикальное. Захваты установщика крепко прижимают ее к себе, затем к ракете осторожно приближаются опорные фермы и ферма обслуживания. Вся эта работа обеспечивается специалистами слаженно, четко, она рассчитана по минутам.

Вскоре ракета, окутанная сетью кабелей, площадками для стартовой ко-

манды, готова к заправке топливом.

Специалисты проверяют правильность и надежность соединения коммуникаций. Все в полном порядке. Последний этап наземной подготовки заканчивается. Емкости ракеты-носителя принимают все, что им положено получить на Земле.

Наконец все готово. Звучит приказ: «Стартовым расчетам покинуть старт!» Люди уезжают на безопасное расстояние в укрытия.

Объявлена пятиминутная готовность. Все вокруг как бы вымерло. Работает автоматика пуска, идет наддув топливных баков, закрываются дре-

нажные клапаны. Выводятся на режим двигатели.

И вот, наконец, старт! Огромная вспышка ослепляет: лавина огня вырывается из-под ракеты и, отразившись от бетона, клубами заволакивает ее. В уши ударяет страшный гул. Ракета медленно, а затем все быстрее поднимается ввысь. Космонавты покидают космическую гавань Страны Советов — Байконур. Путь в космос начинается, и менее чем через десять минут ракетаноситель выведет пилотируемый корабль с космонавтами на расчетную орбиту.

Испытатели ракетно-космической техники, работающие в МИКе, и те, кто готовит ракету к полету непосредственно на старте, это не только перво-

классные специалисты, но и люди высокого мужества.

Однако оставим на некоторое время в стороне современную ракетнокосмическую технику и попытаемся рассказать о людях, создавших ее. Этих людей уже много, десятки тысяч, о каждом из них рассказать, естественно, невозможно. У каждого свой жизненный путь, своя увлеченность профессией. Но попробуем разобраться, в чем движущие силы того громадного мужества, трудолюбия, влюбленности в свой труд и дела коллег всего того, что позволило им проложить дорогу в космос.

Мы часто повторяем фразу: потомкам остаются лишь наши дела. Кибальчича и Циолковского, Королева и Гагарина мы знаем хорошо, высоко ценим их. гордимся ими, стараемся повторить их подвиги, мечтаем о новых. Но зачастую мы недостаточно знаем даже биографии этих людей, а особенности их внутреннего и творческого склада нам вообще неизвестны. Речь идет о том, что очень важно понять индивидуальные особенности, отличительные черты личности, без которых трудно проникнуть во внутренний творческий мир ученого или конструктора, космонавта или испытателя.

Недавно работники архива Академии наук СССР обнаружили редчайшую фотографию, с которой на людей смотрит красивый человек с умным, спокойным взглядом, честными волевыми глазами. Это Николай Иванович Кибальчич, замечательный революционер и изобретатель. «Моя идея не погибнет вместе со мной, а будет существовать среди человечества, для которого я готов пожертвовать своей жизнью», - таковы его напутственные слова потомкам.

Источниками богатого творчества Циолковского также были стремление служить Родине, неудержимая фантазия, неиссякаемое вдохновение и по-

вседневный многолетний труд.

Рисуя увлекательные картины космического полета, Константин Эдуардович создал десятки работ по теории реактивного движения, предложил ряд изобретений для космических ракет и двигателей, а также выполнил другие важные, основополагающие исследования в области космонавтики, авиации, дирижаблестроения. Он был знаком лично и по переписке со многими, кто не только мечтал летать, но и делал практические шаги в этом направлении. Так, Циолковский был знаком с инженером Цандером, который в голодные двадцатые годы сам написал такое объявление: «Сегодня в пятницу, здесь, в столовой, в 6 часов вечера состоится лекция «Мы полетим на Марс. Лекцию читает Ф. Цандер. Будет демонстрироваться модель меж-

планетного корабля. Вход свободный. Ревком». И Цандер, и десятки других подвижников читали лекции, строили первые модели, они с гордостью считали себя учениками Циолковского.

Время прокладывает мостики от одного поколения к другому. И естественно, что на смену Кибальчичу и Циолковскому по велению сердца пришло новое поколение. И правофланговым в нем по праву считается Королев — пионер ракетной техники, Главный конструктор ряда ракетно-космических систем, академик, основоположник практической космонавтики. Именно с его именем связан современный этап развития ракетной и космической техники.

Сергей Павлович запомнился нам как исключительно целеустремленный, энергичный, работоспособный до самопожертвования, мудрый человек и конструктор. Его воля и энтузиазм заряжали коллектив, с которым он работал и который он очень любил.

И при обсуждении технических проблем в конструкторских бюро, и на заседаниях Государственных комиссий, и во время запусков легендарных «Востоков», и при обсуждении конструкции перспективных кораблей «Союз» и орбитальных станций «Салют» — он всегда был полон решимости до конца бороться за новые идеи, умел хорошо организовывать труд больших научных и производственных коллективов.

До Королева было много Главных конструкторов в различных областях техники, но его деятельность сделала это словосочетание синонимом дерзости инженерной мысли, смелости технических решений и безграничных возможностей человека. О Королеве пишут книги, иногда его можно увидеть на экране, услышать немногие из записанных на пленку его выступлений. И постепенно из человека, живущего среди нас, он превращается в легенду.

Если принимать во внимание только формальную сторону вопроса, то влияние Королева на развитие ракетной техники было обусловлено его служебным положением. У него, как Главного конструктора, было право говорить последнее слово, право принимать и отклонять предложения, давать жизнь идее или отвергать ее. Все делалось от его имени, но мы допустим большую ошибку, если во всех технических решениях не увидим также плоды деятельности многих его соратников. Эти соображения должны быть высказаны не только для того, чтобы восстановить элементарную справедливость, но и обратить внимание на важнейший принцип в работах такого масштаба, как ракетная техника — принцип коллективизма, который Королев не только глубоко понимал, но и практически осуществлял, что коллективные действия стали едва ли не самым главным фактором прогресса в этой области.

Многообразие проблем по разработке ракет, необходимость комплексного решения и связанная с этим широкая кооперация многих институтов и КБ не позволяли Главному конструктору ограничиваться организационными функциями и техническим руководством только в масштабах подчиненного ему КБ. Главным компонентом успеха в решении всего комплекса проблем по ракетной технике было тесное сотрудничество и единство технических позиций «могучей кучки» ракетной техники — главных конструкторов: по ракете в целом, по ракетным двигателям, по системам управления и наземному оборудованию.

Чтобы непрерывно чувствовать пульс деятельности многочисленных орга-

низаций, реагировать должным образом на каждое осложнение в их работе и искать то единственное решение, которое не нарушает гармонии задуманной конструкции ракеты, Главному конструктору нужны выдающиеся качества ученого-организатора — умение держать тысячи людей в состоянии творческого напряжения, находить компромиссные решения, приводящие к цели, направлять коллективные усилия на решение наиболее важных в данный момент задач.

Пля этого нужно обладать великолепной инженерной интуицией, личным авторитетом. Всеми этими качествами Королев обладал. Но этого было мало. Нужен был сильный сплоченный коллектив, верные помощники. Он искал людей, находил их, доверял им и умел с них спрашивать.

Огромный личный авторитет Королева не в том, что от него можно было получить ответ на любой технический вопрос. Слишком уж разнообразны и сложны были задачи ракетной техники, и умение Королева как руководителя заключалось скорее в том, что он мог выслушивать и быстро определять. является ли вопрос главным или второстепенным и с поразительной проницательностью обнаруживать у собеседника даже тень сомнения. Если такое случалось, это было основанием для дополнительной проверки предложений, которые ему докладывались. Случаи же, связанные с необоснованными предложениями, он запоминал надолго.

Личный авторитет Королева формировался под влиянием тех впечатлений, которые составляли его настойчивость в достижении цели, стремление доказать свою правоту, не жалея ни сил, ни времени, и убедительность тех результатов, которых он при этом добивался. Именно эти качества, а не высокое служебное положение постепенно поднимали его над окружающими людьми и делали его мнение непререкаемым. Вся деятельность Королева, связанная с формированием личного авторитета, не была непроизвольным актом человека, только беспредельно увлеченного своим делом. Он вполне сознательно добивался такого авторитета, не упуская случая подчеркнуть значительность личности Главного конструктора. Такой авторитет рождал личную власть, которая нужна была Главному конструктору не меньше, чем полководцу, -- он держал в руках нити управления сотнями предприятий, конструкторских бюро и институтов, и ему были доверены огромные материальные средства. Сложные обязанности Главного конструктора не могли не сказаться на его отношении к людям. Даже самые его ближайшие соратники ощущали дистанцию, отделяющую их от Королева. Это не было врожденной чертой характера — он был добрым и человечным, и многие рядовые сотрудники конструкторского бюро запомнили его именно таким.

Огромная доля личной ответственности, которую он не мог разделить ни с кем из своих подчиненных, делала его временами требовательным до деспотизма, сосредоточенным до отчуждения и одиночества. Такие особенности поведения не были издержками стиля руководства, скорее естественной реакцией, свойственной каждому человеку, принявшему на себя судьбу огромного дела.

В формировании личного авторитета Королева большую роль играла также активность его технических позиций. Его выступления на совещаниях всегда отличались наступательным духом, он ставил вопросы как рачительный хозяин большого дома, которого все интересует и все заботит. Он никогда не ограничивался констатацией фактов, а использовал их, чтобы

ставить новые задачи, причем логика его рассуждений была такова, что факты делали поставленную задачу совершенно обязательной для исполнителя.

Способность заинтересовать, увлечь и, наконец, заставить, были одним из самых замечательных качеств Королева-организатора. Для этого у него был целый арсенал средств — от обаятельной улыбки и доверительного разговора с рядовыми сотрудниками до леденящего тембра при телефонных разговорах с ответственными сотрудниками министерств.

Говоря о личном авторитете Королева, мы не случайно провели аналогию между ролью полководца и Главного конструктора. Огромный объем работ, связанных с осуществлением проектов ракеты, не дает возможности исполнителям каждой его части понять общую логику принятых технических решений. Солдату тоже трудно понять все стратегические замыслы командования. Тем не менее, для успешного решения конкретных вопросов у каждого участника работ должна быть уверенность в правильности избранного пути. Поэтому целеустремленность коллектива и создание деловой и творческой обстановки на каждом участке зависели во многом от руководителей работ, которые имели возможность ставить частные задачи с позиций общего замысла.

Королев своим отношением к трудностям, которые встречались на пути развития ракетной техники, убеждал всех в том, что этому делу стоит посвятить свою жизнь. Это сказывалось в том, что он приходил на работу первым и уходил последним, в том, что он не переносил небрежного, поверхностного отношения к порученному делу, и требовал учитывать особенности смежных вопросов, и даже в том, чтобы разрядить обстановку анекдотом. Если случались неудачи, Королев становился задумчивым, грустным и даже казался особенно добрым. Во всяком случае, кто с ним общался в такие периоды, чувствовал, что Королев надеется на помощь каждого человека, с этим делом связанного, хотя таких слов и не произносил. Именно такое доверительное, человечное отношение создавало обстановку необыкновенного подъема в работе.

Каждый сотрудник начинал по-настоящему ощущать важность выполняемой работы, если ее результатами заинтересовался Главный конструктор. Это делало его работу значительнее, осмысленнее и возвышало сотрудника

в собственных глазах — условие, крайне необходимое в любом деле.

Королев придавал большое значение не только полноте информации, но и не в меньшей степени ее своевременности с обязательным соблюдением субординации: право первой информации было у Главного конструктора. В этом он видел осуществление на деле принципа единоначалия. Для него единоначалие и личный авторитет были синонимами, поэтому он строго следил за беспрекословным исполнением его требований.

Реакция Королева на всякие нарушения была исключительна действенной, но не только за счет интонации, тембра голоса или выражения глаз, а скорее благодаря его поразительной способности так формулировать смысл поступка, что ясное осознание вины провинившимся наступало почти мгно-

венно.

Творческая обстановка была в КБ неотъемлемой составной частью производственного процесса, и руководству для успеха дела оставалось лишь поддержать ее энергичными действиями и доверием к коллективу. В такой обстановке было нетерпимо формальное отношение к делу. Королев с прису-

щим ему темпераментом советовал любителям формальной логики идти работать в мукомольную промышленность или заняться производством кастрюль и тазов. Это был не столько упрек в чрезмерной осторожности, сколько призыв к мобилизации всех доводов для энергичных действий и повышению личной ответственности каждого сотрудника конструкторского бюро за судьбу разработки.

Королев великолепно чувствовал взаимосвязь между отдельными вопросами, и нельзя было пытаться в разговоре с ним делить вопросы на «свои» и «чужие». Он требовал комплексного подхода к решению задач, не считаясь с формальными организационными и даже ведомственными границами. Такой стиль руководства был не очень приятным для сотрудников КБ—нужно было, как говорится, глядеть в оба,— но все это окупалось тем, что уменьшалось количество недоработок на стыках вопросов, этих извечных недостатков каждого крупного проекта. Королев так реагировал на все причины, приводящие к задержке в работе, как будто ему наносили личную обиду.

Вообще, Королев любил часто повторять: «лучшее — враг хорошего». Для него эта простая истина означала стремление всесторонне взвешивать каждое решение, чтобы не допускать излишеств, приводящих к затяжке сроков и не дающих существенного эффекта. Требуя от работников КБ смелости в решении технических вопросов, Королев очень внимательно следил, чтобы окончательные технические решения не выходили за определенные рамки, которые он устанавливал своими распоряжениями. Он окружал себя людьми, готовыми не только поддержать его точку зрения, но и высказать свое мнение, если оно расходилось с общим мнением Главного конструктора. Главным достоинством характера своих подчиненных Королев считал твердые убеждения и ради этого готов был не обращать внимания на строптивость, упрямство и честолюбие. Общаясь с такими людьми, он как бы оттачивал на них свои доводы, проверял степень их убедительности.

При разработке каждой новой ракеты наступает такой момент, когда остается последняя и единственная возможность убедиться в правильности принятых технических решений — летные испытания. Королев наибольшую привязанность из всех своих сотрудников питал к участникам летных испытаний и с большой неохотой соглашался на замену кого-нибудь из тех, кто был в составе очередной экспедиции. Он знал каждого слесаря-сборщика, каждого инженера расчетного бюро, каждого члена стартовой команды, руководителей служб полигона. На период летных испытаний все они были его мозгом и его руками.

При летных испытаниях ракет, особенно первых образцов, несмотря на крайне напряженный режим работы, Королев умел поддерживать спокойствие и благожелательную обстановку.

Он обладал счастливым даром мгновенно переходить от состояния глубокой сосредоточенности и суровой требовательности к душевному шутливому разговору, который возвращал усталым, озябшим людям чувство уверенности. Стремление и умение передать свой оптимизм, свою веру, свою убежденность были весьма важными чертами творческого стиля Королева, которые во многом способствовали успеху в осуществлении самых сложных проектов.

О работе С. П. Королева и его единомышленников можно вспоминать бесконечно.

Но Королев был не один, хотя по праву называют его основоположником практической космонавтики. Единомышленником С. П. Королева был другой выдающийся конструктор и ученый, академик Михаил Кузьмич Янгель (1911—1971). Сын иркутского крестьянина, выпускник Московского авиационного института, конструктор в знаменитом КБ Н. Н. Поликарпова, он в тридцатые годы создавал скоростные истребители, те самые, которые испытывал Валерий Павлович Чкалов. В послевоенные годы Янгель плодотворно трудился в отечественном ракетостроении. Главный инженер, з затем и директор научно-исследовательского института, Михаил Кузьмич тесно сотрудничал с Королевым, принимал деятельное участие в создании управляемых баллистических ракет дальнего действия. В 1954 году его назначают Главным конструктором нового КБ, координирующего деятельность десятков организаций-смежников, участвующих в сложнейшем процессе создания ракет и спутников.

Михаил Кузьмич и сегодня в нашей памяти — стройный, внешне неторопливый, с открытым загорелым лицом, со спокойной манерой общения, готовый понять собеседника, не переставая объяснять непонятное, убедить

в правильности своей идеи.

Надолго запомнилась его коллегам защита перед экспертной комиссией одного эскизного проекта универсальной ракеты-носителя и слова Янгеля на заключительном совещании в его кабинете: «Перед вами новый тип ракеты-носителя, носителя-труженика, предназначенного для экономичной эксплуатации в течение многих лет... Взвешивайте, во что это обойдется государству, которое дало нам так много...» И он затянулся дымом неизменной сигареты, мягко улыбаясь всем присутствующим.

Важнейшие и крупнейшие достижения отечественной и мировой науки в области аэрогидродинамики, ядерной энергии, развития космической

науки и техники связаны с именем М. В. Келдыша (1911-1978).

Он выступал одним из инициаторов широкого развертывания в нашей стране работ по изучению и освоению космического пространства, непосредственно руководил работами по формированию ряда комплексных научнотехнических программ. Как президент АН СССР и главный теоретик космонавтики, М. В. Келдыш внес выдающийся вклад в развитие советской науки и ракетно-космической техники. С 1961 года этого скромного, обаятельного человека и крупного ученого нашего времени можно было видеть на космодроме Байконур, в КБ С. П. Королева. У него был свой почерк, свой стиль работы с людьми. Он никогда не повышал голоса при разговоре с собеседниками. Мстиславом Всеволодовичем Келдышем и его коллегами по совместной работе блестяще выполнены многие теоретические расчеты ракет, орбит спутников, межпланетных станций.

М. В. Келдыш долго работал с С. П. Королевым. Они вдвоем как бы составляли единый коллектив при выполнении основных теоретических и практических работ по космонавтике, вместе начинали работу по созданию первых советских ракет, космических кораблей и станций, вместе были до последних дней жизни С. П. Королева. М. В. Келдыш принимал непосред-

ственное участие в подготовке к полету человека в космос.

10 апреля 1961 года М. В. Келдыш как член Государственной комиссии поставил свою подпись под полетным заданием Ю. А. Гагарина. Он провожал в космос Ю. А. Гагарина на космодроме и встретился с ним после завершения этого легендарного полета. Последний раз видел я Мстислава Всеволо-

довича 21 марта 1977 года в его кабинете, когда вручал ему золотую медаль имени С. П. Королева и диплом имени Ю. А. Гагарина.

В 1986 году в нашей стране широко было отмечено 75-летие со дня рождения М. В. Келдыша. Этот крупнейший ученый прошел сложную и в то же

время яркую жизнь.

Крупным конструктором и ученым в области создания семейств автоматических межпланетных станций для исследования Луны и планет солнечной системы был член-корреспондент АН СССР, главный конструктор Георгий Николаевич Бабакин (1914—1971). Отличаясь высокой научной и инженерной эрудицией, чуткостью в общении с людьми, он пользовался большим авторитетом среди сослуживцев и товарищей. Рабочий видел в нем рабочего, конструктор — конструктора, ученый — ученого. Он начал 1930 году и подростком прошел путь от радиотехника до крупного ученого. Так же, как и С. П. Королев, и М. К. Янгель, Г. Н. Бабакин до прихода в ракетно-космическую промышленность долго и плодотворно трудился в области авиации. Вспоминается, как он в белом халате давал в сборочном цехе исчерпывающие пояснения по конструкции и устройству сгрудившихся под одной крышей «лунников», «венерианцев», «марсианцев». А еще вспоминается Георгий Николаевич в Координационно-вычислительном центре в период полета станции «Луна-16». Центр поддерживал тогда связь с группой управления станции, которая работала в Центре дальней космической связи. 5 часов утра — Бабакин на вахте, полдень — там же, глубокая ночь — в том же кресле у пульта. Главный конструктор работал четко, оперативно, спокойно, уверенно, но он не скрывал, что волнуется, что счастлив: ведь уже спешит к Земле ракета с образцами лунного грунта, добытыми из района Моря Изобилия, как и предусмотрено программой.

Нельзя не вспомнить и Алексея Михайловича Исаева (1908—1971), известного конструктора авиационных и ракетных двигателей, доктора техни-

ческих наук.

С 1944 года он возглавил одну из организаций по двигателестроению, которая годы спустя благодаря труду Исаева и его коллег стала одной из

ведущих.

Выдающимся ученым и конструктором в области ракетной техники был академик Челомей Владимир Николаевич (1914—1984), лауреат Ленинской и Государственных премий. Конструктор советской ракетной техники и летательных аппаратов, он внес большой вклад в область развития механики, воспитал многочисленные кадры ученых, инженеров, работающих во многих институтах и конструкторских бюро.

Академик Челомей В. Н. обладал большими организаторскими способностями, неустанно трудился над поиском новых решений в области разра-

ботки более совершенной ракетно-космической техники.

В 1941 году, в период Великой Отечественной войны, Государственный Комитет обороны поручил В. Н. Челомею создать новое оружие — беспилотную боевую технику. В. Н. Челомей был назначен Главным конструктором и директором завода, где изготовлялась эта техника. Вскоре, в этом же году, на самолетах П-8 было испытано это грозное оружие, которое в соответствии с решением Советского правительства, по гуманным соображениям, не было применено. А ведь фашистская Германия варварски использовала ФАУ для нанесения ударов по Лондону и другим городам Англии.

В своей книге «Крылья победы», выпущенной издательством «Полити-

ческая литература» в 1983 году, бывший министр авиационной промышленности А. И. Шахурин указывает, что в 1943 году под руководством В. Н. Челомея был сконструирован беспилотный аппарат с пульсирующим двигателем.

Эти люди ушли от нас, люди, стремительные в помыслах, счастливые в делах. Они ставили общественное выше личного, были нетерпимы к похвальбе и лжи, умело преодолевали неудачи и трудности. Мы знаем, как мечтал Королев сам полететь в космос, как Бабакин надеялся подержать в руках грунт с Марса, а Исаев стремился сделать двигатель простой и надежный, способный запускаться в космос сотни и тысячи раз.

Их дела продолжают сейчас другие — их соратники и последователи. Но то, что уже сделано ими, огромно и никогда не изгладится из памяти благодарных потомков. Королев, Келдыш, Бабакин, Янгель, Исаев... За ними стоят современные многотысячные коллективы ученых, конструкторов, производственников, испытателей, космонавтов, специалистов десятков и сотен других профессий.

Проходят годы, меняется техника, завоевываются новые рубежи в познании неведомого, но стремление людей к полетам остается неизменным. И поэтому эстафету от конструктора принимает космонавт. Он по характеру своей работы часто призван решать задачи, которые до него не решались нигде и никогда. Для того, чтобы впервые в истории человечества испытать небывалую до сих пор технику, нужны огромное мужество, исключительное самообладание, большие знания и многое другое. Вот почему столь почетна эта профессия.

В Байконуре, на повороте шоссе, ведущем в Звездоград, пассажира встречает огромный монумент с изображением плавающего в невесомости космонавта. У этого символического памятника космонавты делают традиционную остановку. «Здравствуй, космодром!» — говорят космонавты, ступая на землю Байконура перед полетом в космос. «Здравствуй, космодром!» — приветствуют его исследователи космоса по возвращении на землю. «До встречи, космодром!» — прощаются они, отправляясь в Звездный городок.

В 1978 году эти традиционные слова мы услышали на чешском, польском и немецком языках, а позже — на болгарском, венгерском, вьетнамском, испанском, монгольском, румынском, французском языках, на хинди, на языке пуштун (Афганистан)... Это стало возможным благодаря созданию в 1967 году программы «Интеркосмос», инициатором которой выступил Советский Союз. Ее назначение — объединить усилия народов в изучении космоса в мирных целях.

В осуществление международной программы советские ракеты-носители подняли в космос более двадцати спутников «Интеркосмос». Ушли несколько высотных исследовательских ракет типа «Вертикаль». На борту спутников и ракет размещалась аппаратура, разработанная странами-участниками единой программы.

Качественно новым, высшим этапом сотрудничества народов в космосе стали полеты международных экипажей.

Анатолий Парпара

ГАГАРИН

(из поэмы)

9 апреля 1961 года. Байконур. Деревянный домик около стартовой площадки. Столовая: стол, несколько простых стульев, диван, покрытый ковром. Вдоль окна расхаживает генерал Каманин. Чувствуется, что он обеспокоен.

Каманин

Ну, вот и решено, кто полетит. Мальчишки милые, как волновались! Переживали как!

А прояснилось — И никакой досады иль обиды, А радость за товарища в глазах. Такая искренняя,

честная такая, Как у меня за эту честность их. И Герман молодец!

Мог затаить обиду,

Ведь подготовлен был,

ведь ждал решенья,

Надеялся, что первым полетит,— И вдруг не он...

Сдержал себя мгновенно, Хоть сожаленье по лицу скользнуло, Как облако,

И тут же растворилось. Он крепко руку сжал Гагарину. А тот Не преминул Титова подбодрить: — Недолго, Герман, ждать.

Уверен, скоро

Твой старт.— Гагарин прав. Полеты будут. И Герман полетит.

И Андриян.

И Павел.

И Валерий.

И Евгений...

Полеты будут.

Ведь науке нужно Все досконально знать о человеке В условиях межзвездного пространства. Но первого — уже не повторить. И Юрием Гагариным,

который Еще не знает, что такое слава И как нелегок груз ее капризный, Уже никто не сможет—

первым! — стать.

Я знаю, что он выдержит нагрузки Известности народной. Что такое — Я все ж немного знаю по себе С челюскинских, арктических времен. Но почему он — первый?

Коль признаться,

Его отметил я скорее сердцем:

Он так похож на сына моего — Энергией, улыбкой и движеньем, И скромностью,

и уваженьем к старшим.

(Задумывается.)

Аркадий, сын, герой ясноголовый... В шестнадцать лет — три ордена.

Стрижонком —

Так за стремительность его прозвали Те, кого соколами люди нарекли. Пятнадцать лет нет мальчика в живых! А был бы жив!—

и мог бы мой Аркадий Быть кандидатом на такой полет.

(Положил руку на сердце, успокаивает.)

Разволновался я.

Спокойно, брат, спокойно! Тебе нельзя, наставник космонавтов, Таких эмоций.

(Прислушивается.)

Слышу голос. СП идет.

За сценой раздается:

«Черт знает что творится!

Бракоделы!

Уволю всех!

По шпалам до Москвы

Отправлю их.»

Каманин

Входит Сергей Павлович Королев.

Случилось что-нибудь?

Королев

Случилось! Головотяпы!

Корабль

Пора сдавать комиссии...

Но обнаружен

Дефект в одном из клапанов некстати.

Каманин

А, кстати, дефект бывает?

Королев

Ты шутишь, А мне не до того.

Каманин

Дефект исправят. И хорошо, что обнаружен он.

(Королев что-то хочет сказать, но Каманин берет его за руку.)

Конструктор Главный мой, ты представляешь, Что скоро запуск, запуск с человеком!.. Конечно, подготовил ты.

И вместе с теми,

Кого хотел уволить миг назад. Но ты подумай: человек и космос, Мечты тысячелетние и дни, Которые до запуска остались.

Королев

Нейдет из головы декабрьский запуск. Так подготовлен был!

И — неудача...

И гибель Пчелки с Мушкой —

двух собачек,

Доверчивых и ласковых друзей.

Каманин

И в серии бывают неудачи. Освоенный, казалось, самолет И то подводит.

Королев

Не должен подвести. Пока не убедимся поэтапно В полнейшей безопасности полета, Не можем человека посылать.

(Неожиданно улыбнувшись.)

Наверное, я сильно был расстроен, Коль приходили летчики.

И стали

Меня всем коллективом утешать. Особенно старался синеглазый.

Каманин

Но ведь другие запуски — удачны. Особенно два мартовских.

Ведь манекены С животными вернулись честь по чести. Пришло известье — через три недели Американцы в космос отправляют...

Королев

На баллистической ракете.

Это будет

Скорей прыжок.

А нам в межзвездье нужен

Полет. Вокруг Земли.

На высоте

Трех сотен километров.

И не меньше!

Каманин

Доволен кандидатом?

Королев

Я? Доволен.

Каманин

А я вот о Гагарине тревожусь: Как повлияет выбор на него!

Королев

Не сомневаюсь: выдержит полет. И славу выдержит — не сомневаюсь. Такие не подводят.

Каманин

Сергей Павлович, Когда его ты выделил, признайся.

Королев

Наверно, помнишь, Николай Петрович, Тот день, когда показывали спутник Впервые космонавтам.

Каманин

Помню, помню. Как позабыть его?

Королев

Я объяснил
Ребятам цель, задачу корабля
И попросил, чтоб машинист поставил
В кабину кресло космонавта.
— Кто хочет посидеть? — Смутились парни.
И вдруг один, росточка небольшого
И синеглазый, говорит: «Позвольте!»
А сам присел и стал снимать ботинки.
Потом поднялся по стремянке ловко,
За крышку люка он схватился,

подтянулся

И вниз нырнул.

За ним поднялся вверх Красивый, статный...

Поразил Гагарин Крестьянским уважением к труду.

Ботинки снял...

Не ожидал, признаться. Тогда подумал я, что этот парень И в космосе распорядиться сможет И основательно, и здраво так. Волнуюсь за него.

Ведь в неизвестность Летит один. А я привык к нему. Он мне теперь, как сын.

Каманин (о своем) Да, да, как сын...

Королев

В решительный момент

для замыслов своих

Жизнь

исполнителя всегда находит.

Каманин

(Показывая в окно.)

А вот и Юрий с Павлом, с парторгом нашим. Входят Гагарин и Попович.

Королев

Как тренировки, Юра?

Гагарин

Как учили.

Да не волнуйтесь, все в порядке будет.

Королев (Каманину)

Опять он утешает.

He я — ero,

А космонавт — меня.

О чем беседа

У вас с Поповичем?

Гагарин (улыбаясь)

Пытаюсь Пашу

Уговорить лететь со мной.

Каманин

И как же он?

Гагарин

Отказывается напрочь. Места мало.

> Королев (темнея лицом). Так, Юрий Алексеевич...

Гагарин

Да это шутка...

Попович

Шутка же, конечно.

Королев

Нет, подожди!

Так скучно одному?

Гагарин

У Паши настроение такое, Что я решил его развеселить.

Королев

Я тоже пошутил.

Пока что в космос Один слетаешь, Юрий Алексеич. Но обещаю вам,

(а обещанья

Мои вы знаете),

что скоро будет

Полет двух кораблей,

а может, трех.

И обещаю точно, что направим — И скоро очень —

целый экипаж.

Гагарин и Попович *(обнимаясь)* Ура! Да здравствуют полеты в космос!

Королев

А знаете, друзья:

по профсоюзным Путевкам в космос полетим еще.

(Посерьезнев.)

Запомни, Юра, что бы ни случилось, А в космосе нам все предусмотреть Пока что невозможно.

(Кладет руки на плечи.)

Все же, Юра!
Запомни, милый, что бы ни случилось,
Все наши силы разума немедля
На помощь будут брошены тебе...
Мы с генералом покидаем вас.

(Гагарину.)

И до предела нужно набраться сил. Там, в небесах, работы будет много.

И там — ответ на многие вопросы. Отдыхайте.

Гагарин

Спасибо за доверие.

Поверьте:

Задание я выполню.

Королев

Я верю.

Отдыхайте!

Каманин

Всего хорошего!

(Уходят.)

Гагарин

Ты знаешь, Паша, как люблю я Валю, Как я люблю дочурок востроглазых, Как маму я люблю, отца и братьев, Свою сестру люблю...

Но Королева Люблю иначе. Нет земного чувства И слов земных для передачи нет Того, что ощущаю я.

Бушует

Во мне такое чувство -

от восторга

До тихого почтенья, обожанья. Не знаю, как сказать...

Всегда теряюсь,

Когда о нем..

Он выше, чем отец.

Он — бог-отец.

Нет — выше: Циолковский! Которому по счастью выпал жребий Задуманное миром воплотить.

Попович

Ты говоришь, а я тобой любуюсь. Как ты красив в восторге неподдельном!

(Хитро прищурив глаза.)

А вот слетаешь в космос,

возвратишься

И не узнаешь нас...

А ты такое...

Гагарин (огорченно)

Да как ты можешь?! Я с вами столько времени. Я— ваш.

Попович

Успокойся, Юра! Ты знаешь — я тебя люблю.

Гагарин

Обидно!

Обидно слышать от друзей такое. Ты первым прибыл в городок.

И первым

Был ангелом-хранителем для нас.

И первым в космос мог...

И Герман...

И ребята...

Но выбрали меня. Я разве виноват, что выбрали меня.

Попович

А мы давно решили: и Андриян, И Павел, и другие,

что первым, Юрий,

Ты — должен полететь.

Ты — наша гордость.

И на тебя равняться будем мы. Но, чур! Не зазнаваться.

Знаешь, слава

И не таких ребят сшибала с ног.

Гагарин

Зажмем сомнения в кулак, Попович! Я не знаком со славой.

Только, знаешь,

Она, по-моему, доверие народа, Которое так трудно оправдать.

(Обнимая Поповича.)

А я, наверно, все же ненормальный.

Попович

Но почему?

Гагарин

Вот-вот в полет, а я,

Я не волнуюсь.

Ну, совсем ни капли

Волненья нет.

Скажи, возможно так?

Попович

Так это ж хорошо.

Гагарин

Я знаю, Паша, Когда взлечу— на связи будешь ты И Королев, конечно.

Но, Попович, Ты песней украинской поддержи. Так жороши они!

А ты поешь чудесно!

Попович

Захвалишь, брат.

Но если я — Попович,

То как мне Муромца не поддержать! «Распрягайте, хлопцы, коней...»

(Обнявшись, поют вполголоса.)

Гагарин

Когда корабль увидел я впервые, То мысль пришла нежданная ко мне О корабле.

Об этом мудром чуде, Которого еще не видел мир. Я понял, сколько мастерства, уменья Пришлось стране к машине приложить: Создать металл, которого мартены Еще не знали. А пластмассы, Каких в природе не было!

А ткани

Сверхпрочные!

А лаки!

А приборы
Разумные и чуткие, как руки!
Какие траты! Я ведь понимаю,
Что тратятся на нас большие деньги.
Чем я могу Отчизне отплатить?
Шестнадцать лет прошло со дня Победы,
А сколько бед, лишений, нищеты
Терпеть еще приходится народу,
Чтоб оторвать такой кусок для нас.
Чем отплатить могу своей Отчизне?
Олним:

доверие я должен оправдать. Как офицер,

как сын,

как патриот.

Попович

Не страшно?

Гагарин

Нет. Я видел запуск.

Какое зрелище!

А как она пошла!

Вначале нехотя.

потом быстрей, быстрее,

Как стрелка часовая циферблата Всей вечности.

Попович

Да, время относительно

Не только по Эйнштейну

по закону

И сердца человеческого, Юра. Так, значит, ты готов?

> Гагарин Давно готов.

А вскоре:

сообщение тасс

О первом в мире полете человека в космическое пространство.

12 апреля 1961 года в Советском Союзе выведен на орбиту вокруг Земли первый в мире космический корабль-спутник «Восток» с человеком на борту.

Пилотом-космонавтом космического корабля-спутника «Восток» является гражданин Союза Советских Социалистических Республик летчик майор Гагарин Юрий Алексеевич.

Каманин

Вы помните предстартовую речь? На что вы обратили в ней вниманье?

Журналист

На сжатость мысли,

на его волненье И на готовность выполнить полет.

Каманин

Все это так!

Но есть один момент... Есть десять слов, которые Гагарин Особо выделил:

•И если тем не менее я решаюсь на этот полет....

И если тем не менее решаюсь... На что решается так трудно космонавт?

Центра

мебель:

26 марта 1968 года. Звездный

подготовки космонавтов

городок. Кабинет зам. начальника

Ю. А. Гагарина. Простая сосновая

ный. На стене панорама древнего

Смоленска, портреты Кибальчича,

Циолковского, Королева. В отсутствие хозяина ведут беседу генерал

книжный шкаф, стулья. Два глобуса: земной и лун-

Журналист

На многое...

Каманин На краешек Земли.

Гагарин встал. А что за окоемом? Неведомое. Страшное. Туман. Конечно, человек — венец природы. Но увеличься перепад давлений Иль разница температур — нет человека, Великого владетеля Земли. Хороший аппарат «Восток»! Испытан Неоднократно был, но неполадки, Как в декабре, могли произойти. И что тогда?

Не славы колесница, А вечный саркофаг — его кабина. И медленная смерть...

Преодолеть Неведомое — надобно решиться.

Журналист

А слава?

Каманин

Да!.. Идущий в бой о славе

Не должен думать.

Только лишь о деле— Сознание исполненного долга Последней мыслью нашей может быть.

Журналист

И Юрий полетел...

Каманин

Он должен был вернуться. Он права не имел тогда погибнуть. Случись подобное с Гагариным... Вход в космос Был человечеству надолго бы закрыт.

Журналист

Я четко представляю: за границей Мои коллеги подняли б трезвон. Уж если о собачках из английской Столицы приходил протест...

Каманин

Гагарин Был должен неизвестность победить. Он обладал решимостью, какая

Граничила с самоотверженностью — это В единоборстве помогло ему.

Журналист

А как сумел он выдержать лавину Всей славы мировой?

Каманин

А слава — не подарок. Скорей всего она для Юры — ноша, С которой трудно жить, работать, думать И даже быть в кругу своей семьи. Так и несет ее он, как улитка Свой домик носит.

Журналист

Я тут подсчитал — Он самый молодой полковник мира. Стремителен и взлет его по службе. А как себя он держит с подчиненным?

Каманин

С достоинством. И чтит его в других. А главное — не делит космонавтов На «старичков» и «молодых».

Признаться, Особый такт и требовательность нужно В подобных отношеньях проявлять. Мы не ошиблись в Юрии.

Входит Гагарин.

Гагарин (протягивая руку журналисту) Гагарин!

Журналист

Усков Виталий!

Гагарин (Каманину)

Николай Петрович, Ходил к врачам советоваться: Вале Так хочется в беде ее помочь. А что у вас?

Каманин

Желает наша пресса

Тебя пытать.

Журналист

Спросить! Как, Юрий Алексеевич, Іозволите?

Почетный эскорт истребителей сопровождает Ил-18, на котором в Москву прибывает первый космонавт земли.

Одним из первых, встречавших на земле Космонавта-2 Германа Титова, был его дублер — Андриян Николаев.

> Москва. Ленинский проспект. Столица встречает героя-космонавта майора Германа Титова.

Гагарин

Конечно. Только время Немного поджимает. Дома — дети. Жена в больнице. На меня легли Еще обязанности домохозяйки.

Журналист

Велик ваш круг забот.

Гагарин *(смеется)*Справляемся и тут.

Журналист

Как удается?

Гагарин Время уплотняем.

Журналист

Я видел много раз, как выступали Ученые, министры и поэты, Но так легко и так непринужденно Никто не мог держаться среди нас, Как вы.

Гагарин (удивляясь)

Но это ведь нетрудно! Надо Всего лишь на вопросы отвечать.

Журналист

Работы много?

Гагарин

Да, задумок много.

Одна из них —

со временем, конечно! —

Центр подготовки

наших космонавтов В международный надо превратить.

Каманин

Но главное сейчас:

созданье на орбите

Вокруг Земли

космического дома И постановка опытов, которых На матушке-Земле не провести.

Журналист

Об этом Циолковский говорил.

Гагарин

Специалистам ведома брошюра «План Циолковского».

Шестнадцать пунктов Всего вмещает гениальный план. И половина пунктов (а последний Был выход человека в космос,

Был выход человека в космос, В скафандре — Алексей Леонов) — Уже реализованы людьми.

Журналист

Великое предвиденье.

Гагарин
Мечтаю
Смотаться на Венеру — посмотреть,
Что там таит она под облаками.
Хочу увидеть Марс, его каналы
Таинственные — собственно! — глазами
Хочу увидеть. Многое хочу.

Каманин Ты много добрых дел успеешь сделать. Их столько на земле!!! Гагарин

Хочу слетать,

Хотя бы еще раз.

Испытывать машины —

Профессия моя.

Журналист

Я знаю, Юрий, Что были вы дублером Комарова.

Гагарин Владимир Комаров — великий летчик. И очень мужественный человек. Он сделал все...

А все-таки научим «Союз» летать. Я в этом вижу долг Пред памятью Володи Комарова. Мы выведем на новые орбиты Испытанные нами корабли.

Журналист

А лично вы готовы на «Союзе» К полету в космос, Юрий? Гагарин

Я готов.

Журналист

Не сомневался в этом.

А скажите, Как с летной подготовкою у вас?

Гагарин

Нет у меня в душе сильней влеченья, Чем в небе быть.

Я — прирожденный летчик. И потому хочу, хочу летать. Но вот начальство сдерживает!

Каманин

Юрий,

He сдерживает, а предупреждает От утомленья.

Вот и сейчас Разговорились мы, а завтра рано Тебе вставать.

Гагарин

Что ж, Николай Петрович

Прав абсолютно.

Завтра утром вылет — Последний испытательный полет С полковником Серегиным.

А там —

Самостоятельные вылеты.

Я — летчик!

А летчики обязаны летать.

(Поворачивается к журналисту.)

А с вами попрощаюсь я до завтра. После полета, в девятнадцать ровно, В редакции журнала «Огонек» Я должен быть.

Туда и приходите.

(Подает ему руку.)

Что не успели — спросите еще. В День космонавтики (а я надеюсь!) Порадуете доброю статьей.

(Прощается с Каманиным.)

Итак, до завтра, Николай Петрович!

(Уходя.)

А летчики обязаны летать!

Вместо послесловия

Земля не знала большего единства От радости всеобщей.

Лучезарен,
Весь мир на русском говорил: «Гагарин!»
И братство счастья делало людей
Веселыми в апрельский добрый день.
Земля не знала большего единства
От горести всеобщей.

Опечален, Весь мир слезами исходил: «Гагарин!» И братство горя делало людей Добрей и чище в мартовский тот день. Земля не скажет:

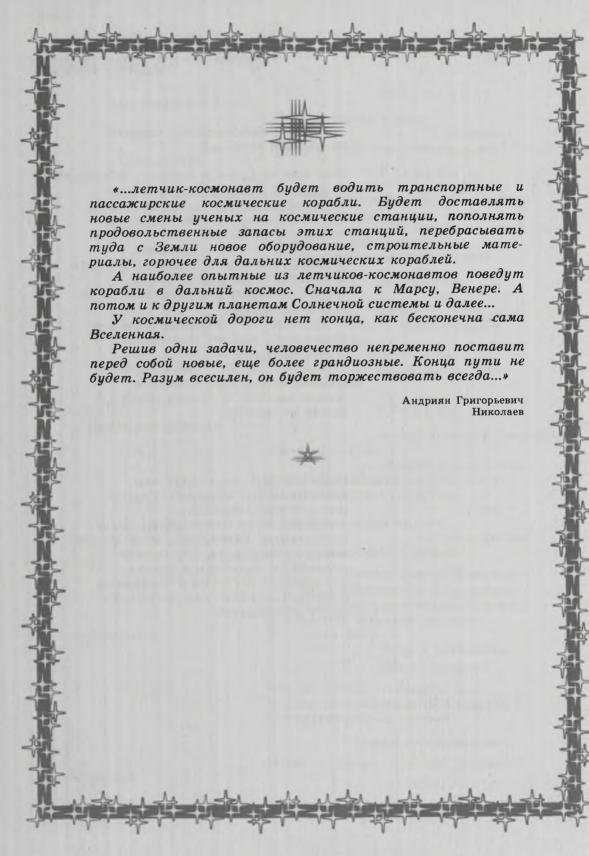
Юрий не вернулся! Какая мать поверит извещенью О смерти сына?

Нет конца терпенью И материнской вере в сыновей. Храня надежду в памяти своей, Земля не скажет:

Юрий не вернулся!

ПОКА ЭТО ДЕЛО НЕБЛАГОДАРНОЕ, РИСКОВАННОЕ И БЕЗМЕРНО ТРУДНОЕ. ОНО ПОТРЕБУЕТ НЕ ТОЛЬКО ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО НАПРЯЖЕНИЯ СИЛ И ГЕНИАЛЬНЫХ ДАРОВАНИИ, НО И МНОГИХ ЖЕРТВ... ЗВЕЗДОПЛАВАНИЕ НЕЛЬЗЯ СРАВНИТЬ С ЛЕТАНИЕМ В ВОЗДУХЕ. ПОСЛЕДНЕЕ — ИГРУШКА В СРАВНЕНИИ С ПЕРВЫМ... НО ЗАТО КАК ПРЕКРАСНО БУДЕТ ДОСТИГНУТОЕ.

К. Циолковский

Ярослав Голованов

ОНИ БЫЛИ ПЕРВЫМИ

В начале 1959 года под председательством академика М. В. Келдыша состоялось совещание, на котором вопрос о полете человека обсуждался уже вполне конкретно, вплоть до того: «А кему лететь?»

— Для такого дела,— сказал тогда Королев,— лучше всего подготовлены летчики. И в первую очередь летчики реактивной истребительной авиации...— Он изложил пожелания ракетчиков: возраст — примерно 30 лет, рост не более 170 сантиметров, вес — до 70 килограммов.

 — А главное,— с улыбкой сказал Королев,— пусть они не сдрейфят!...

Итак, разделившись парами, медики разъехались на поиски кандидатов. В довольно сжатые сроки им требовалось найти несколько десятков абсолютно здоровых, относительно (насколько возраст им разрешал) опытных, дисциплинированных, не имеющих замечаний по службе, профессионально перспективных, молодых, невысоких и худеньких летчиков-истребителей. Врачи в частях, которые знали только, что идет какой-то отбор летчиков «спецназначения», предложили приехавшим московским коллегам более трех тысяч (!) кандидатур...

Просмотрев медкнижки и отобрав подходящие, начали беседовать с их владельцами. Интересовались опятьтаки здоровьем, успехами, настроением и осторожно заводили разговор о том, что, мол, есть возможность попробовать полетать на новой технике. Нет, даже не на самолетах, а, скажем, на ракетах. Или, допустим, на спутниках, а?..

— Я сразу сказал: согласен! — рассказывал Павел Попович. — Мне говорят: «Подумайте сутки». Да что мне думать, товарищи! Потом вышел

в коридор, приоткрыл дверь, голову всунул в комнату и крикнул: — Я согласен!

...Андриян Николаев, услышав о космических кораблях, усомнился: а это реально?

 Вполне. Конечно, не сразу. Будете готовиться.

— Я с радостью,— улыбнулся Антриян...

Шел август 1959 года. До полета человека в космос оставалось 20 месянев.

...Кроме всевозможных анализов и осмотров кандидатов подвергали так называемым «нагрузочным пробам» — выдерживали в барокамере, крутили на центрифуге, проверяли устойчивость организма к гипоксии и перегрузкам. День ото дня группа кандидатов сжималась, как шагреневая кожа.

А время шло. Королев торопил медиков. К концу 1959 года «пройти комиссию по теме № 6» — так формулировалось в официальных медицинских документах — удалось 20 кандидатам. Эти двадцать летчиков и составили первый отряд советских космонавтов. Через несколько лет во всех статьях и книжках их будут называть гагаринским отрядом.

...По решению ЦК КПСС и Правительства СССР 11 января 1960 года была издана директива о формировании Центра подготовки космонавтов. Теперь отобранных кандидатов требовалось готовить к полету. Но для этого нужно было решить, где их готовить, а главное,— в чем, собственно, эта подготовка должна заключаться. Вопросы, которые сегодня кажутся самоочевидными, тогда вырастали в серьезные проблемы, хотя бы потому, что никто никогда космонавтов не готовил...

В начале марта в Москву начали съезжаться первые из двадцати отобранных космонавтов. Первым приехал Павел Попович. Потом появился Валерий Быковский. Следом стали подтягиваться остальные: Аникеев, Гагарин, Горбатко, Нелюбов, Николаев, Титов, Хрунов, Шонин. Еще через четыре дня - Леонов. Временно их разместили в маленьком двухэтажном домике спортбазы ЦСКА на территории Центрального аэродрома им. М. В. Фрунзе. Первое занятие началось в 9 часов утра 14 марта 1960 года.

...Все интенсивнее становились медико-биологические тренировки на бегущей дорожке, в баро-, тепло- и сурдокамерах, на вибростенде и центрифуге. Нагрузки возрастали. Космонавты тихо роптали. «Более всего проявилось негативное отношение будущих космонавтов, пожалуй, к трем «мероприятиям» медико-биологического раздела подготовки, - писал позднее Е. А. Карпов, - к повторявшимся вначале одним и тем же медицинским обследованиям, к повторным тренировкам тепловыми нагрузками, да и к малоприятным, мягко говоря, вестибулярным тренировкам на врашаемом кресле. Потребовалось провести немало бесед с тем, чтобы убедить некоторых слушателей в необходимости проведения данных работ и оправданности их включения в программу подготовки к пер-ВЫМ космическим полетам».

Неожиданно для самого себя трудно перенес «подъем» в барокамере на высоту 6 тысяч метров Николаев. Быковский, первым прошедший испытания одиночеством, успокаивал ребят: «Ничего особенного», но Попович потом признался: «Нелегко». Николаев вспоминал: «Хотелось услышать хотя бы тонюсенький птичий писк, увидеть что-нибудь живое. И ВДРУГ меня словно кто-то в спину толкнул. Поворачиваюсь — и в маленьком обзорном кружочке вижу глаз. Живой человеческий глаз. Он сразу исчез, но я его запомнил от табачного пвета глаза до каждого волоска рыжеватых ресниц... Не знаю, как я не выкрикнул: «Ну, еще взгляни! Посмотри хоть малость!..>

...Когда был создан корабль-тренажер и привлеченный Сергеем Павловичем Королевым в качестве инструктора-методиста летчик-испытатель Марк Лазаревич Галлай начал на нем занятия с космонавтами, стало ясно, что тренировать всю «двадцатку» неудобно, трудно, да и дело идет слишком медленно. Посоветовавшись, С. П. Королев, Е. А. Карпов и Н. П. Каманин, который с лета 1960 года вплотную занялся подготовкой космонавтов, решили выделить небольшую группу — шесть человек для ускоренной подготовки к первым полетам.

Сделать это было нелегко: все летчики оправдывали надежды, которые на них возлагали. При отборе в «шестерку» в первую очередь учитывались «габариты», результаты нагрузочных проб, успехи в теоретических занятиях, физическая подготовка... Учитывались результаты психологических тестов, наконец, учитывались просто характер, темперамент, общительность, отношение к товарищам, поведение в быту -- короче, учитывалось все, что поддавалось учету. В конце концов была сформирована первая группа космонавтов в следующем составе: Варламов, Гагарин, Карташов, Николаев, Попович, Титов. Скоро в этом составе произошли изменения. Вместо отчисленного по болезни Карташова в шестерку был введен Григорий Нелюбов. Вместо Варламова — Валерий Быковский.

После организации первой группы Королев стал заметно больше уделять внимания подготовке космонавтов, приезжал в Звездный городок, осмат-

Пока никому не известный летчик гуляет по городу Чебоксары... Недолгая побывка на родине перед космическим полетом. Капитан А. Г. Николаев с братом Петром.

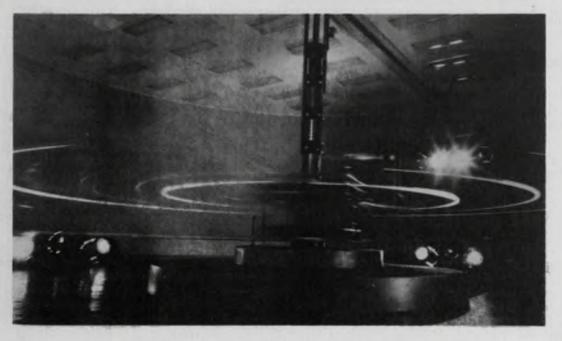
Парашютная подготовка продолжается. В свободном падении.

После многосуточного пребывания в сурдокамере.

Испытание на центрифуге. Собственный вес космонавта возрастает в десятки раз.

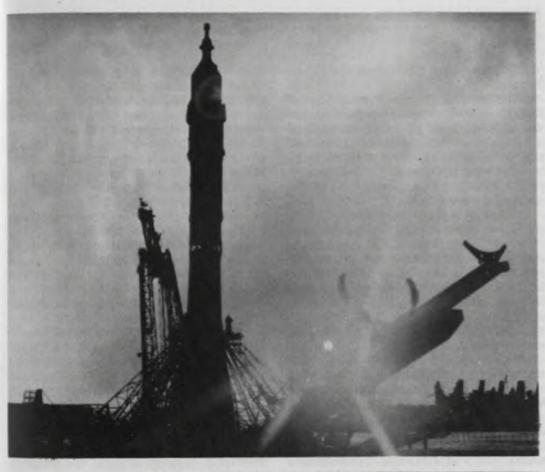
Первые космонавты прошли через многочисленные медицинские исследования.

Космонавты продирались к космическому полету, как через тропические заросли, через тренировки, испытания, познания и исследования.

Тем временем совершенствовалась и космическая техника.

Герой Советского Союза летчик-космонавт СССР подполковник Ю. А. Гагарин и летчик-космонавт капитан А. Г. Николаев.

ривал тренажеры, беседовал с космонавтами.

— Неплохо, — подвел итог Сергей Павлович. — На первых порах неплохо, но надо думать, что делать дальше. Без «заделов» нужного хода вперед не получится. Нам с вами большая работа предстоит, дорогие товарищи. И чем дальше, тем работы будет все больше.

Первая группа проходила положенные испытания на различных стендах, «вне очереди» занималась на тренажере, уже досконально знакомилась с ракетно-космической техникой в КБ Королева. В декабре эти космонавты провели на тренажере зачетные тренировки... Наконец на 17—18 января 1960 года были назначены экзамены «шестерки».

Если вдуматься, это тоже событие эпохальное, поскольку никто и никогда не сдавал экзамены на право лететь в космическом корабле.

Впрочем, тогда все было «впервые», но об этом как-то не задумывались... Первый день сдавали «практику» — в тренажере проверялось умение управлять кораблем. На следующий день — теория. В экзаменационную комиссию входило десять человек: медики, конструкторы, летчики. Марк Лазаревич Галлай, один из членов этой комиссии, пишет: «Сейчас, в наши дни, готовность к полету будущих космонавтов проверяют уже летавшие космонавты. Тогда такой возможности не было».

Именно на 1960 год — время подготовки космонавтов — приходится пик напряжения в работе над космическим кораблем «Восток». В январе 1961 года космонавты готовились к своим экзаменам, а Королев — к своим... 15 мая, в день, когда космонавты вернулись в Москву после парашютных прыжков, на Байконуре стартовал первый «Восток». Возвращение этого корабля на землю не предусматривалось. Королев хотел

лишь проверить в реальной обстановке все системы, обеспечивающие собственно полет в космосе, включая систему ориентации. Инфракрасная вертикаль ориентации не сработала. Корабль развернуло соплами назад, и когда включилась тормозная установка, она начала не тормозить, а разгонять его. «Восток» ушел на более высокую орбиту. Команда на разделение прошла, но назвать этот первый пуск удачным было, конечно, нельзя. Но Сергей Павлович со свойственным ему оптимизмом уверенно заявил: «А спускаться на Землю корабли, когда надо, у нас будут! В следующий раз посадим обязательно!..»

У Королева были неудачи, но у него не было повторных неудач. Отказ носителя на участке выведения 23 июля отодвинул следующий старт на 19 августа. И тогда второй «Восток» благополучно приземлился. Впервые из космоса вернулись живые существа — собаки Белка и Стрелка, две крысы, 28 мышей и целый рой мух-дрозофил. 1 декабря 1960 года Королев хочет закрепить достигнутый успех, но терпит неудачу: неполадки в тормозной установке приводят «Восток» на нерасчетную траекторию спуска. Через три недели носитель «недотаскивает» корабль на орбиту, в начале работы третьей ступени спускаемый аппарат отделяется по аварийной команде и благополучно приземляется вместе со всей своей живностью. И снова упорные поиски гарантий, исключающих возможность повторения осечки, и снова анализ всех положительных факторов, которые укрепляют веру в будущую победу.

9 марта 1961 года, когда в Звездном городке у Гагариных отмечали 27-летие Юры, Королев на Байконуре преподнес ему поистине королевский подарок: новый «Восток» стартовал в космос с собакой Чер-

нушкой и антропометрическим манекеном, в груди, животе и ногах которого были закреплены клетки с крысами, мышами, препараты с культурой ткани и микроорганизмов. Американцы в газетах называли этот «Восток» «ноевым ковчегом». Полет прошел без замечаний, корабль благополучно приземлился через 115 минут. И все-таки Королев решает, что нужно провести еще один пуск, еще раз убедиться, что процесс «обкатки» и «доводки» окончен, что космический корабль надежен. Последний пуск - «генеральную репетицию» — Королев назначает на 25 марта. Решено было пригласить на этот запуск «шестерку» космонавтов.

Космодром поразил их. Огромное пространство монтажно-испытательного корпуса, ракета, лежащая в могучих объятиях установшика, циклопический стартовый комплекс с пропастью пламеотводного канала все это казалось чем-то фантастическим, но вместе с тем делало будущий полет реальным, и они чувствовали, что уже не месяцы, а недели или даже дни отделяют их от первого старта человека в космос.

Манекен «Иван Иванович», собака Звездочка и другие биообъекты, совершив кругосветное путешествие, целыми и невредимыми вернулись на Землю. 28 марта в конференцзале президиума Академии наук проходила пресс-конференция по результатам исследований на пяти кораблях-спутниках. Приехало много советских и, иностранных журналистов. Толкаясь и мешая друг другу, все усердно фотографировали Чернушку и Звездочку, тихо повизгивающих в горячем свете перекалок. В первом ряду сидели Гагарин, Титов, Николаев и другие космонавты. На них никто не обращал внимания.

Благополучное приземление последнего «Востока» означало, экспериментальный период подготовки к полету человека в космос завершен. Королев в Москве доложил о результатах всех испытаний. З апреля было принято решение правительства о запуске в космос пилотируемого корабля. В тот же день в 16.00 Сергей Павлович вылетел на Байконур. Счет пошел уже не на дни, на часы.

Виктор Митрошенков

лимонный ободок земли

У истории свои категории ценностей. Есть события, которые ошеломляют своей необычностью, вызывают феерический каскад откликов, но не попадают в летопись фактов особой значимости, остаются над планкой пика эпохальности.

Полет Андрияна Николаева на космическом корабле «Восток-3» и по сей день остается эпохальным, поворотным, грандиозным.

Он участвовал в первом групповом полете космических кораблей, первым в мире осуществил свободное космоплавание в закрытом пространстве корабля, установил радиосвязь между космическими кораблями, провел телерепортаж, положил начало космовидению.

Предполагал ли он, что ему, защитнику неба, выпадет особая роль в отечественной космонавтике, что ему предстоит пройти через многочисленные и сложные барьеры жизненных испытаний?

Вспоминая о первых шагах кос-

мической эпопеи, Андриян Григорьевич писал:

«Мы, группа военных летчиковистребителей, отобранная специальными и весьма строгими медицинской и мандатной комиссиями, прибыли 13 марта 1960 года в Москву».

Он делал все как всегда — неторопливо и основательно. Что бы он ни делал, он все делал как для себя, добротно: выполнял ли поручения командования, тренировался в космическом корабле, делал ли физзарядку, проводил беседу, помогал товарищу, играл ли в пинг-понг, анализировал работу отдельных агрегатов или систем...

Вместе с пятью другими космонавтами Андриян Николаев был отобран в ударную шестерку. Идея такого разделения отряда диктовалась соображениями ускоренной подготовки и наличием построенных летательных аппаратов. Все шесть отобранных по профессиональным и физическим качествам космонавтов готовились по одной программе, готовились ускоренно, напряженно, создавая методологию и одновременно совершенствуя ее.

Николаев, как и пять его товарищей по ударной группе, был подготовлен в полном объеме для первого одновиткового орбитального полета в космос. Сдав зачеты, он терпеливо ждал решения руководства. Один из шести.

Задача нелегкая: один из шести при одинаковых учебных, профессиональных, психологических показателях, пусть даже формальных — но системность невозможна без четких критериев, — должен стать первым. Но ни Евгений Карпов — начальник Центра подготовки космонавтов, ни Николай Каманин — руководитель подготовки советских космонавтов, ни Константин Вершинин — главнокомандующий ВВС, коим вменялось в обязанность назвать канди-

дата на первый полет, сделать это были не в состоянии. Казалось, им легче было запустить сразу шестерых, чем разделить эту дружную шестерку.

Как нередко случается, выход был найден неожиданно. Рожденный мудростью самих членов группы, он был до гениального прост: полетит тот, кому отдадут предпочтение сами космонавты. В числе тех, кто считал Гагарина самой достойной кандидатурой на первый полет, был Андриян Григорьевич Николаев.

В мае 1961 года было принято решение о запуске на околоземную орбиту корабля-спутника «Восток-2». Командиром назначается Герман Титов, запасным, то есть дублером (тогда это слово только входило в обиход), — Андриян Николаев.

Времени для подготовки отводилось предельно мало, а программа предельна нагружена. Как тогда казалось скептикам, она была «на грани человеческих возможностей». Они тренировались, изучали корабль, учились жить в невесомости, овладевали навыками работать в космосе.

Один из них должен прожить в космосе целый суточный цикл, побить рекорд Гагарина, выйти на новые научные и психологические достижения. Кто им станет?

Сергей Павлович Королев внимательно следил за подготовкой космонавтов, консультировал их, находил время для совместных вечерних прогулок, охотно отвечал на вопросы, иногда вспоминал прошлое.

Свою жизнь Главный конструктор делил на три периода: до 1938 года по 1944 год и последний период — послевоенные годы. Первый и третий периоды не составляли тайны, о них он вспоминал в своих выступлениях, ссылался на совещаниях, говорил на встречах с молодежью. Но второй, средний период, как будто выпадал из его жиз-

ни, о нем никогда и никому он не говорил. Эта таинственность порождала домыслы, будила фантазию у нетерпеливых, давала пищу небылицам.

Соблюдая субординацию, не нарушая байконуровского этикета, не видя поводов для нарушения запретов, не переступал грань дозволенного и Николаев. Нельзя так нельзя. Это право каждого, как понимал он, говорить или не говорить о себе.

Еще тогда, в мае 1961 года, когда весь отряд космонавтов вылетел на отлых в Сочи. Николаев вновь вспомнил о своем неудовлетворенном интересе. Кажется, впервые за много месяцев была разрешена поблажка: отдыхая, можно было не тренироваться, не штудировать учебники, инструкции, не присутствовать совещаниях. Прилетевший через несколько дней Сергей Павлович Королев подтвердил все это: отдыхать, укреплять организм, набирать силы для нового полета. Но призыв Главподдержанный руководством Центра подготовки космонавтов, остался неосуществленным лозунгом.

Сам Королев, хорошо выспавшись, на третий день заскучал от безделья. Томясь и одолевая душевные бури от скуки, он два вечера коротал с космонавтами, внимательно слушал своих молодых друзей, рассказывал им невероятные истории из недалекого прошлого космонавтики, старательно оберегая себя от вопросов. Но молчаливый Андриян втиснул вопрос в короткую паузу.

— Мы так мало знаем о вас, Сергей Павлович, вы так редко говорите о себе. Мы даже не знаем, на каком фронте вы воевали...

- Расскажу, непременно расскажу, -- не проявив особой радости, тихо сказал Главный конструктор,но потом, когда будет подходящий случай...

Когда он будет, этот случай, никто не знал, ведь инициатива принадлежала самому Сергею Павловичу. То, что он не откликнулся на откровенность, не пошел на душевное сближение с космонавтами, не рассказал о том, что их интересовало, волновало, могло породить отчуждение и уж непременно поляризовало отношения, создавало напряжение. Но подогревало интерес.

...Андриян Николаев тренировался с Германом Титовым по полной программе суточного полета. В конце июля они улетели на космодром.

Там все было так же, как и при подготовке к полету Гагарина: четкий распорядок, железная дисциплина, тщательный контроль специалистов. Уже начала складываться система предстартовой жизни.

Тренироваться с Германом, разбирать чертежи, копаться в инструкциях, примерять скафандр, работать в корабле Андрияну было полезно и интересно. Титов был горяч, дотошен, въедлив, работал без устали. Николаев присматривался к нему, многое перенимал, считал, что все это окажется полезным и для него.

Гагарин и Каманин на космодроме не присутствовали, они были в отъезде.

Огромная тяжесть по подготовке ракеты-носителя, и космонавтов легла на Сергея Павловича Королева. Несмотря на огромную занятость на старте, он ежедневно встречался с космонавтами, подбадривал их. Иногда говорил: «Ничего, бывает и труднее». Только много позже узнали Титов и Николаев о годах лишения, незаслуженных оскорблениях и унижениях, пережитых Главным в годы его активного становления конструктором.

В день старта «Востока-2» Титов и Николаев проснулись от звона будильника. Выполнив утренние процедуры, космонавты облачились

скафандры, направились на старт. Здесь Герман сразу же вышел из автобуса, а Андриян находился там до объявления получасовой готовности, затем, разоблачившись, отправился на наблюдательный пункт.

Николаев наблюдал всю картину старта, выхода корабля на орбиту, слышал все доклады Титова, стремился уловить по его голосу изменения. происходящие в невесомости. Невесомость была таинством, барьером, пиком недоступности. Коварства невесомости ждали врачи, конструкторы, космонавты, но как предотвратить ее поползновения — этого еще не знал никто. Действительно, в полете Титова невесомость проявила свой норов. У него болела голова, накатывалась тошнота, снижалась работоспособность. Николаев видел, как тревожились на Земле, как стремились помочь космонавту, предлагали прекратить полет, но Герман был непоколебим: программу он выполнит до конца.

Потом на Земле он подробно доложил о своем самочувствии в течение полета и высказал предположение, что невесомость можно преодолеть, хорошо тренируя вестибулярный аппарат. Для врачей, тренеров, инструкторов встала серьезная задача пересмотра программы тренировки к очередным стартам.

14 сентября Герман Титов, сопровождаемый Гагариным и Каманиным, вылетел в Крым на отдых. Провожая их, Андриян Николаев не мог предположить, что там близ Фороса произойдет несчастье — Юрий Алексеевич при падении сильно повредит себе бровь и не сможет затем по этой причине присутствовать на тренировках экипажей космических кораблей «Восток-3» и «Восток-4».

А тренировки эти вскоре активно стали набирать силу...

Встретившись с командирами «Востоков» и их дублерами, Главный

конструктор сообщил им о своих планах запуска трех кораблей с интервалами в один день с продолжительностью полета первого 3—4 суток, а второго и третьего—2—3 суток. Он считал, что всю эту программу можно реализовать в ноябре 1961 года.

Предложение Сергея Павловича вызвало недопонимание, полемику, испуг и осторожность. Союзников у Королева было мало.

Тщательному анализу подвергся суточный полет Титова. То, что еще вчера многие считали честностью и откровенностью космонавта, который сказал о головокружении, рвоте, болях в голове и глазах, об отсутствии аппетита, теперь же иные относили к слабости его и других, недостаточной тренированности, неумении справиться с отрицательными явлениями невесомости.

Не поддерживало идею Королева и командование Военно-Воздушных Сил, мотивировав свою позицию слишком якобы ускоренными темпами полетов.

Но Королев не сдавался. Он считал, что только темпы, новые грандиозные программы помогут получить реальные результаты в космосе. Он говорил, что мы вышли на орбиты, чтобы летать. К середине октября Николаев прошел трехдневную тренировку в скафандре и приступил к работе на центрифуге. Остальные участники подготовки тоже шли нога в ногу, след в след.

Высокая загруженность не позволила Николаеву повидаться в эти дни с Гагариным, поговорить с ним о случившемся. Он переживал это происшествие и недоумевал, как мог Юра оказаться в таком положении. Ведь Гагарин был великолепным спортсменом, на уровне мастера играл в волейбол, баскетбол, любил хоккей. В феврале 1961 года он прошел по фасаду дома на высоте пятого этажа

от окна своей квартиры до окна квартиры Германа Титова. Здесь было не только везение спортсмена, но его высокая тренированность, удивительное самообладание, устойчивая работа вестибулярного аппарата. Сейчас Гагарин находился в Московском госпитале, принимая последние лечебные процедуры перед открытием XXII съезда КПСС, делегатом

которого он был избран.

21 октября Андриян Николаев был у С. П. Королева на беседе. Главный конструктор показал космонавту космический корабль, расспросил его об удобстве расположения приборов, аппаратуры, кресла. Николаев высказал некоторые замечания и, чуть робея, добавил, что в общем-то можно оставить и так. Сергей Павлович дружески похлопал его по плечу: не робей, дескать, требуй смелей. За обедом говорили о программе полета, об увеличении длительности пребывания на орбите, о многоместных кораблях, о многообразии космической профессии, о скором начале подготовки к полету женщин.

— Так на сколько дней вы готовы лететь? — спросил Королев при прощании.

— На четверо суток, но если нужно, то и больше.

Сергей Павлович засмеялся, радуясь новому и весьма авторитетному единомышленнику, и сказал:

— Пока на большее не надо. Хорошо бы обследовать там намеченные орбиты за эти сутки. А потом махнем в космос на месяцы, кварталы, а может быть, и на годы...

В начале ноября стало известно, что полет переносится и в декабре его уже точно не будет. И, учитывая все это, экипажам дали некоторые послабления.

Гагарин в это время с Каманиным находился в Индии, откуда он должен был лететь на Цейлон. Его воз-

вращения в Москву можно было ждать лишь к Новому году.

Королев вновь встретился с космонавтами, расспросил их о самочувствии, сказал, чтобы не вешали носа. Николаеву он предсказал скорый старт. Сразу после Нового года Сергей Павлович улетел на космодром на запуск новых систем, для проведения испытаний модернизированных носителей. Немало беспокойства вызывала у него и новая система парашютной подвесной системы. Королев требовал надежности, прочности, гарантий.

В начале февраля по инициативе Н. П. Каманина произошли изменения в составе экипажей очередного старта. Теперь вместе с Николаевым и Поповичем начинали тренироваться Георгий Шонин, Борис Волынов, Григорий Нелюбов, Валерий Быковский и Владимир Комаров. Объявляя об этом, Николай Петрович сказал, что на утверждение командирами кораблей будут представлены Андриян Николаев и Павел Попович, что он будет отстаивать идею полета двух кораблей, а не трех, что старт предполагается 10-12 марта, что, как и ранее, командование ВВС отстаивает идею суточного полета, а при отличном самочувствии космонавта полет может быть продлен на одни или двое суток. Каманин не любил долгих совещаний и длинных речей, но на сей раз сделал отступление от собственных правил — говорил долго и обстоятельно. Он сообщил, что принято решение о наборе женской группы отряда космонавтов. Предполагалось отобрать пять девушек-спортсменок и уже в ближайшее время приступить к тренировкам, подготовить полет первой женщины в конце 1962 — начале 1963 года.

Вновь начались усиленные тренировки. Комплекс занятий был построен по уплотненному графику: спорт — теоретическая подготовка —

астронавигация — конструкция космического корабля. Но врачи не одобряли такую интенсивность, просили смягчить высокую нагрузку, перенести полет на апрель. Королев согласился с доводами медиков и

поддержал предложение о переносе даты полетов на месяц-полтора. Старты переносились на середину апреля.

апреля.

Казалось, жизнь в Центре подготовки космонавтов вновь вошла в спокойное трудовое русло. Гагарин и Титов наносили в дружеские страны визит за визитом. Успех их поездок прямо ошеломлял: сильно возрос интерес к нашей стране, утвердился приоритет советской науки, признавался мирный характер наших космических исследований.

А экипажи продолжали готовиться к новым полетам. И вдруг...

И вдруг — происшествие. Космонавты Марс Рафиков и Иван Аникеев нарушили режим тренировок, самовольно оставили занятия и без ведома руководства уехали в столицу. Это было неслыханное отступление от правил, от порядка, установленного в Центре подготовки космонавтов. Была создана комиссия по установлению причин нарушения и проверки состояния дисциплины. Изучив положение дела, Каманин принял жесткое, суровое решение: Марса Рафикова отстранить от тренировок, отчислить из отряда и назначить старшим летчиком в истребительных из полков. Пока не было приказа командующего BBC по итогам работы комиссии, космонавты попытались как-то помочь Рафикову и Аникееву. Николаев обратился с просьбой к Каманину о смягчении наказания Рафикову, наказать его в дисциплинарном порядке, поверить его раскаянию и честному офицерскому слову. Николай Петрович обещал поговорить с членами комиссии, доложить

Командующему о просьбе космонавтов по возможности смягчить меру наказания.

Тогда Николаев многого не знал. Он не мог объяснить самому себе, почему принято столь суровое решение к талантливому человеку Марсу Рафикову, почему это событие стало причиной серьезного разбора на Военном совете ВВС, почему меняется структура подразделений, занимающихся космосом.

Просьба Андрияна Григорьевича совпала с периодом зарождения в нашей стране Дня космонавтики и деятельной подготовки к столь необычному празднику. Каманин, опираясь на сторонников установления Дня космонавтики, обратился поддержкой непосредственно к Н. С. Хрущеву. Вероятно, в сутолоке дел просьба Николаева отодвинулась, может быть, и забылась. Верный чувству товарищества, Андриян встретился с Юрием Гагариным и попросил его использовать свой авторитет для помощи провинившимся.

Сразу же после празднования Дня космонавтики Николаев и его товарищи по подготовке к полету вылетели в Феодосию для отработки приемов приводнения в скафандрах. Первым прыгал Николаев. Каждому космонавту предстояло совершить по несколько парашютных прыжков в космическом снаряжении. Все прыжки прошли успешно, ни ушибов, ни увечий не было.

27 апреля космонавты вернулись в Звездный городок. Учитывая огромную усталость космонавтов, Каманин разрешил им двухдневный отдых.

Подготовка к полету шла к завершению. Уточнялись детали программы полета, система связи кораблей на орбите, наблюдения космонавтов за объектами, режим сообщения с Землей.

27 июля прошла последняя тре-

нировка в Звездном городке.

28 июля Сергей Павлович Королев, тепло попрощавшись с космонав-

тами, выдетел на Байконур.

30 июля прошло заседание Госуларственной комиссии по пуску «Востоков». Комиссия назначила старты кораблей. **УТВЕРДИЛА** командиров оперативных кораблей и составы roviii.

состоялось Вечером традиционное партийное собрание. Первым от имени космонавтов выступил Андриян Николаев.

Второго августа на самолете Ил-14 Николаев в сопровождении Германа Титова и генерала Каманина вылетел на космодром. В пути, коротая время, нассажиры играли в префе-Каманин, вовлекая в игру Николаева, наблюдал за ним, оценивал каждое его слово, жест, взгляд. Андриян играл спокойно, мгновенно принимал решения, был собран. совсем не реагировал на болтанку. Через некоторое время партнеры Николаева потеряли к игре интерес. Они были измотаны болтанкой, сидели бледные, рассеянные. Продолжать игру в таком состоянии было нецелесообразно, Николай Петрович предложил прекратить ее.

Николаев, не испытывая никаких физических недомоганий, ушел в пилотскую кабину поболтать с экипажем. Конечно, Каманин давно и хорошо знал Николаева, видел его в самых разных жизненных ситуациях, но сеголня, именно сейчас, этом полете на космолром, он снова приятно удивился его выдержке и воле. Через несколько дней старт, предстоит самый длительный в истории космонавтики полет. Как пройдет? Все ли завершится успешно? Четверо суток вне Земли слыхано ли? А Николаев, как ни в чем не бывало, спокойно разгуливал по салону самолета. Можно было

полумать, что летел он не на космодром, а на рыбалку, веселую прогулку под южным небом.

На следующий день начались предстартовые занятия. Проводили их ведущие конструкторы, назначенные Сергеем Павловичем Королевым. Отбирал он людей лично, руководствуясь не только авторитетами, но и обаянием. Главный прием — не утомлять космонавтов, не устранвать разносов, контрольных проверок. Беселовать. И беселы велущих специалистов выявили у космонавтов отличные знания по конструкции корабля, технике управления, программе работы. Словом, космонавты занимались, примеряли скафандры, обживали рабочие места в корабле.

Десятого августа Андриян Николаев и Валерий Быковский перешли на предполетный режим.

Последние занятия проводил Константин Феоктистов серьезный. толковый инженер, талантливый конструктор с ярко выраженными залатками педагога.

А затем был ужин. В 19 часов в домике космонавтов собрадись Сергей Павлович Королев, Леонид Васильевич Смирнов (заместитель Прелселателя Совета Министров СССР), Юрий Гагарин, Герман Титов, Павел Попович, Владимир Комаров, Владимир Яздовский, Николай Каманин. Николаев и Быковский поуживали с большим аппетитом, вызывая у присутствующих одобрение. Время. отпущенное на этот необычный ужин, прошло весело, непринужденно. Задушевность старших товарищей, внимание и забота друзей оставили у Андрияна и Валерия чувство душевной благодарности.

Гости, пожелав спокойной ночи, тихо разопілнеь по своим гостиницам рабочим местам. Сергей Павлович, сказав, что у него есть дела на ракете, уехал на площадку.

В 23 часа космонавты перешли в распоряжение врачей.

Остался в домике космонавтов и Каманин, чтобы в полудреме провести ночь, волноваться, думая о предстоящем старте, о космонавтах, у которых война отняла детство, стушевала юность. Через какое-то время, встав с постели — не проспать бы, — он выйдет в коридор и увидит Сергея Павловича, который в чуть приоткрытую дверь наблюдал за спящими космонавтами.

Часы показывали 5.45. Наступило утро нового дня.

Королев был опрятно одет, выбрит, живые глаза его весело блестели. Он приложил палец к губам: помолчи! Когда же Главный спал? В 23.30 он покинул домик, в 0.50 позвонил со стартовой площадки, в 2.14 вернулся в гостиницу, пил чай, что-то писал, звонил в Москву.

— Спят, это хорошо. Я поехал

Королев не скрывал своей симпатии к Николаеву. Иногда говорят, что занятым людям не до сантиментов. Но Главный был настоящим человеком, с необъятными интересами, широкими влечениями, со стойким оптимизмом и несокрушимой верой в добро. В его распоряжении было много людей, несметное количество техники, неограниченные, не вмещающиеся ни в одну инструкцию обязанности и права, он выполнял тысячи неотложных дел, он мог делать людей счастливыми и перспективными, обиженными и ненужными, он, как и многие, колебался и сомневался, доверял и ошибался, но никогда не переставал любить честных и самоотверженных тружеников. В его понятии Андриян Николаев был тружеником в высшем смысле этого слова.

Служебные дела заставляли Королева оторваться от космонавтов ма какое-то время, потерять их из виду. Но он тут же возвращался к ним. Рано утром он беседовал со стартовым расчетом, заслушал доклады ведущих конструкторов, присутствовал на заседании Государственной комиссии и всякий раз, как только появлялась возможность, звонил в домик космонавтов.

— Ну как? — спрашивал у врача Главный.

— Хорошо, уже встали.

Через полчаса он снова звонил и тем же напряженно-тревожным голосом спрашивал:

— Ну как?

— Позавтракали. Кушали с аппетитом завтрак: Николаев — один, Быковский — два...

Королев громко засмеялся: это же хорошо, когда люди с аппетитом едят...

Радиосвязь с Николаевым, как только он занял место в космическом корабле, вел Юрий Гагарин. Позднее об этих предстартовых часах Андриян Григорьевич напишет:

«Пока часы в унисон отбивают секунды, меня то и дело запрашивают о самочувствии.

Сразу угадал Юрия Гагарина. Он будто рядом:

— Андрюха, ни пуха ни пера!

— Ладно, Юра!

Поповича голос... Он всегда был связным на космодроме, держал «контакт» с Гагариным и Титовым. Сейчас Паша занят своим предстоящим полетом, но нашел время и моими делами поинтересоваться. А на связи опять Юрий. Он шутит. Я отвечаю только по делу. Он на это реагирует по-своему: почему, мол, я молчу, как в рот воды набрал. А я отвечаю коротко. По инструкции. Все в норме и точно».

Через несколько часов с околоземной орбиты Николаев передаст:

— В иллюминаторе хорошо видна Земля...

Земля — родина человечества,

центр цивилизации Млечного Пути — была внизу, где-то в стороне, и он, житель земной тверди, парит над обиталищем своим.

Потом, поняв и осмыслив увиденное, он напишет:

«Солнце неудержимо клонится к лазоревому горизонту. Еще немного, и оно будто кануло в морскую пучину. В то же мгновение по небосводу разлилась вечерняя заря.

Небо осталось тем же. Звездастым. А Земля прикрылась теменью. Но и ночью она не теряла своей красоты. Города светились огнями. Призрачно угадывалась тронутая лунным свечением водная ширь.

Да, своеобразна красота космической ночи. Но я с нетерпением ждал рассвета. По рассказам Юрия и Германа, это необычайно красочная картина. Теперь мне предстояло ее увидеть. Возникла она не сразу, а как бы накапливая краски. Но времени на это ушло немного. Всего сорок минут потребовалось для «пересменки» вечерней и утренней зорь.

Вначале, когда солнце было еще где-то на подступах, я увидел розовато-лимонный ободок у края Земли. Потом венец планеты стал наливаться новыми красками, постепенно накаляясь ярко-оранжевыми цветами. И вдруг венец заиграл всеми цветами радуги. Выше эти цвета постепенно переходят в черноту. В черном небе светятся звезды. После выхода корабля из тени ярко-оранжевая полоса пропадает, и вместо нее появляется нежно-голубая окаемка».

Мир был ошарашен известием:

«11 августа 1962 года в Советском Союзе на орбиту спутника Земли выведен космический корабль «Восток-3». Корабль «Восток-3» пилотирует гражданин Советского Союза летчик-космонавт майор Николаев Андриян Григорьевич...»

Все газеты мира откликнулись на новый космический старт. Много писали и в нашей стране, обращались к детству космонавта, годам его работы, к романтической лейтенантской поре.

...Летом 1956 года никому не известный летчик лейтенант Николаев совершил вынужденную посадку. Прошли месяцы, и об этом все забыли. Вспомнили о ней в августе 1962 года.

Один из авторов, сопереживая летчику, воспроизвел воздушную обстановку:

«...Пытается оживить двигатель, а он совсем мертв. Еще раз... Жуткая тишина. А высота падает...»

Высота — неизменная единица. В данном случае падает самолет, теряя высоту.

Учебный полет, а этот полет таковым и является, осуществлялся с целью обучения и совершенствования военного летчика лейтенанта Андрияна Николаева в технике пилотирования, самолетовождения и боевого применения.

Далее автор пишет: «Прикидывать некогда — самолет касается земли. Подрагивает на кочках. Оврагуже рядом. Но «МиГ» (имеется в виду истребитель конструкции Микояна и Гуревича) будто чувствует опасность и останавливается на краю обрыва. Одно колесо даже немного свесилось вниз. Тишина. Андриян провел ладонью по мокрому лицу: спасен. Тело вдруг обмякло».

Тут, как говорят, излишне чтолибо добавить.

Об этом происшествии на самолете Андрияна Гагарин писал так:

•На приборной доске заплясали стрелки, двигатель заглох... Сохраняя присутствие духа, Андриян действовал разумно и хладнокровно. Крепко обхватив ручку управления, он выровнял машину.

Строгие и корректные слова лет-

чика, наполненные динамизмом и экспрессией, передают подлинную картину волевого напряжения.

В своей книге «Летчики и космонавты» наставник советских космонавтов генерал-полковник авиации Николай Петрович Каманин сообщал:

«Военный летчик Андриян Николаев не раз бывал в воздухе в трудных условиях. Однажды на посадке отказал двигатель, создалась аварийная ситуация. Андриян действовал грамотно, кладнокровно. Он посадил самолет на фюзеляж. Был награжден именными часами за мужество, за мастерство».

О мужественном поступке Николаева знал и Валерий Быковский, служивший в авиационной части, дислоцирующейся на соседнем аэродроме. Услышав впервые о его вынужденной посадке, он восторженно воскликнул: «Настоящий летчик!»

А иные хотели читателя не просто удивить, а потрясти, ощеломить.

Газета «Московский комсомолец» опубликовала очерк, в котором говорилось, что за самолетом с бортовым номером 069 укрепилась в истребительном полку недобрая слава. Рассказывали о нем разные истории, всякие были-небыли. В одной из них, например, говорилось, что, укрывшись под самолетом от проливного дождя, молодой авиационный техник, еще плохо знакомый с особенностями аэродромной жизни, жестоко поплатился за эту неосмотрительность. Сильный грозовой удар неожиданно разразившегося урагана пришелся по незаземленной машине, и техника, находившегося под ней, контузило. Его срочно госпитализировали. По гарнизону ползла недобрая молва об этом роковом самолете. Прошло некоторое времяи истребитель с бортовым номером 069 под благовидным предлогом передали в другую часть. Так этот строптивый истребитель оказался в части, где служил лейтенант Николаев. Служи о его «норовистом» характере вскоре получили подтверждение и в этой части.

Как-то в один из летных дней летчик капитан Кулачка совершал упражнение по боевому перехвату в сложных метеорологических условиях на этом пресловутом самолете под номером 069. Полет был рассчитан на самое длительное пребывание истребителя в воздухе. Выполнив боевое задание и получив разрешение руководителя полетами, летчик возвращался на аэродром. Сквозь толигу облаков земля не проглядыориентироваться приходилось только по приборам. И вдруг, по неизвестным для летчика причинам, отказали навигационные приборы. Летчик Кулачка доложил на землю о случившемся. Горючее было на исходе. И ему, учитывая сложившуюся обстановку, разрешили катапультироваться, то есть принудительно покинуть самолет. Офицер незамедлительно выполнил приказоставил истребитель и благополучно приземлился на парашюте. Но каково же было его удивление, когда пришло сообщение от специальной аэролромной службы о том. что самолет под номером 069 каким-то чудом спланировал и упал на грунт без существенных поломок. Пройдя ремонт, истребитель снова был в строю, но летчики предпочитали подниматься в воздух на других машинах, находя благовидный предлог уклониться от него. Командир эскадрильи майор Морозкин, высокий, статный блондин, летчик милости божьей, не отчаивался. Использовав все меры убеждения своих подчиненных, он предложил его, хитровато улыбнувшись, тихому, застенчивому летчику лейтенанту Никола-

— Есть, — ответил молодой летчик, не уловив в тоне своего командира ни подозрительной напряженности, ни скрытой иронии.

С лица комэска сбежала улыбка. он с удивлением посмотрел на Андрияна, будто впервые узнавая его.

Вначале все шло хорошо. Так обычно начинаются сказки со счастливым концом. Но потом...

Полеты в тот незабываемый день проходили во вторую смену. Натруженно гудел аэродром, наполняя весенний воздух турбинным грохотом, озабоченно сновали автомобили, без суетливости перемещались люди. Самолет под номером 069 выруливал первым. Николаев, как того требовало наставление по производству полетов, запросил разрешение на вылет, привычно двинул сектор газа от себя, увеличивая обороты двигателя. Машина, подхваченная гигантской силой, рванулась вперед, побежала по бетонке, а потом, задрав нос, взмыла в небо.

На высоте шесть тысяч метров, как было предусмотрено полетным заданием, Андриян выровнял самолет, разогнал его, сделал горку и стремительно, точно ракета, понесся в лазурную высь. Через несколько секунд всевозрастающего ускорения на приборной доске вспыхнула красная лампочка: «Пожар!» Николаев осмотрелся, пытаясь постичь опасность случившегося. Обшивка сигарообразного фюзеляжа пока нигде не изменила своего цвета. И на переднем стекле кабины не заметил он рубиновых бликов пламени. Но самолет неожиданно тряхнуло. Николаев, как и предусматривалось инструкцией, уменьшил обороты двигателя. Толчки прекратились, а вслед за этим резко и безостановочно стали падать обороты турбины. Все попытки остановить уменьшение оборотов оказались безрезультатными. Двигатель больше не работал. Андриян Григорьевич запросил разрешение на посадку. Самолет тем временем, бесшумно теряя скорость и высоту, шел к аэродрому, находящемуся на небольшом отлалении от зоны пилотирования.

 Прошу посадку на грунт, повторно запросил Николаев.

— Что случилось? Вы слышите меня? — допытывался руководитель полетами, теряя выдержку.

Летчик предпочел не говорить о причине, тем более она не была изве-

стна, -- он молчал.

— Почему вы раньше положенного времени запросили посадку? не унимался руководитель полетами.

Что мог ответить летчик? Конечно, он мог сказать о происшествии, об остановке двигателя. Даже обязан был сказать. Но была бы от этого польза? Николаев представил, как на КП начнется волнение, возможно, даже паника. Но земля знала и переживала: в воздухе молодой летчик, справится ли он с управлением самолета, который не летит, а падает? И действительно, маленький, юркий истребитель без привычного грохота и свиста под довольно отвесным углом планировал на аэродром...

Первым прибежал к самолету командир полка подполковник Глущенко Ефим Ефимович. Он, тяжело дыша, помог Андрияну выбраться из кабины, не веря своим глазам, ощупал его — живого и невредимого, затем обнял, сильно, по-мужски похлопал по плечу и сказал:

- Молодец! Но почему сразу не сообщил о неполадках с двигате-
- Виноват. товарищ командир, не хотел волновать.
- Докладывать нужно обо всем без промедлений. Это закон летной службы, - и Глущенко, как волевой педагог, погрозил пальцем. - Ну, а за мужество и находчивость объявляю благодарность и награждаю часами.

Это был первый в жизни Андрияна Николаева ценный подарок. Воздавая должное бесстрашию летчика, приказ командира части гласил: «За мужество и самообладание, проявленные при создавшейся в полете сложной воздушной обстановке, наградить лейтенанта Николаева Андрияна Григорьевича ценным подарком — наручными часами «Победа».

Да, это была победа молодого летчика.

Самолет с бортовым номером 069 отбуксировали в ангар, а через два дня, заменив двигатель, его снова доставили на аэродром. И лейтенант Николаев попросил разрешения летать отныне только на нем. Однополчане, узнав о таком странном желании товарища, посмеивались:

 Обуздать решил? Ну давай, только смотри в оба. Удача ведь обманчива.

Шли месяцы. Больше не было ЧП, связанного с самолетом 069. Укротил его норов Андриян Николаев, доказав, что техника послушна умелым и волевым людям.

А к занятиям в отряде космонавтов Андриян Николаев приступил весной 1960 года.

Молодые космонавты, объединенные в первый отряд, с неукротимым рвением изучали астрономию, геофизику, механику космического полета, космическую медицину. Своей неудержимой фантазией они были уже в орбитальном полете, на межпланетной трассе, на пути к другим галактикам. Еще не облетев свою планету, мечтали о прилунении, об освоении Марса, о разгадках тайн Юпитера, о заселении соседних галактик.

«Мы не только знакомились с устройством космических кораблей,— писал позже Андриян Николаев,— но и принимали участие в комплексных испытаниях их систем и оборудования, проводили примерки

первых космических скафандров. Летали мы и на истребителях, и на специальных самолетах-лабораториях, прыгали с парашютом».

Подготовка к полету шла стремительно и планомерно. Они знали, что один из слушателей школы подготовки станет первым космонавтом. Кто же им будет? Кому будет доверен первый в мире полет в космическое пространство? Достойных было целый ряд, и все они имели одинаковые шансы — все были хорошо подготовлены. И у руководителей Центра подготовки возникли затруднения: кому же доверить первый полет, как определить лучшего среди равных? И на одном из собраний первого отряда космонавтов Андриян Николаев внес предложение утвердить на первый полет Юрия Гагарина.

— Я убежден, что Гагарин — лучший кандидат среди нас, — с твердостью заявил Николаев на собрании.

Обращаясь к Гагарину, он сказал:
— Убежден, Юра, первым полетишь ты. А потому вот тебе наше напутствие. Самое трудное — быть первым, но мы все крепко в тебя верим и крепко на тебя надеемся. И еще одно: какая бы слава на тебя ни обрушилась, мы надеемся, что ты останешься самим собой, таким же, каким мы знаем тебя сейчас.

Люди давно мечтали о полете. Голубая даль, таинственные небеса, пример птиц, всюду летающих, вечно манили человека подняться в воздух. И еще он напомнил о светлой мечте Константина Эдуардовича Циолковского, который верил в скорый полет человека в космическое пространство.

«Не хочется умирать на пороге проникновения человека в космос,— писал на склоне своих лет Циолковский.— Я свободно представляю первого человека, преодолевшего зем-

ное притяжение и полетевшего в межпланетное пространство. Я мог бы без труда обрисовать его, так он близок и понятен. Он — русский. Я в этом не сомневаюсь. Об этом я много раз говорил. Он — гражданин Советского Союза. По профессии, скорее всего, летчик...»

И в первый космический рейс, как того и хотели космонавты, отправился Юрий Алексеевич Гагарин. «Нам было приятно сознавать, скажет много месяцев спустя Андриян Николаев, - что в это большое лело был вложен и наш моральный

труд».

Минуло несколько лет, летчиккосмонавт СССР Андриян Григорьевич Николаев после своего полета в космос приехал в часть, в которой лейтенантские годы. прошли его И вот он ходит по аэродрому, отыскивая глазами знакомый силуэт серебристой птицы и не видит его очертаний. Раза два он посмотрел на командира, но спросить не решился: где же, дескать, тот самолет? В четком, выровненном строю, немного задрав острые носы, стояли новенькие сверхзвуковые истребители со стреловидными крыльями, с подвешенными ракетами.

- Значит, нет уже стареньких МиГов, нет и моего самолета, — с грустью заметил космонавт, рассмат-

ривая эту чудо-технику.

— Почему же нет? — сказал командир части. — Вот взгляните на этот номер, - и показал на незнакомый самолет.

— Верно, 069! — обрадовался Ан-

дриян Григорьевич.

 Когда поступили к нам новые машины, этого номера не оказалось на самолетах, — рассказал командир. -- Но мы обратились в соответствующую инстанцию, написали письмо и объяснения. И нам, как исключение, разрешили присвоить номер вашего истребителя вот этому самолету. Раньше, вы помните, Андриян Григорьевич, никто не хотел летать на 069-м, а теперь, наоборот, все желают. Просто отбоя нет... Что же, пусть летают, может быть, еще когонибудь он выведет на космическую орбиту...

В своих отчетах о первом космическом полете Андриян Григорьевич часто говорил о Павле Поповиче, а Павел Романович в свою очередь,об Андрияне Николаеве, с которым совершал первый в мире групповой полет.

Говоря о прошлом, Андриян Григорьевич обычно ведет свой рассказ неторопливо, степенно, слова укладывает прочно, фундаментально. А Павел Романович жмет на юмор, пересыпает речь украинскими словами, торопится, энергично машет руками, улыбчиво говорит об опасностях, весело — о курьезах в полете.

Совершая одну из поездок, Павел Романович встретился с жителями какого-то села.

- Скажи, сынок, ты вот побывал на седьмом небе, не видел ли ты там бога? — спросила его пожилая женщина, потряхивая седой головой.
- Видел, мгновенно ответил Павел Романович, приковав внимание всех присутствующих. В зале установилась мертвая тишина.
 - Кто же он, сынок?
- Да Андриян Николаев, ответил космонавт, - я его видел в иллюминаторе.

Бабуся долго думала, подняла руку, чтобы перекреститься, но, задержав ее на весу, начала смеяться, вздрагивая всем телом. Шутка ей пришлась по душе. Боги — это люди.

«Главное — спокойствие!» — говорил Андриян Григорьевич, когда его товарищи по профессии уставали ждать, изматывались от вторых ролей, страдали от неопределенного понятия «дублер». С едким сарказмом ребята говорили: дублирование

есть параллелизм, то есть идти параллельно. Но цели достигает идущий. Дублировать — это значит дуплить, как говорят французы: две вполне равные, одинаковые вещи, из которых одна в излишке. Но не изменил, будучи дублером, своему правилу Андриян Григорьевич: главное — спокойствие! И он, как подобает военному летчику, ждал своего часа. Правда, порой это было очень нелегко.

Все уж в который раз повторялось: занятия в аудиториях, утомительные упражнения на спортивных снарядах, встречи с учеными, поездки на заводы и конструкторские бюро. Юрий Гагарин от всех космонавтов требовал профессионального занятия спортом. Чтобы увлечь их. он организовал соревнования между отделами, подразделениями на звание городка. Но одним чемпиона главных компонентов подготовки к старту оставались полеты на истребителях, учебно-тренировочные полеты на многомоторных самолетах.

Чтобы предусмотреть различные ситуации, избежать непредвиденных осложнений в работе на орбите, сориентироваться в «внештатных» случаях, космонавты летали на вертолетах. Нередко полеты Андрияна Николаева совпадали с полетами Юрия Гагарина. Летали в один день, с одного аэродрома, по одной плановой таблице. Первый космонавт готовился ко второму полету в космос и с большим нетерпением ждал своего часа.

В марте 1968 года во время учебнотренировочного полета погиб Юрий Алексеевич Гагарин. Известие это ошеломило всех. Никому не хотелось верить в то, что нет на свете больше Юрия Гагарина. Нелегка жизнь военного летчика, в ней много романтики, счастья от сознания целесообразности твоего труда, трудностей, закаляющих характер, но в ней случаются и беды. Эта беда была очень тяжелая.

Позже, через недели две или три, когда время чуточку смягчило боль потрясения, сознание неожиданно, почти с кинематографической целостью начинало возвращать прошлое. Простые, незначительные факты и события, затерявшиеся в памяти, неожиданно приобретали фатальную значимость.

Андриян Григорьевич хорошо помнил, как после медицинского осмотра в день полета они с Юрием Алексеевичем перешли в комнату хранения летного обмундирования. Юра, как всегда, много шутил, радовался новому летному дню, предстоящему самостоятельному вылету. «Закончив переодевание. — вспоминал Андриян Григорьевич, — Юрий выташил из военной форменной куртки бумажник с документами и положил в нагрудной карман летной куртки. Тогда я спросил: «Юра, зачем в полет документы берешь?» «Мало ли что бывает, на всякий случай и тебе советую, Андрюха, всегда иметь документы при себе, -- ответил он ...

...Готовился новый старт. По замыслу руководителей он должен был стать самым продолжительным по времени и самым результативным исследовательской деятельности. Утвержден экипаж: командир космического корабля «Союз-9» Андриян Григорьевич Николаев, бортинженер Виталий Иванович Севастьянов, После многодневных утомительных тренировок, зачетов и проверок они получили двухдневный предстартовый отдых. Все уже готово к многодневному полету. Все проверено, все отлажено. Мозг, будто заведенный механизм, работает уже по программе полета. Это неизбежно психологический настрой, запрограммированность организма... И таки хочется рассеяться, отвлечься,

побродить по милой и родной земле. Природа возвращает к реальности, снимает эмоциональную нагрузку. И они, сопровождаемые дублерами, инструкторами, отправились на рыбалку...

На берегу, у самой воды, неотрывно смотря на зеркальную гладь реки, Андриян Григорьевич, надо полагать, думал не о рыбацких трофеях, а о прошлом, о трудных месянах подготовки ко второму полету, об ответственности, важности предстоящего научного эксперимента. Рыбалка — не самоцель, она лишь средство общения с природой, возвращение к истоку, на круги своя.

Сидит себе космонавт с удочкой, шурится на яркое солнце, источающее жару. Вода вдруг заходила, пошли круги вширь. Андриян Григорьевич потянул удочку: на крючке - собственным глазам можно не поверить — щука. Длинная, сантиметров сорок, упитанная. Такой улов никого не оставит равнодушным. Шука трепыхалась, нервно била хвостом, открывала хищный зев. Бережно освободив крючок, космонавт, демонстрируя свой улов, поднял вверх добычу. Бросив свои удочки, к удачливому рыбаку, шумя, восторгаясь, балагуря, устремились товарищи. Андриян Григорьевич с явным удовольствием демонстрировал свой улов. Всем хотелось посмотреть его трофей. И удачливый рыбак, воздев к небу руки, крепко держал скользкую забияку, показывал ее кажлому.

- Завидуете, ясно, констатировал космонавт. Так уж и быть, учиним над ней суд.
 - Какой суд? В котел ее!
 - На сковородку, так быстрее.
- А может быть, в воду ее? то ли спросил Николаев, то ли уже решил так сделать.

Но щука сама тоже не дремала. Она крутанулась, выскользнула из рук космонавта, описала в воздухе дугу и шлепнулась на землю. Указательный палец Николаева кровоточил: укусила, коварная!

— Как же теперь быть? — первым спросил полковник с

шевелюрой. - А ваш полет?

— Полет? — в свою очередь спросил Николаев, подавляя в себе чувство растерянности. А что полет? По полета заживет. Полет — это служебный долг, это приказ. А приказ выполняют безоговорочно. К тому же я дал клятву в кабинете Юрия Алексеевича Гагарина!

В обычные дни, рассказывал позднее Андриян Григорьевич, можно было бы и не беспокоиться о такой пустяковой ранке на пальце, но в данной обстановке совсем дело, ведь через два дня должны были стартовать в космос, а с воспаленным пальцем могли бы и не цустить в полет.

Поэтому он отнесся к «ранению» со всей серьезностью.

— Андриян Григорьевич, — продолжил полковник прерванный на минуту разговор, -- боюсь, что бессердечные эскулапы запретят вам полет. Лучше уж скрыть от них.

— Скрыть? — спросил Николаев. - Ни за что! Я обязательно полечу! Наука должна знать, что произойдет в состоянии невесомости с космонавтом, получившим открытую рану. Врачам надо сообщить непременно. Хотя, -- Андриян Григорьевич умолк и с минуту смотрел в сторону солниа. обдумывая действительно нелегкую ситуацию, в которой он оказался. — Нет, все-таки надо сказать. Правда всегда лучше.

Николаев сел в машину. Возникла ситуация, при которой может помещать огромному коллекзавершившему сложнейшую работу, осуществить запуск. Причин для беспокойства и в самом деле было немало. Предстояли объяснения, оправдания, принятие каких-то новых решений. Экипаж дублеров, наверное, приведут в немедленную готовность...

Врач, высокий, худой, сквозь толстые очки долго рассматривал рану, выворачивал палец, нажимал на среднюю фалангу, словно хотел убедиться в том, что рана действительно существует да еще и кровоточит.

- Доктор, попросил космонавт,— нельзя ускорить лечение? Ведь надо доложить руководству.
- Ускорить нельзя, ответил доктор,— а вот отрезать палец придется...
- Отрезать? Тогда можно быстрее? Через два дня старт.
- Можно, понимающе сказал тот. Можно, но не нужно.
 - Отрезать?
 - Докладывать начальству.
 - А что же надо?
 - Очень хочется выздороветь?
 - Еще как!
 - Тогда я мазью помажу.
- Спасибо. A можно волшебной?..
- Юрий Алексеевич Гагарин, начал рассказывать доктор, обрабатывая рану, -- как-то поведал мне одну историю, услышанную им в Крыму. Послушайте. Было это давным-давно. Напали турки-басурманы на землю российскую, захватили Алуштинскую крепость и собирались дальше двигаться. Но тут им путь на Симферополь преградили русские гренадеры. Разгорелся жаркий бой... Так — не больно? Ну-ну!.. Горы вздрагивали от беспрерывной пальбы, солнца не стало видно из-за порохового дыма. А русские все шли и шли вперед, тесня недругов. И впереди всех Михаил Кутузов — ру-

бит врагов своей отважной шашкой. Увидел это серакир Гаджи Алибей, испугался, что Кутузов все войско турецкое порубит, взял в руки мушкет и выстрелил. Так вот попала турецкая пуля в голову Кутузову. Упал он, обливаясь кровью. Оттеснив врагов, гренадеры вынесли своего командира к ручью и промыли рану водой. Подивились воины чуду: рана зажила быстро, встал Кутузов-богатырь и пошел на турок... Юрий Алексеевич Гагарин, помнится, говорил, что надо сильно захотеть, как Кутузов, тогда все сбудется.

Через два дня полковник Николаев вышел на космическую орбиту. После восемнадцати дней полета спускаемый аппарат совершил посадку в заданном районе.

- Скажите, доктор,— спросил космонавт,— каким целебным лекарством вы меня оздоровили?
- О, это особое лекарство, Андриян Григорьевич, заморское.
 - Но какое же?
 - Вазелин!
- Вазелин!.. А что же меня исцелило?
 - Совет Юрия Алексеевича.
 - Спасибо.

Полет состоялся в июне 1970 года. Он имел большое научно-практическое значение и являлся высшим достижением для того времени по продолжительности.

Когда вы услышите сообщение ТАСС о запуске в космическое пространство нового пилотируемого корабля, знайте: экипаж его учил замечательный сын нашей Родины, прославленный авиатор, летчик-космонавт СССР Андриян Григорьевич Николаев, человек, который путь в космос начинал вместе с Юрием Алексеевичем Гагариным.

ОТЧЕТ О ПЕРВОМ ГРУППОВОМ ПОЛЕТЕ

Из речи Андрияна Николаева на митинге на Красной площади

...Космический корабль «Восток-3» находился в полете почти четверо суток и совершил более 64 оборотов вокруг земного шара. Корабль прошел путь свыше 2 миллионов 600 тысяч километров,

превысив почти в 7 раз расстояние от Земли до Луны.

...Трудно передать, товарищи, как хорошо вдвоем было в космосе, какое это радостное чувство, которое я испытал, когда вышел на орбиту и оказался рядом со мной корабль «Восток-4», управляемый моим космическим братом Павлом Поповичем. Встреча с другом всегда радует, а встреча в космосе особенно сильно радует. Как хорошо летать вдвоем в космических просторах! Когда чувствуешь локоть друга, и на душе становится веселее, и дело спорится.

Корабль «Восток-3» четверо суток был для меня родным домом, частицей нашей любимой Родины. Вместе с Павлом Поповичем мы радуемся тому, что в космосе был создан первый

советский коллектив, первое советское землячество.

Из выступления Андрияна Николаева на пресс-конференции

...Наши полеты проходили точно по плану, который был разработан на Земле, как говорят, минута в минуту.

Каждый элемент полетного задания был нами проработан и хорошо подготовлен на Земле. Мы работали по принципу: «Тя-

жело в иченье — легко в полете».

Готовясь к многосуточному полету в космосе, я хорошо понимал, что мне и стартовавшему на следующий день Павлу Поповичу предстоит ответить ученым на многие неясные вопросы, связанные с влиянием космического полета на организм человека. Я полагал, что мне придется испытать неудобства, или, как выражаются наши медики, дискомфорт, обусловленный реакцией вестибулярного аппарата на состояние невесомости. Однако ни на первом витке, ни до конца четырехсуточного полета никаких неприятностей со стороны вестибулярного аппарата ни я, ни Попович не испытали... Не страдали мы также отсутствием аппетита. Пища была разнообразная, ее подбирали по вкусу Павла Романовича и по моему. Вода в космическом корабле была вкусной — свежая, прохладная, московская вода, и я с большим удовольствием пил воду, чем разные соки.

Сон был всегда отличный. За шесть часов я успевал выспаться полностью. А мне надо было добирать до восьми, так как был

11 и 12 августа 1962 года этот снимок обощел первые страницы многих газет мира.

Москва. 11 августа 1962 года. Ликующая Красная площадь.

Фотокамера, установленная в кабине корабля «Восток-3», запечатлела Андрияна Николаева во время космического полета.

А. Г. Николаев в первые минуты после успешного завершения космического полета.

А. Г. Николаев и П. Р. Попович рассказывают о совместном полете жителям Караганды.

Майор А. Г. Николаев и подполковник П. Р. Попович. Короткий отдых на берегах Волги.

Первое интервью журналистам центральных газет.

Торжественная встреча в Москве. По ковровой дорожке к правительственной трибуне.

Москва вышла встречать героев-космонавтов.

Встречать Андрияна из космоса в Москву приехала мать.

Москва. Пресс-конференция в Актовом зале Московского государственного университета.

Непривычное занятие — автографы на память. В первые месяцы и годы после космического полета все встречи летчиков-космонавтов с людьми не обходились без этого.

Братья Николаевы: Андриян, Иван и Петр.

Новенькие звездочки, новенькие ордена, новенькие погоны...

Телезрители ждали этих встреч с большим интересом.

Улыбка первопроходцев.

запланирован восьмичасовой ночной сон. Интересно, что первые сутки я ночью раза три просыпался без будильника в два часа ночи, а подъем по распорядку в четыре часа. Посмотрю на время—и снова спать. Очень хорошо спится...

Интересно и то, что поднимался регулярно в четыре часа. Вторые сутки — без двух минут в четыре, в третьи — ровно в четыре часа. Я сам удивлялся, что вставал без будильника, поднимался в заданное время. А в последние — четвертые сутки проснулся на десять минут позже: вместо того, чтобы быть над нашей территорией, я оказался над Северной Америкой.

Вел очень интересные наблюдения. С моей космической ракеты очень хорошо видны побережья, очертания городов, особенно ночью видны очертания городов по освещенности. Можно определить границу городов, улицы, видны главные улицы. В ночное время хорошо наблюдались грозы на Земле.

Когда мы летали, было полнолуние. Луна очень красивая, так же, как с Земли наблюдаешь, но тут заметен объем Луны — шар. И когда в первый раз я увидел Луну, так обрадовался, думаю, надо заснять (у меня был аппарат). Луну я снимал. Первый раз торопился, а в последние дни фотографировал по несколько раз. Когда входили в тень Земли, Луна всегда нам светила. Даже в ночных условиях при выключенном свете она освещала кабину, можно было различить даже приборы.

Видел созвездие Орион. Вы все, наверное, знаете это созвездие. Для него характерен пояс из трех звезд. Говорю Павлу Романовичу, что в правом иллюминаторе вижу созвездие Орион. И

точно! В это же время и он видел созвездие Орион.

Очень интересным был последний виток. Когда включились все системы корабля, все приборы спуска, на душе стало веселее. После того, как включилась и начала работать тормозная двигательная установка, стало еще веселее. После ее отработки произошло отделение корабля, и дальше пошел сам процесс спуска.

Хочу подробно рассказать об этом спуске. Когда корабль начал снижаться, перегрузки были малые. А дальше они нарастали более энергично.

Самый интересный момент, когда начинает гореть обмазка. Сперва дымок (в иллюминаторе все видно), потом пламя разного цвета: красное, оранжевое, зеленое — разные цвета пламени. Когда начинает гореть, слышится сильный треск. Невольно думаешь, не отлетит ли кусочек обмазки корабля. Но я знаю конструкцию корабля, что таких сомнений у меня не должно быть. Говорю себе: «Спокойно, пускай горит, идет нормальный спуск».

Во время максимальной перегрузки сильно жмет. Я ожидал эти большие перегрузки, знал, что они будут, мы на Земле тренировались на центрифуге. Мне кажется, если бы мы не тренировались на Земле, мне было бы трудно. Благодаря этим тренировкам я успешно перенес перегрузки. Когда начинают спадать перегрузки, появляется такое ощущение, как будто едешь на

телеге по плохой дороге: сильно-сильно трясет. Потом постепенно, со спадом скорости и тряска уменьшается. Дальше я спускался на парашюте, приземлился недалеко от Караганды.

Первое впечатление такое, что хотелось поцеловать матушку-землю нашей Родины...

Ответы на вопросы журналистов на пресс-конференции

Андриян Николаев:

Вопрос корреспондента «Дейли Уоркер»: Ваш полет сделал чувашский народ известным всему миру. Посылали ли вы приветствия во время полета на чувашском языке?

Ответ: Мой народ и раньше был известен как равноправный народ СССР. Я, пролетая над нашей территорией, передавал всему советскому народу горячие поздравления и приветы из космоса. Я считаю, что мои приветственные слова относились ко всему советскому народу.

Вопрос корреспондента болгарской газеты: Вы знаете, что чувашский и болгарский народы одного происхождения. Есть ли надежда, что скоро болгарские девушки увидят своего брата? (Смех. Аплодисменты.)

Ответ: У меня не меньшее желание познакомиться со своими болгарскими сестрами... (Аплодисменты.)

Вопрос корреспондента венгерской газеты «Непсабадшаг»: Фотографировали ли вы или снимали киноаппаратом с борта корабля? Знаете ли вы, в какие минуты Вас с Земли видят телезрители?

Ответ: Я фотографировал Луну, восход. Это очень красивое зрелище. Снимал побережье. Не знаю, что получится. После того, как проявят, посмотрим.

Я всегда был в курсе дела, когда передавали бортовые телепередатчики и когда включались лампы освещения кабины. Я старался показывать именно невесомость, специально пускал бортовой журнал, карандаш, бинокль. Не знаю, увидели ли вы это. Показывал свое самочувствие, поднимал палец — отличное! (Смех.)

Вопрос корреспондента Агентства Юнайтед Пресс Интернейшнл: Может ли в кабине поместиться еще один космонавт? В течение какого времени вы могли бы продолжать полет?

Ответ: «Восток-3» рассчитан на одного человека. Я мог бы еще больше летать, но было запланировано четверо суток. Я задание выполнил, полагаю, успешно. (Аплодисменты.)

Вопрос того же корреспондента: Преследовали ли ваши полеты какие-либо военные цели? Могли бы ваши космические корабли быть использованы для выполнения военных задач, например, для ведения фоторазведки? Могут ли ваши корабли нести на борту ядерное оружие?

Ответ: Наши корабли «Восток-3» и «Восток-4» использовались и в будущем будут использоваться только в мирных целях.

Никаких бомб мы не берем. Если уж об этом речь, то кроме кораблей есть же у нас ракеты, которые могут доставить что нужно и куда нужно. (Аплодисменты.)

Вопрос корреспондента американского Агентства Юнайтед Пресс Интернейшил: Гражданин Николаев! Вы — холостяк. Строите ли вы в настоящее время какиелибо планы в отношении женитьбы? (Смех.) Если да, то кто ваша избранница? Предлагала ли вам какая-нибудь девушка или женщина жениться на ней после вашего возвращения из космоса? (Смех.) Поступали ли такие предложения из-за границы или только от советских девушек? Заинтересовало ли вас какое-либо из этих предложений?

Ответ: Я не очень много видел иностранных девушек. Мне кажется, что наши русские девушки — самые лучшие девушки в мире! (Аплодисменты.)

Павел Попович:

Вопрос: Находите ли вы жизнь в космосе более приятной и интересной, чем жизнь на Земле? (Смех в зале.)

Ответ: Говорят: «Везде хорошо, а дома — лучше». (Аплодисменты.)

Вопрос: Каково сейчас состояние космических кораблей? Пригодны ли они для дальнейшего использования?

Ответ: Если бы мне разрешили, я с удовольствием бы еще слетал не один раз на своем «Востоке-4». (Аплодисменты.)

Вопрос: Чем вы питались во время полета, какие напитки употребляли?

Ответ: Я должен сказать: кушали мы самую настоящую земную пищу, употребляли только безалкогольные напитки. (Смех.)

Вопрос: Знают ли космонавты азбуку морзе и могли бы они в случае необжодимости ею воспользоваться?

Ответ: Знаем вполне достаточно для того, чтобы сообщить в любую точку земного шара о своем состоянии и о своем самочувствии.

Вопрос: В западной буржуазной печати распространяется версия о том, что будто бы ваш космический полет создает «угрозу» Западу. Что вы можете сказать по этому поводу?

Ответ: Как вы сами убедились, мы с Андрияном Григорьевичем очень мирные люди. Летая вокруг нашей планеты, мы передавали всем народам земного шара и всем людям доброй воли самые лучшие пожелания в укреплении мира и дружбы между народами. (Бурные аплодисменты.)

Нопович Павел Романович Род. в 1930 Летчик-космонавт СССР, дважды Герой Советского Союза (1962, 1974), генерал-майор авиации (1976), кандидат технических наук. Член КПСС с 1957. Полеты на «Востоке-4» (август 1962), на «Союзе-14» и орбитальной станции «Салют-3» (июль 1974). Почетный гражданин городов Калуга, Полтава, Магнитогорск, Гурьев, Запорожье, Южно-Сахалинск, Ковров.

Павел Попович

УТРО ЗВЕЗДНОГО ГОРОДКА

Мы познакомились с ним в день его приезда.

Вначале мы все как бы шли скопом. Все жили по одному распорядку. По мере исследования менялся режим, менялись направления, итоги.

Андриян Николаев спокойно и сдержанно переходил от врача к врачу, из кабинета в кабинет, не теряя уверенности,

Каждому хотелось что-то рассказать, поделиться воспоминаниями, кого-то спросить, поведать о наболевшем. Всем — кроме Андрияна. Через два дня госпитального заточения мы все знали друг о друге: откуда родом, какой налет, на каких самолетах летал, с кем дружил. Но мы ничего не знали об Андрияне. Молчаливость предохраняла его от излишеств.

Он был полон загадок... Просьбу он выполнял с той же поспешностью, как и приказ. Он всегда помогал и никогда не обращался за помощью. Он считал себя третьим, но по сумме качеств выходил на первое место. Он мало говорил о литературе, а знал ее лучше нас.

Я был старшим, в некоем роде начальником над первым отрядом, через меня передавались всевозможные приказы, распоряжения, указания. Предполагал, кому и какое поручение можно было доверить. Знал, что самое трудное — Николаеву, и он выполнит. Обязательность—основная черта моего друга.

Не сразу я узнал о нем.

Родился Андрей в Чувашии, в деревне Шоршелы, что по-русски означает Чистые ключи. Хорошее название. Конечно, это старое название, деревня существует давно, имя свое носит задолго до рождения Космонавта-3, но есть в этом что-то

символическое, объективно-справедливое, перспективное, разумное: чистый ключ. Перенеся это название на Андрияна Николаева, хочу подчеркнуть чистоту его личностную, духовную, человеческую. Эти аналоги пришли ко мне на память после посещения Шоршел, ознакомления с жизнью и бытом этой деревни.

В общем-то деревня как деревня. каких много в Чувашии, в России, на Украине. Деревянные и кирпичдома, служебные постройки, крутые овраги, зарастающее русло реки, пологие берега с ивняком. вольные стаи птиц. Тихо и дремотно вокруг. Днем все на работе, в поле, на скотном дворе. Вечерами толпятся у околицы, ватажничают у палисадников, теснятся в работе на новом дворе сельчанина. Нет споров, ругани. Первейший закон коммуны — все для людей, силы и разум — для общего дела. Помогают друг другу в поле, на ремонте хлева, на заготовке сена.

В этой среде формировался будущий Космонавт-3.

Трудиться начал как помнит себя: дома, в поле, в школе, на скотном дворе. В 1944 году помер отец — Григорий Николаевич. Прибавилось забот, беда цепким обручем охватила семью, да немалую: четверо детей.

После окончания лесотехнического техникума в родном районном центре — небольшом городке Мариинский Посад — Андриян Николаев уехал по распределению в Карелию, в Деревянский леспромхоз мастером по лесозаготовкам. Это противоречило его жизненным правилам, высокому смыслу профессии лесника. Об этом он сказал своему начальству: он хочет и будет сажать деревья, а не вырубать. Лесник — хранитель леса, а не корчеватель.

— Согласны,— сказал от имени многочисленного начальства Прохоров, принимавший Николаева.— Даем

тебе полную свободу, но помни: стране очень нужен лес. Разруха кругом, нет жилья, топлива, скот мерзнет...

Андрияну дали самый отстающий лесоучасток: план не выполняет, людьми не укомплектован, трелевочная техника разбита.

Новому мастеру было восемнадцать лет. Умен, начитан, ловок, не робкого десятка, с открытой крестьянской смекалкой.

Но внешность обманчива, хотя и приятна, скромная улыбка, застенчивые жесты, вежливые «вы», рассудителен, справедлив. Но главное, что сразу приметили, — спокоен, тверд, знает дело.

Не хватался сразу за все, не сыпал угрозы и обещания, не искал точку опоры, чтобы перевернуть все вверх дном. Он хотел понять людей, познать их образ мыслей, жизненные принципы, системы ценностей, ориентирующих их деятельность. Ему предстояло с ними жить, с ними работать, коротать досуг. Это очень нелегко — изменить взгляды взрослых людей, повернуть принципы, торпедировать фундамент их эстетических идеалов.

— Завтра все на ремонт техники, — объявил Николаев один из первых пунктов своей программы. — Пока начнем с этого...

Он вышел на ремонт техники один, не понятый и не поддержанный никем. Один делал то, что должны делать сто человек его лесоучастка. Делал все на совесть, как будто для себя, хотя ему никогда не придется работать на трелевочных тракторах, форсировать лебедки, делал все основательно и со вкусом, получая радость от обновленного.

Андриян не обиделся на своих подчиненных, не накричал в сердцах, что в этих местах нередко практиковалось, не доложил по инстанции о конфликте в коллективе.

Что было там, в домах, общежитии — Андриян не знал. Наверное, шумели, спорили в поисках истины, возможно, кого-то проучили по-северному, по-лесозаготовительски, кто-то осознал все сам. На четвертый день вышли все на восстановительские работы. Тихо, виновато брали инструмент, кисть, канистру, ломик. Через десять дней участок начал работу. Пошел лес обильно, с наращиванием темпа заработали лесорубы.

В апреле наверстали планы, создали задел, вышли в передовики. Приободрились ребята, окрепли духом. На майские торжества сказали Андрияну слова, полные признательности, доверия, товарищества. Авторитет мастера поднялся, линия его на дисциплину и организованность утверждалась.

Весной 1950 года Андрияна Николаева призвали в армию. Настало время прощаться с лесорубами, которых он полюбил и к которым привязался, с Карелией, которая стала ему родным домом и близким краем.

Грустно уезжать от того, что создано тобой, что дорого твоему сердцу, что можно было бы расширить, продолжить.

Провожали Андрияна всем лесоучастком, надарили подарков, наговорили напутствий, обещали ждать после службы.

Он ничего не обещал: служба есть служба. Кто мог сказать, как сложится его жизнь? Скорее всего, она изменится, но и он тогда не знал, что приедет в эти края спустя много лет в том положении, о котором в те годы просто не слышали.

После медицинской комиссии Андрияну предложили пойти в авиацию. Даже не предложили, а определили, снабдив скороговоркой:

— Полетаешь, может быть, останешься, летчиком станешь...

И стал Андриян Николаев кур-

сантом военной авиационной школы воздушных стрелков-радистов. Учился исправно.

Первые полеты ошеломили Андрияна. Они буквально перевернули его сознание, представление о новой профессии. И хотя он тоже относился к летно-подъемному составу, настоящих летчиков — пилотов — сильно зауважал.

Летал Андриян на Tv-2. Сколько раз, выполнив полетные задания, устраивался он поудобнее в своей задней кабине, любовался убегающим небом, преследующим самолет горизонтом и думал о том, что расставаться с небом ему будет очень тяжело. Не ради удовлетворения, личного тщеславия шел он в авиацию и уж, конечно, не думал, что ему будет уготована космическая судьба. Конечно, примешивалось тут и другое: вера в себя (другие ведь летают), желание попробовать силы в реактивной авиации (всякая новизна казалась грозной и неукротимой силой), открыть дверь ногой в салон элиты (кто-то это делает).

Не все одобряли решения Андрияна стать летчиком-истребителем, их мнением он мог пренебречь, но маминым... О своем решении написал матери. Ее мнение главенствующее, быть тому, как она скажет. Дома нужен работник, труженик. Сейчас он в рядах Советской Армии, и это его долг, но дальше... Конечно, он знал, что мама одобрит его решение и предоставит ему полное право свободы, но он обязан был знать ее мнение и потому с нетерпением ждал ответа. Радость родителей — в счастье детей. Анна Алексеевна, мать Андрияна, одобрила выбор благословила его на этом пути.

После сдачи экзаменов Андриян был зачислен в военное авиационное училище летчиков.

Путь в небо оказался не таким быстрым и не таким уж и легким.

Тысячи часов налета, посадок и взлетов, стрельб и бомбометаний были забыты. Путь в небо начинался с первого шага.

Снова строевые уставы, караулы, теория полетов, конструкция самолета. Хотел сразу на реактивную, а попал на поршневую — Як-11. Но сначала подметал аэродром, как говорят, «заносил хвосты», мыл шасси, тер до блеска двигатель, назначался дежурным стартером, помощником финишера... Много было обязанностей у молодого курсанта.

Первый полет на Як-11 совершил с командиром звена капитаном Тихоновым. Волновался курсант, что-то перепутал в рапорте, не так подошел к самолету. Тихонов насторожен, наблюдает, присматривается.

Взлетели. Красотища кругом такая, но тут уж не до романтики. Первый полет. Он прошел так стремительно, что показался мигом. Потом на земле Тихонов спросил:

- Кто вам сказал, что вы имеете право брать ручку управления на себя?
- Никто. Я подумал, что вы мне разрешаете.
- Торопитесь, Николаев. Хотя не скрою, навыки у вас хорошие. Идите.

Куда? Что это — порицание или похвала?

В первом же курсантском полете он управлял самолетом. Но пожвастаться никому нельзя. Это наказуемо. А радость от этого не меньше: он будет летчиком! И он им стал осенью 1954 года.

После окончания училища получил назначение в истребительноавиационный полк Московского округа ПВО. Приехал в полк не один, с товарищами по училищу, вместе представились командиру, вместе прошли оформление, вместе поселились в общежитии.

Лейтенантская пора. Сколько о

ней написано, рассказано, сколько офицеров прошло через это чистилище, утвердившись, выбрав окончательный путь в жизни. Много времени уходило на изучение новой техники. На смену МиГ-15 пришел МиГ-17, поговаривали о новом сверхзвуковом истребителе с мощным радиолокационным прицелом...

В процессе напряженной учебы случается всякое: поспешность всегла чревата последствиями. Но Андриян избегал торопливости, необдуманных действий. Летал он грамотно, уверенно, участвовал в учениях, которых в те дни проводили много. На своем аэродроме он видел выдающихся асов, трижды Героев Советского Союза Ивана Никитича Кожелуба, Александра Ивановича крышкина, дважды Героев Советского Союза Николая Лмитриевича Гулаева, Евгения Яковлевича Савинкого, Андрея Егоровича Боровых и Александра Ивановича Колдунова. Он хорошо знал их воздушный почерк, манеру пилотирования, ювелирную работу на перехвате. Ему приходилось летать с ними в групповом строю.

Московский округ ПВО был богат боевыми традициями, славен яркими и самобытными летчиками. В годы войны на страже Москвы стояли Герои Советского Союза Виктор Талалихин, Алексей Катрич, Петр Стефановский, Анатолий Кожевников. Иван Холодов и многие другие. Войска округа в 1941 году приняли мощный удар гитлеровских войск, пытавшихся прорваться к столице, измотали их, создали условия для накопления сил и нанесения главного удара. В декабре советские войска перешли в наступление и разгромили немецко-фашистские войска под Москвой. Об этом хорошо знал Андриян Николаев и гордился своим округом.

Наверное, о моем друге Андрияне

следовало бы написать больше, и я имею на это право, но вышла его замечательная книга «Космос — дорога без конца». В 1979 году книга была переиздана. Первое издание книги удостоено премии Н. Островского.

С февраля 1960 года, когда наши пути сошлись в Центре подготовки космонавтов, я видел Андрияна почти каждый день, знал, чем он занимается, вместе с ним проходил тренировку, вместе переживал за ребят, у которых случались неудачи, знал, куда он летит в командировку.

Так случилось, что мы вместе были на запуске Юрия Гагарина, он дублировал Германа Титова, твердо и непоколебимо шел к своему третьему по счету запуску на околоземную орбиту. В июне 1962 года мы полностью завершили подготовку к полету и выехали в Сочи на отдых. Юрий Алексеевич Гагарин отдыхал в Гурзуфе, Герман Степанович Титов и Николай Петрович Каманин совершали поездку по США. Уезжая отдыхать, мы знали, что окончательного решения по нашему полету еще не принято. Сергей Павлович Королев настаивал на трехсуточном полете, Николай Петрович стоял за суточный полет. Доводы каждой стороны были достаточно сильны, убедительны. Королев видел в трехсуточном полете прямую закономерность развития пилотируемой космонавтики, Каманин выступал против форсирования, насилия над программой.

Дискуссия по продолжительности полета приняла затяжной характер.

17 июля состоялось заседание Государственной комиссии по запуску. Все были единодушны: к полету готовы. Надежно работает техника, хорошо подготовлены космонавты.

С основным докладом выступил

Сергей Павлович Королев. Он доложил о готовности двух кораблей «Восток», предложил осуществить запуск 5—8 августа 1962 года. Продолжительность полета каждого корабля— трое суток, интервал между стартами— сутки.

Все предложения, сообщения С. П. Королева поддержали главные

конструкторы.

Каманин и Яздовский не противопоставили свою позицию предыдущим ораторам, но о сроках полета высказались уклончиво, требуя дополнительных исследований и отдельного решения. Колебания членов комиссии вызвало ознакомление с протоколом совещания медиков и биологов, которое состоялось в сентябре 1961 года по итогам полета Германа Титова. В нем по докладу Яздовского было записано: «В настоящее время нет никаких оснований планировать космический полет больше, чем на сутки».

Приняли компромиссное решение: поручить Королеву и Каманину подготовить мнение к очередному заседанию.

Через день заседала биологическая секция, которая рассматривала вопрос о возможности трехсуточного полета. Дебаты, видимо, были жаркими. Генин, Газенко поддержали позицию С. П. Королева и сумели убедить других ученых в целесообразности этой программы. Но колебался президент Академии наук СССР Мстислав Всеволодович Келдыш.

— Мне нужна научно обоснованная программа полета. Трое суток — чистой воды авантюризм, — заявил он.

Маршал авиации Руденко приехал в Центр подготовки космонавтов и обратился к нам с вопросом: вы за какой полет?

И Андриян, и я были за трехсуточный, Юрий Гагарин предложил

ЩЫ КОСМОСА

деликатную форму: за суточный, но если все будет отлично, продлить его на вторые, а затем и третьи сутки. Такая формулировка, кажется, устраивала всех.

26 июля Сергей Павлович пригласил Андрияна, меня и дублеров-Волынова, Быковского и Комарова к себе на фирму. Обсуждали программу полета, очередность экспериментов, способы ведения рабочих дневников. Были высказаны пожелания о наблюдении за третьей ступенью ракеты, за стартом второго корабля, за объектами на земле. Длительность полета почтительно умалчивалась. 30 июля Государственная комиссия по пуску рассмотрела все вопросы очередных стартов. Определены даты, состав оперативных групп, порядок выхода из кресла и «плавания» в кабине. Утверждена инструкция космонавту о его поведении после приземления, были рассмотрены и другие вопросы подготовки к старту и действий по поиску и средств доставки космонавтов.

Мы с Андрияном практически не принимали участия в обсуждении этих вопросов. Без обсуждения прошел вопрос и о сроках полета. Решено: до трех суток.

В дни, оставшиеся до вылета, прошло партийное собрание по задачам полета. Потом, через несколько лет, такое собрание станет традиционным и обязательным.

Всегда нелегко в такие дни с женами. Я Марине сказал в самый последний момент, не хотел расстраивать. Слава — это хорошо, но вначале надо вернуться на землю.

Андрияну было легче, он был холост и проблемы объяснения с женой, заверения ее в полной безопасности полета у него не было.

Второго августа рано утром мы вылетели на космодром. Николай Петрович Каманин заказал три самолета Ил-14, распределил нас по

самолетам. Я летел в первом, мой дублер во втором, Андриян летел в третьем, его дублер в первом. Эти шарады составлял и решал Николай Петрович. На него ложились и огромная ответственность, и непомерно большой труд организации, согласования, увязки и прочее, прочее, прочее.

Нам с Андрияном надлежало быть тихими, паиньками, бессловесными. Но почему-то хотелось шутить, разыгрывать.

Когда я увидел на аэродроме много людей, невинно спросил:

— Почему так много собралось народу?

Кто-то ответил:

— Летим в Байконур, на очередной старт.

— Вы что же не знаете,— удивился я неподдельно,— полет Николаева и Поповича отставили, вылет в Байконур перенесли.

Что тут началось! Бросились к генералу Каманину за разъяснением, потребовали ответа от Карпова, попросили Гагарина непременно наказать Поповича.

Нас провожали девушки-космонавтки, Гагарин и впервые — журналисты. Они очень хотели поговорить с нами, задать несколько вопросов, а мы очень хотели хранить молчание. До разговоров ли было?

На космодроме стояли жаркие дни, было свыше тридцати градусов. Мне приходилось уже бывать на Байконуре, и теперь я с радостью отметил, что жилой городок похорошел, оброс зеленью, благоустроился.

Итак, под ногами космодром. Как все сложится? Предстояли напряженные предстартовые дни.

Первую ночь ни Андриян, ни я не спали. Было душно, жарко, терзали думы, сомнения. Размышления не всегда были радостными. Справимся ли? Оправдаем ли доверие?

Мы знали, что эти предстартовые

дни будут самыми трудными не только по изматывающей физической подготовке, но и моральными натрузками. Мы были в центре всеобшего внимания.

Программа пребывания на космодроме была составлена с учетом 14 рабочих часов в сутки, непрерывной смены занятий, разумного

их чередования.

На следующий день мы провели занятия на носителе и корабле, которыми руководили Раушенбах и Феоктистов. Потом с нами занимался Николай Петрович Каманин, Он требовал знаний инструкций, соблюдения орбитального распорядка дня, последовательности научных экспериментов. Особому допросу он подверг нас с Андрияном. Андриян отвечал спокойно, уверенно, твердо. Каманин был доволен его ответами, похвалил, сказал, что он сохранил свой стиль, свою уверенность, спокойствие. Вечером Николай Петрович пригласил меня играть в настольный теннис и вновь заговорил об Андрияне, ставя его в пример.

Четвертого августа погода неожиданно ухудшилась, небо затянулось облаками, пошел дождь. Нас это не огорчало, жара нам вредна значительно больше, путала распорядок, замедляя темпы работ. С утра мы примеряли скафандры, подгоняли парашютную систему, отрабатывали

посадку в корабле.

В 14 часов с нами начал беседу Сергей Павлович Королев. Он ни о чем не спрашивал, ответил на наши вопросы, дал несколько сове-

— Я уверен в вас, — сказал он, завершая беседу, - знаю, что вы успешно выполните программу, прошу, берегите себя, никакого риска, никаких нам рекордов не надо. Вернитесь на землю живыми и невредимыми.

В воскресенье, пятого августа, был

необычный рабочий день. Проводили тренировки по парашютной системе, по личным радиосредствам космонавта. Во второй половине дня генерал Каманин разрешил всем космонавтам поехать на рыбалку. Николаева и меня он распорядился к воде не подпускать. Нам он объяснил:

 Во избежание неприятностей. Может быть порез ноги или другая какая-либо неприятность, и тогда придется распрощаться с полетом. Глупо рыбалку уравновешивать с космическим полетом...

Мы очень уставали за день, приходили в гостиницу, падали на кровать и засыпали крепким сном.

Время летело стремительно, каждый круг часовых стрелок приближал нас к старту.

Неимоверные нагрузки сил в эти дни Сергей Павлович Королев. Он не имел времени для утренней зарядки, дневного плавания, интересного фильма. Он рано приезжал в МИК, поздно возвращался в гостиницу.

Мы все жалели Сергея Павловича, мы все любили его. Шестого августа мы решили сделать для него сюрприз, преподнести подарок. День был исторический, годовщина полета Германа Титова. Андриян все церемониалы процедур взял на себя. Он поздравил Сергея Павловича. преподнес ему цветы, пожелал новых успехов в работе и счастья в жизни. Сергей Павлович, видимо, не ожидал этого, был очень взволнован, произнес ответную речь, обнял Андрияна и долго с трепетной нежностью смотрел на него.

После чествования Сергей Павлович спросил у нас о настроении. Настроение, разумеется, было рабо-

Андриян спросил Главного - мог бы он внести предложение по методике подготовки командиров экипа-

жей? — на что Королев ответил согласием. Андриян подумал, сделал обычную своей манере затянувшуюся паузу и мягко, не вызывая мгновенной отдачи, сказал, что в методике подготовки есть просчеты. Услышав такое, Королев вскинул голову, насторожился. Ведь заявление было достаточно серьезным.

— Программой мало отводится времени для ознакомления с кабиной корабля, — медленно говорил Андриян. — Мы не привыкли к скафандру, не работаем в нем на корабле... — Сергей Павлович резко повернул голову в сторону: он кого-то искал. Человек мгновенных решений, он искал ответственного. — Мы хотели бы «обсидеть» кабину, привыкнуть работать и жить в корабле, жить, так сказать, по-летному.

Нет, не хотел, а может быть, не мог Королев сломить установленную традицию — беречь кабину в неприкосновенности, но хорошо понимал, как серьезно мы, космонавты, озабочены программой полета.

Было это новым и неожиданным взаимоотношениях Главного BO космонавта, точнее, кандидата очередной полет. Ведь пока Госуларственная комиссия не утвердила экипажа, не придала всему этому силу закона, необратимость действий, Николаев, как и я, мог быть в любую заменен. Наши запасные. минуту или, как стали позднее называть, дублеры — Валерий Быковский и Владимир Комаров были отлично подготовлены по всей программе полета и могли занять пилотское кресло в корабле.

Заседание Государственной комиссии состоялось лишь восьмого августа в девятнадцать часов. Председательствовал Леонид Васильевич Смирнов. Комиссия заслушала доклад Королева о готовности кораблей и сообщение Каманина о готовности космонавтов.

Сергей Павлович говорил с воодушевлением, с большой уверенностью в положительных результатах предшествовавших стартов. Он лестно отозвался об экипажах, высказал предположение о том, что наши товарищи уже в будущем году полетят на новом корабле «Союз».

Николай Петрович Каманин представил Николаева и его заместителя Быковского, дал положительную характеристику их личностным, деловым качествам, сказал, что по всем показателям они имеют отличные оценки. Без обсуждения наших кандидатур генерал Каманин представил меня и моего заместителя.

Председатель Госкомиссии Л. В. Смирнов попросил Николаева и меня встать, обратился к присутствующим с просьбой задавать нам вопросы. Вопросов было немного и сводились они в основном к настроению, отношению к программе, перспективе роста.

Предоставили слово нам. Андриян выступил первым, сказал о готовности к полету, желании успешно выполнить программу. Твердость и уверенность, звучавшие в его словах, видимо, возымели свое действие, члены комиссии одобрительно закивали.

Мне, в общем-то, пришлось повторить Андрияна, я сказал те же слова и, кажется, в той же последовательности.

С напутствием выступили Келдыш, Руденко, Смирнов. Они волновались, как и мы. Маршал авиации, обращаясь ко мне, сказал: «Я знаю товарища Попова давно...» Кто-то его поправил: Поповича. Не замечая своей ошибки, он сказал: «Да, да, давно знаю товарища Поповича. Я был на аэродроме в день полетов и помню, как товарищ Попов...» Больше его никто не поправлял. Он действительно давно знал меня и, кажется, неплохо ко мне относился. А

волнение полководца — святое чувство чистоты личности. Он сказал, что завидует нам: как бы он хотел слетать в космос, пожить там, над Землей, сделать для землян что-то очень важное, нужное...

Девятого августа состоялась последняя тренировка в корабле. Первым начал работу Андриян Николаев. В полном космическом облачении он выполнял отдельные задания программы. На тренировке присутствовали Смирнов, Королев, Келдыш, Каманин. После тренировки состоялась беседа, проба космической пищи, высказывались пожелания на полет. Девятого августа мы переходили на предстартовый распорядок дня. Подъем в 7.30. В распорядке было предусмотрено все: туалет, завтрак, переодевание, митинг, медосмотр и т. д. Был предусмотрен и церемониал вывоза ракеты.

Это всегда волнующий и торжественный обряд, который сохраняется по сей день.

В 12 часов состоялась наша первая пресс-конференция. ТАСС представлял Александр Романов, «Красную Звезду» — Николай Мельников. Они задавали много вопросов, и мы могли бы на них ответить, но много говорить перед полетом как-то уже было не то. Не говори гоп... Мы условились, что эта встреча будет короткой, в пределах 10 минут, а вот когда вернемся, тогда хоть пять часов. Забегая вперед, хочу сказать, что слово свое мы сдержали.

В этот день состоялся митинг стартовой команды, на котором выступили Николаев и его заместитель Быковский.

Затем Сергей Павлович пригласил Николаева к лифту и поднял его к кораблю. Это тоже стало традицией. Главный отвечает на любой вопрос стартующего космонавта. На это отпускалось до 30 минут. В 16 часов Андриян Николаев и Валерий Быковский были приглашены на космический обед: пирожки с мясом и рыбой, мясо, яблоки и крыжовник (разумеется, сок).

В 19 часов мы навестили Николаева и Быковского, которые уже разместились в домике космонавтов. Именно в нем провели ночь перед стартом Юрий Гагарин и Герман Титов. Теперь они были тут гости.

Вечером пришли Смирнов, Королев, Яздовский. Николай Петрович предложил поужинать с космонавтами. Во время ужина Сергей Павлович говорил о перспективах развития космонавтики, об увеличении веса доставляемого на орбиту полезного груза, об орбитальных станциях, целых поселениях в космосе, о чем мечтал Константин Эдуардович Циолковский. После ужина Николаев и Быковский перешли в ведение врачей, а я пошел проводить Сергея Павловича Королева.

Был тихий прекрасный вечер.

Полная луна хорошо освещала Байконур, в далекой перспективе хорошо просматривались контуры строений, шелестела легкая прохлада. Четко предугадывались признаки наступающего дня. Я пожелал спокойной ночи Сергею Павловичу. Он ничего не ответил, в его беглой улыбке проскочила усмешка.

И в эту ночь Сергей Павлович не спал. Но, когда в 7.30 началось заседание Госкомиссии по пуску, Королев был полностью готов к докладу.

После докладов главных конструкторов члены Госкомиссии подписали задание на полет и разрешили Каманину поехать в домик космонавтов и разбудить их.

На старте Николаева встретили Королев, Смирнов, Келдыш, Руденко. Меня Сергей Павлович пригласил на командный пункт. И как только Андриян поднялся в корабль,

я тут же установил с ним связь. По просьбе Королева все переговоры с Николаевым и со мной должен был вести Юрий Гагарин.

Он присутствует здесь же, ждет, когда Андриян закончит осмотр кабины и проверку агрегатов, знает олимпийское спокойствие Николаева. Сергей Павлович бросает в сторону Гагарина нетерпеливый взгляд. Юра отвечает ему жестом: дескать, у Николаева еще есть время.

Старт Николаева состоялся в 11.30. Несколько минут, пока шел активный участок полета, связи не было. Приборы молниеносно и объективно доносили сведения о состоянии здоровья Андрияна. Все данные не вызывали беспокойства.

— Чувствую себя отлично, на борту все нормально, в иллюминаторе хорошо видна Земля! — доложил Николаев.

На командном пункте все заулыбались, стали поздравлять Сергея Павловича с успешным запуском, выходом корабля на орбиту.

После обеда и короткого отдыха должен был начаться один из основных экспериментов полета — выход Андрияна из кресла. Сейчас, спустя десятилетия, этот эксперимент и осторожность, с какой мы его готовили, может вызвать улыбку, но тогда он во многом представлялся опасным и рискованным.

Николаев все сделал как учили, как положено по инструкции. И оказалось, что человек, освобожденный от цепких оков привязных ремней, может свободно перемещаться в замкнутом пространстве корабля. Андриян Григорьевич Николаев был первым человеком планеты, который вышел в свободное плавание в космосе. Оно продолжалось, как и было предусмотрено программой, почти час.

Конечно, многое было непривычно в этом состоянии. Свободное плава-

ние — аналогов для сравнения не было. Была всеобщая легкость, сознание не затуманивалось, работало четко и совершенно ясно. Сообщая об этом на Землю, Андриян добавил, что в невесомости хорошо отдыхать. Это сообщение нас обрадовало, ведь через сутки был намечен старт моего корабля. Взволновало это и Сергея Павловича Королева, его предположения оправдались: в космосе можно жить и работать.

Он тут же вышел с ним на связь. — Как настроение, Андриян Григорьевич? — спросил Главный.

Николаев показал большой палец.
— Я рад за вас. Мы хорошо вас видим на телевизионном устройстве. Поброго вам полета!

До нашей встречи в космосе оставалось несколько часов.

Ночь прошла спокойно, без сновидений.

Прощаясь с Сергеем Павловичем и Мстиславом Всеволодовичем, успокаивая их, я сказал:

— Я отправляюсь в космос с легкой душой. Ведь меня ждет не дождется наш Андрюша... А вдвоем и веселее, и сил прибавляется вдвойне...

В одиннадцать часов две минуты мой корабль покинул пределы Земли. Как только я вышел на орбиту, тут же установил связь с Андреем. Потом мы говорили с Гагариным. Юра поздравил нас с началом большой космической работы. Настроение было приподнятое. Мы одни в бескрайнем небе: красота какая! Мы летим рядом, на расстоянии видимости. Между кораблями установлена надежная связь. Системы кораблей работают отлично.

Земля сообщила нам все важные новости планеты. Земля ликует. Да, это большая общечеловеческая победа, победа человеческого разума. К нам на борт поступали телеграммы, приветствия, пожелания.

Работалось нам легко. Мы покилали кресло, находились в свободном вращении, да, да, мы должны проделать серию разных движений, плавать с закрытыми глазами, работать с предметами, плавающими в кабине, вести наблюдения, информировать Землю о своих действиях. Особый интерес у нас вызывало небо, далекий мир космоса. Мы отчетливо видели созвездия Ориона и его украшение — звезды Ригель и Бетельгейза.

Изучая в ходе подготовки к полетам созвездия, мы познакомились с основами греческой мифологии и были приятно удивлены тем, что наши древние предки так серьезно занимались небом.

Мы снимали Луну, светящуюся корону спутницы Земли, Марс, Юпитер и нам хотелось побывать на их поверхности. И ведь кто-то из землян побывает, непременно побывает передаст людям все богатство восприятия этого нового мира.

Андриян на правах старшего в космосе давал мне советы, расспрашивал о самочувствии, уточнял обстоятельства некоторых экспериментов. Как правило, первым в космосе просыпался Андриян Николаев и тут же устраивал мне побудку, призывал делать зарядку. Как ни трудно было в невесомости делать физические упражнения, мы их делали и ощущали явную пользу от них. Он расспрашивал о каждом эксперименте, его результатах, интересовался аппетитом, что ел.

Однажды, не поняв ответа, переспросил:

- Да, да, что ты ел на ужин? - То же, что и ты. На десерт
- пожевал ломтик воблы. — Что пожевал: воблы? Дай и мне пожевать.
- Так и быть: подлетай поближе, кусочек дам...

Нагрузка на полет была большой.

Программой было предусмотрено очень много экспериментов. И все они, закольцованные единой целью, представляли собой важные научные исследования. Андриян на орбите находился на сутки больше меня и сделал он исследований, разумеется, больше. Однако, имея явные преимущества передо мной, что подтверждено результатами экспериментов, он неожиданно ввел в терминологию слово «мы»... «Мы проверили... Мы думаем...» Это, конечно, относилось и ко мне, ведь другого, входящего в местоимение «мы», в космосе в это время не было. Мы знали: вслед за нами в космос пойдут корабли с более обширной программой, и наши исследования должны были помочь длительному преорбите космонавтов. на которые пока скрываются за расплывчатым словом «дублер».

Андриян пробыл в космосе 95 часов, облетев вокруг Земли раза. Я приземлился в нескольких километрах от него, сделав 48 витков.

Как и тогда, 15 августа 1962 года, и сейчас, спустя много лет, я считаю подвиг Андрияна горьевича Николаева более значительным, а результаты его экспериментов — более весомыми. Основательность, олимпийское спокойствие, широта охвата проблем всегда делали его личность крепкой устойчивой.

16 августа на самолете Ил-18 мы прилетели в Куйбышев и сразу попали в объятия Николая Петровича Каманина. Он буквально влетел в салон самолета, схватил Андрияна и стал его целовать, обнимать, приговаривая: молодец, умница, герой, настоящий человек. Это был не молпорыв эмоционального ниеносный человека, а серьезный осознанный высокая человеческая открошаг. венность.

Когда дошла очередь до меня, Каманин сказал, что я свеж, здоров и он этому очень рад.

Перед обедом Николай Петрович ухитрился провести с нами совещание, ознакомить с планом работы, сообщить о сроках заседания Госкомиссии, набросать схему наших локладов.

В 16.40 мы выехали на аэродром встречать членов Госкомиссии Смирнова, Келдыша, Королева, Руденко, Исаева и других. Через час началось заседание.

Председательствующий Л. В. Смирнов предоставил слово Андрияну

Григорьевичу.

Доклад моего друга был обстоятельным и основательным. Приходилось удивляться, когда он сумел подготовиться к столь глубокому и научно-аргументированному сообщению. Меня поразили отточенность фраз, телеграфная краткость его предложений, ясность позиции и оценок.

Именно благодаря докладу Андрияна Григорьевича Николаева Государственная комиссия сделала выводы, определившие направленность советской космической программы на долгие годы: система научнотехнической подготовки космонавтов ЦПК вполне отвечает требованиям полетов.

- Космический корабль «Восток» вполне может совершать более длительные полеты.
- Корабль хорошо управляем, возможен спуск на ручном управлении.
- Главное на корабле человек, а не автоматы. Человек освоил космическое пространство!

Ну что же, вполне смело и хорошо. Видимо, доклад Андрияна Григорьевича произвел такое ощеломляющее впечатление, что ему не задали ни одного вопроса.

...В июне 1970 года на космиче-

ском корабле «Союз-9» Андриян Николаев вместе с Виталием Севастьяновым совершил второй космический рейс. Он был длительным, рекордным, результативным. Снова имя Андрияна засверкало на страницах мировой прессы и снова он много и настойчиво работал.

Он стал генерал-майором авиации, дважды Героем Советского Союза, первым заместителем начальника Центра подготовки космонавтов, депутатом Верховного Совета республики. Вершина, апогей жизненных интересов. Но он, генерал Николаев, много и напряженно работает. И не ради славы и почестей, а во имя веры в то, что космонавтике принадлежит будущее.

В книге Андрияна Григорьевича Николаева «Космос — дорога без конна» есть такие слова:

«...летчик-космонавт будет водить транспортные и пассажирские космические корабли. Будет доставлять новые смены ученых на космические станции, пополнять продовольственные запасы этих станций, перебрасывать туда с Земли новое оборудование, строительные материалы, горючее для дальних космических кораблей.

А наиболее опытные из летчиков-космонавтов поведут корабли в дальний космос. Сначала к Марсу, Венере. А потом и к другим планетам Солнечной системы и далее...

У космической дороги нет конца, как бесконечна сама Вселенная.

Решив одни задачи, человечество непременно поставит перед собой новые, еще более грандиозные. Конца пути не будет. Разум всесилен, он будет торжествовать всегда...»

Я разделяю его точку зрения и хочу сказать, что имя Андрияна Николаева всегда будет стоять в списке первых покорителей Вселенной, на долю которых выпала нелегкая судьба первопроходцев.

Советские космонавты беседуют с конгрессменами Бразилии.

Во время приема в советском посольстве в Рангуне.

Нам, побывавшим в космосе, посчастливилось посетить многие страны мира с миссией дружбы и добрососедства. Особенно мне запомнилась одна из наших первых с Андрияном Николаевым поездок. То был визит в таинственную и огромную Бразилию.

Мы пробыли там около двух недель, побывали в четырех крупнейших штатах страны, встречались с рабочими, инженерами, крестьянами, студентами, педагогами, учеными, архитекторами, общественнополитическими деятелями, членами общества «Бразилия—СССР», выступали по радио и на телевидении, проводили пресс-конференции. И везде ощущали обстановку дружелюбия, видели желание бразильцев узнать как можно больше о развитии космонавтики в нашей стране, о жизни советского народа.

Однажды в гостиницу, где мы остановились, пришла скромно одетая пара — муж и жена. Звали их Антонио и Мария Сантос. На руках у женщины спал ребенок, завернутый в платок ярких национальных расцветок. Выйдя на шум в холле и узнав, что гости хотят непременно видеть именно Николаева, я пригласил их в гости. Оказывается, их ребенка зовут Андриян Николаев Сантос, а родился он как раз в дни нашего группового полета. Супруги были людьми верующими и окрестили сына, как того и требовал религиозный обычай, местном В храме. Выслушав гостей, Андриян осторожно и с любопытством взял ребенка на руки, стал заглядывать ему в глаза, потом посмотрел на меня.

- Как, Паша, похож на меня?
- Как две капли воды,— не удержался я от шутки.— И на вид такой же застенчивый.

Счастливый отец робко тронул Андрияна за рукав, показывая на

раскрытую дверь балкона. На улице большая толпа людей давно ждала минуты, когда там появится ктонибудь из нас. И Андриян вышел на балкон, прижимая к себе ребенка. Ровный гул голосов превратился в бурю аплодисментов. Рядом с нами на балконе, не скрывая счастливых слез, находились радостные мать и отец. Мы стояли и даже не пытались что-то говорить: во-первых, нас никто бы не услышал, во-вторых, мы и без слов хорошо понимали друг друга.

Затем мы сидели вместе с молодой четой у себя в номере, пили кофе, обменивались сувенирами и сфотографировались на память. В ходе беседы мы узнали, что наш новый знакомый, отец ребенка, не является ни родственником знаменитого футболиста из сборной Бразилии, ни родственником бразильского авиатора Сантоса Дюмона. И вообще, оказалось, что в Бразилии Сантосов столько, сколько в России Ивановых, а в Чувашии — Николаевых.

Эта теплая встреча с простыми тружениками Бразилии как бы предопределила весь настрой нашего путешествия по стране, она как бы подсказала нам не торопиться с выводами и в самых противоречивых ситуациях, с которыми нам порой тоже приходилось встречаться в ходе поездки.

Кстати, встретились мы и с таким контрастом. На международной авиационной выставке в Сан-Паулу ее устроители расположили рядом два портрета — пионера бразильской авиации Сантоса Дюмона и основоположника ракетоплавания Константина Эдуардовича Циолковского, сопроводив портреты надписью: «Наука должна служить делу мира». И тут же, рядом, располагались различные экспонаты, среди которых центральное место занимали новейшие американские истребители и множество фотографий, запечатлев-

Героя Советского Союза Фиделя Кастро Рус, руководителя Кубы, приветствуют советские космонавты. Слева направо: Ю. А. Гагарин, П. Р. Попович, Н. С. Хрущев, Фидель Кастро Рус, А. Г. Николаев, Г. С. Титов.

ших запуск ракет с самолетов-ракетоносцев. Каждому думающему человеку сразу становились ясными главные цели государств, представленных на выставке. В какой-то момент я даже пытался возмутиться таким «военным засильем» на выставке, но Андриян удержал меня, подмигнув и дружески улыбнувшись, сказал:

— Не своим оружием хочешь воевать, Паша. Люди сами разберутся, кто для них нужнее. Сравнивать всегда полезно.

Иногда нас, правда, такое случалось редко, пытались ставить в затруднительное положение. В том же Сан-Паулу губернатор штата Аде-

маро де Барросу, к которому мы прибыли сразу же после дружеской встречи в рабочем клубе, встретил нас в вестибюле своей роскошной резиденции. Мы немного запоздали из-за разговора с рабочими, и он сразу спросил о причине задержки. Мы объяснили. Причина, вероятно, показалась губернатору не вполне уважительной; он не смог скрыть своего недовольства, что чувствовалось даже в его голосе, когда он через переводчика с легкой иронией спросил:

— На каком языке предпочитаете вести беседу со мной? На португальском, английском, немецком или итальянском?

Вероятно, таким перечислением губернатор хотел показать образованность и тем самым подчеркнуть свое превосходство не только над нами, но и над теми рабочими, у которых мы задержались. этой ситуации Андриян, надежный друг и, как оказалось, прекрасный дипломат, снова опередил меня на какие-то доли секунды. Он сделал шаг вперед, привлекая к себе внимание, и, как обычно не торопясь, четко произнеся каждое слово, ответил:

— Мы тоже можем предложить господину губернатору побеседовать с нами на нескольких языках-русском, чувашском, украинском, белорусском, мордовском ... - Андриян замолчал, уравняв счет, и вежливо улыбнулся. — Если хотите, то...

Но губернатор в ответ тоже улыбнулся и поднял руку, приглашая нас проследовать за ним резиденцию.

Подобных интересных случаев можно было бы вспомнить много. Ведь с каждым годом дружеских визитов становилось все больше. И мы, советские космонавты, Андриян Николаев в их числе, сделали и делаем все, чтобы в памяти любого народа, жителей любой страны оставались о Советском Союзе, о советском народе только светлые, только чистые, только мирные мысли.

Каманин Николай Петрович 1908-1982 Советский военачальник, генерал-полковник авиации (1967), Герой Советского Союза (1934). Член КПСС с 1932. В 1966-1972 руководил подготовкой космонавтов.

Николай Каманин

командир, учитель, **ЗВЕЗДОЛЮБ**

При первом знакомстве Андриян производит впечатление очень скромного и даже застенчивого человека, и он действительно до предела скромен.

За годы, прошедшие после старта «Востока-3», в жизни космонавта произощло немало важных событий. Он окончил Военно-воздушную инженерную академию имени Н. Е. Жуковского и получил диплом инженера. Не раз избирался депутатом Верховного Совета Российской Федерации...

Полное и рациональное использование опыта звездных братьев для подготовки последующих космических полетов является одной из важнейших задач руководителей. Вот почему сразу же после полета в космос Ю. А. Гагарин был назначен командиром отряда космонавтов. Такое решение было с восторгом встречено всеми космонавтами. Гагарин

Посол Демократической Республики Вьетнам вручает советским космонавтам Золотые Звезды Героев Труда ДРВ.

А. Г. Николаев — гость премьер-министра республики Индии Джавахарлала Неру.

оправдал высокое доверие и блестяще справился с задачами подго-

товки космонавтов к очередным по-

летам. Через некоторое время Ю. А. Гагарин был выдвинут на более высокую должность. На свое прежнее место командира отряда космонавтов он горячо рекомендовал дрияна Николаева. В представлении к этой должности Ю. А. Гагарин писал о А. Г. Николаеве: «...самый опытный космонавт, за ним рекорд продолжительности космического полета. Отлично знает ракетную и космическую технику. Пользуется большим авторитетом среди товаришей. Дисциплинирован, энергичен, требователен к себе. Здоров, систематически занимается спортом. Николаев обладает всеми данными, необходимыми для офицера, и из него можно подготовить хорошего руководителя».

Николаев своей многолетней работой в Звездном городке зарекомендовал себя отличным руководителем, он вложил много сил и труда в подготовку и осуществление всех наших пилотируемых полетов в космос.

За годы работы в Звездном городке Николаев вырос и как общественнополитический деятель. Он побывал в США, Бразилии, на Кубе, в Индии, Японии, ГДР, ФРГ, Индонезии и во многих других странах. Его выступления на международных конгрессах и симпозиумах, на прессконференциях и на собраниях трудящихся всегда были интересными. Николаев вел и ведет большую переписку. Ему пишут пионеры и школьники, студенты и военнослужащие, рабочие и колхозники, много писем приходит и от избирателей. Продолжает прибывать общирная корреспонденция и из-за рубежа. Много и успешно работает он и как депутат Верховного Совета РСФСР.

Андриян Николаев учит космонавтов не только работать, но и хорошо и увлекательно отдыхать. В выходные и праздничные дни космонавты выезжают на охоту, на рыбалку, за грибами или просто для отдыха с семьями в прекрасные леса Подмосковья.

Один такой выезд на охоту мне запомнился на всю жизнь. В начале октября 1964 года мы выехали на озера, которые находятся недалеко от города Спасск-Клепики. На вечернюю зарю мы опоздали и поэтому решили пораньше лечь спать. В четыре часа были на ногах. Было еще совсем темно. В лодку со мной сели Гагарин, Николаев и егерь. В трех других лодках по два-три человека разместились остальные космонавты.

В темноте лодки разошлись по разным направлениям, смолкли голоса охотников, и только легкий скрип весел в уключинах и всплески воды напоминали нам, что мы движемся. Движение лодки было незаметным, не было видно никаких ориентиров, и казалось, что темноте не будет конца. Но вот мы вышли на середину озера; видимо, тучи разошлись, и мы увидели небо.

— Николай Петрович, Андриян, смотрите, сколько звезд! — заговорил Юрий Гагарин. — Кажется, в жизни не видел такого звездного неба! А сколько падающих звезд!

Я осмотрелся кругом. «Падающих» звезд действительно было необычно много. Мы едва успевали поворачивать головы, следя за яркими вспышками то в одной, то в другой части горизонта. Егерь перестал грести, лодка остановилась. Над нами, впереди, сзади, справа, слева и даже рядом с нами в воде — везде были звезды. Земля пропала, исчезла вода, возникло реальное ощущение беспредельного простора космоса.

Открылась бездна звезд полна, Звездам числа нет, бездне дна,—

взволнованно продекламировал Юрий Гагарин. Более удачной обстановки для чтения этих стихов Ломоносова,

наверное, никогда не было.

— Молодец, Юра! Точнее Ломоносова не скажешь, — произнес Андриян, — именно бездна и без дна. Кстати, Николай Петрович, я взял с собой ночной бинокль, — продолжал Николаев, — пожалуй, сейчас самый подходящий случай полюбоваться звездами.

Григорьевич нетороп-Андриян ливо достал бинокль из сумки и передал его мне. Я прильнул к биноклю и замер, завороженный красотой и величием неба. Там, где простым глазом видно не больше десятка звезд, в бинокль я видел сотни. Я отыскал Полярную звезду, Сатурн, Юпитер, Марс. Сотни раз в ночных полетах на самолетах эти светила помогали мне ориентироваться. Я привык видеть их яркими, но одинокими, без окружения больших скоплений звезд, и вот теперь, в бинокль, я обнаружил множество звезд вокруг одиноких знакомых светил.

Бесконечность Вселенной и миллиарды звезд в этот момент для меня перестали быть фразой. Я впервые реально ощутил все величие и беспредельность мира.

Восток чуть-чуть начинал блестеть, проясняться, а мы продолжали любоваться небом. Бинокль переходил из рук в руки. Мы забыли про охоту. Гагарин уговаривал егеря взглянуть на Стожары. Он утверждал, что это одно из самых интересных созвездий. Я попросил Андрияна Григорьевича отыскать звезду Вега и показать мне, в какой части неба находится Туманность Андромеды. Вега мне была хорошо знакома, я мог бы найти ее сам, но мне хотелось убедиться в знаниях Николаева по астрономии.

— Сегодня идеальные для изучения звездного неба. — тоном лектора произнес Андриян Григорьевич и стал рассказывать: - На юге у самого горизонта — созвездие Ориона. Его вы хорошо знаете, немного левее видны две яркие звезды, левая и более яркая звезда — Сириус. Космонавты и летчики хорошо знакомы с этой звездой, она - отличный ориентир. Выше Ориона в виде треугольника — созвездие Телец. В вершине треугольника, в западной части созвездия, близко одна к другой теснятся пять звезд. Самая светлая из них — звезда Альдебаран. Немного западнее и выше Альдебарана мерцает кучка мелких звезд — это Стожары. Я с детства знаю Стожары, только тогда мы их называли Семеринки — видимо, по количеству звезд в созвездии.

Юрий Гагарин вмешался в «лекцию» Николаева и спросил, чем примечательны Стожары. Мы дружно ответили, что это самое маленькое созвездие из семи маленьких звезд.

 — А почему из семи? — спросил Гагарин. — Я, например, в созвездии Стожары вижу одиннадцать звезд.

- $\mathbf{\bar{R}}$ — семь, — сказал Николаев.

— Я — тоже семь, — признался я.— А я вижу только пять, — про-

— A я вижу только пять,— произнес егерь.

 Посмотрите в бинокль, не пожалеете, — посоветовал Юрий Алексеевич.

Бинокль поочередно побывал у каждого из нас, и мы наводили его на Стожары. Мы увидели десятки звезд там, где всю жизнь наш глаз различал только семь.

— Выше Стожар находится созвездие Персей,— продолжал Николаев,— оно вытянуто в линию снизу вверх. В центре наиболее яркая звезда. Если от нее посмотреть на северо-запад, то можно увидеть вытянутые почти в прямую линию четыре звезды созвездия Андромеды.

— О, посмотрите, какая удача! — воскликнул Николаев. — Немного выше созвездия Андромеды заметна Туманность Андромеды. Это редкий случай, обычно простым глазом ее не видно.

Мы опять поочередно потянулись к биноклю и долго не могли оторвать глаз от далекой Туманности, состояшей из бесчисленного множества звезд. Хотелось и дальше продолжать это увлекательное путеществие в мир космоса, но восток начал заметно белеть, и звездам суждено было скоро погаснуть. Егерь, по сигналу Гагарина, начал грести, и наша лодка вновь заскользила по зеркальной поверхности озера. Николаев осветил фонариком часы, сказал, что скоро пять и что пора занимать охотничьи места.

— A Вега, где же Вега? — напомнил Юрий Алексеевич.

Николаев вскинул голову, отыскал Полярную звезду и ответил:

— Вега у меня за спиной. Посмотрите на север, над самым горизонтом отлично видны созвездия Лебедь и Геркулес, а между ними созвездие Лира с одной из самых ярких звезд Северного полушария— Вегой.

Казалось, Андриян Григорьевич мог без конца говорить о звездах, о далеких галактиках, о том, что волнует воображение людей Земли, чему посвятили свои жизни скромные земляне, ставшие космонавтами. По всему чувствовалось, Николаев влюблен в небо, живет думами о нем, изучает, познает его тайны и многого достиг на этом поприще. Так небольшой эпизод из охотничьего быта помог мне увидеть в Николаеве одну из его замечательных черт — звездолюбца.

Во имя высокой цели изучения космоса Андриян Григорьевич трудится самозабвенно, увлеченно. Особенно много труда вложил он в под-

готовку космонавтов для полетов на «Союзах». Космонавты Береговой. Шаталов, Волынов, Елисеев, Хрунов. Филипченко, Шонин, Кубасов, Горбатко. Волков готовились к космическим полетам под внимательным наблюдением и руководством Николаева. В блестящих успехах полетов «Союзов» есть большая доля труда А. Г. Николаева. Вместе со всеми космонавтами он глубоко изучил корабль «Союз», хорошо познал все его системы и оборудование. Он помогал готовиться космонавтам к полетам и готовился сам. Вель любой из летавших в космос должен быть всегда в космической форме. Как поется в песне:

Летчик может не быть космонавтом, Космонавту нельзя не летать!

И он летал. И с парашютом прыгал. И на центрифуге крутился. Он был готов к полету на любом корабле «Союз», но избрал для себя самый трудный. Полет на 18 суток на корабле «Союз-9» требовал от экипажа предельного напряжения всех физических и моральных сил. Андриян Николаев лучше других представлял себе все трудности и опасности такого полета и готовился к нему со всей серьезностью и настойчивостью.

В полете на длительность очень многое зависит от экипажа корабля, от его воли, физической и моральной выносливости. А. Г. Николаев и В. И. Севастьянов обладали всеми необходимыми качествами для выполнения такого полета.

...Как известно, рекордный по длительности полет несколько лет сохранялся за американскими космонавтами. Фрэнк Борман на корабле «Джемини-7» установил абсолютный мировой рекорд продолжительности полета — 330 часов 36 минут (13,8 суток). По правилам ФАИ (Международная авиационная федерация) для побития рекорда доста-

точно перекрыть прежний на 10 процентов, то есть совершить полет продолжительностью около 15 с половиной суток. Когда мы готовили полет «Союза-9», мы меньше всего думали о рекорде. Как известно, вся программа полетов на «Союзах» подчинена главной цели — созданию орбитальных станций.

Экипаж «Союза-9» должен был дать ответ на очень важный вопрос через сколько суток нужно менять космонавтов на орбитальной станции? Орбитальные станции будут летать многие месяцы, а затем и годы. Для этого потребуется много космических кораблей, ракет, экипажей. На конкретный вопрос — сколько? ученые отвечали по-разному. Одни специалисты считали, что смену экиможно производить через пажей 30 суток. В этом случае для годовой работы станции потребуется 12 кораблей, 12 ракет и 12 экипажей. Другие утверждали, что если полеты людей в космос на срок более 10-15 суток опасны, то экипажи на станциях придется менять через 10 суток. Значит, для обеспечения годовой работы орбитальной станции потребуется в три раза больше кораблей, ракет и экипажей. Разрешить эти споры могли только эксперименты.

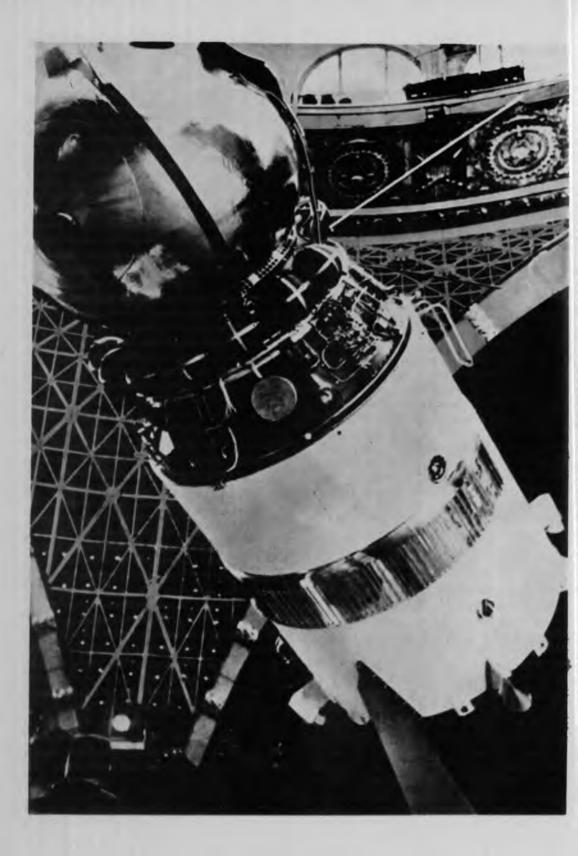
Готовясь к полету на «Союзе-9», Николаев и Севастьянов хорошо изучили опыт наших и американских длительных полетов. Ученые, врачи, конструкторы и космонавты пришли к выводу, что на корабле «Союз-9» можно летать 18 и более суток. Запасы воздуха, воды, пищи и ресурсы всех систем кораблей могли обеспечить и более длительный полет.

Государственная комиссия няла решение готовить полет на 18 суток, так как не было полной уверенности, что полет большей продолжительности не повредит ровью экипажа. В ходе подготовки к полету А. Г. Николаев внимательно наблюдал за всем процессом сборки корабля, за испытаниями его систем и оборудования, лично участвовал в комплексных испытаниях, систематически тренировался на тренажерах и стендах. Очень важно было выполнить все требования подготовки экипажа и не упустить ни одной мелочи. Нам, летчикам, хорошо известно, что при подготовке полетов самолетов и космических кораблей не может быть мелочей, все полжно выполняться так, как этого требуют наставления, программы, инструкции, методические указания.

Мы с чувством большой радости и гордости встретили на родной земле экипаж «Союза-9», помогли ему обрести «земное дыхание», проанализировать всю сумму информации, которую получили в результате этого выдающегося полета.

...Итак, человек может летать в космосе 18 суток. Если принять ряд дополнительных мер в период тренировки и подумать о том, какие условия ему создать в ходе полета,— этот срок можно увеличить. Таков главный вывод, который можно сделать, анализируя итоги блестящего полета экипажа «Союза-9».

РЕПОРТАЖ С ОРБИТЫ

Из стенограммы сеансов радиосвязи и прямых телевизионных репортажей с космического корабля «Союз-9» на Землю (позывной — «Заря»). Ведущие — Андриян Николаев («Сокол») и Виталий Севастьянов («Сокол-2»)

Андриян Николаев: ...Итак, космическое путешествие началось... В наушниках шлемофона звучит четкий голос «Зари»: «Параметры двигателей в норме, машина идет устойчиво». Слышим отсчет времени: «Десять... двадцать... тридцать... пятьдесят секунд...» и снова: «Параметры в норме, машина идет устойчиво». Докладываю на Землю:

- «Заря», я - «Сокол», у нас на борту все нормально, чувствуем небольшую тряску, легкие вибрации машины, постепенно

нарастают перегрузки, самочувствие хорошее.

— «Соколы», вас понял, у вас все в норме, машина идет устойчиво,— отвечает «Заря».

девятнадцатый виток.

Первый телерепортаж «Космос — Земля» ведет Виталий Севастьянов:

— В телевизионную систему корабля «Союз-9» входят две телекамеры, установленные снаружи корабля, и одна переносная—в орбитальном отсеке: с ее помощью и ведется этот репортаж. Маленький экран на приборной доске позволяет нам контролировать нашу передачу.

С помощью наружных телекамер можно наблюдать Землю и фиксировать космическую обстановку за бортом. Переносная камера служит для показа всех отсеков корабля, его интерьера, оборудования, работы экипажа. Она также позволяет передавать на пункты управления полетом телевизионные изображения Земли из космоса, видимые нам через иллюминатор.

Мы сейчас летим в тени Земли. Поэтому, к сожалению, показать вид в иллюминатор на Землю мы не можем. Постараемся сделать это в следующих репортажах, когда будем вести их в дневное время. А сейчас я передаю камеру Андрияну Николаеву.

— Я — «Сокол». Виталий рассказал вам о телевизионной системе нашего корабля. Теперь я навожу камеру на него, и вы видите Виталия на своих телеэкранах. Он прекрасно выглядит, все время улыбается. У него хорошее настроение.

Сейчас в подогревателе пищи уже греется наш обед. После окончания сеанса связи с вами мы перейдем в орбитальный от-

сек — там и нас космическая столовая...

пятидесятый виток.

— «Сокол», я— «Заря». Тут целый пресс-центр, собрались корреспонденты, шесть человек. У них вопросы к вам.

- Андриян Григорьевич, вы второй раз в космическом полете.

Какие новые ощущения вы испытали?

— В первый полет я шел, не зная космической обстановки и продолжительной невесомости. Идя на второй полет, я уже был знаком со всеми этими обстоятельствами. Мне было все знакомо. Я знал себя и свой организм. Знал все тонкости адаптации организма к невесомости. Опыт первого полета во многом мне помог и продолжает помогать.

К невесомости привык так же быстро, как и в первом полете. Общие ощущения в этом полете примерно такие же, как и в первом, ничего особенно необычного нет. Конечно, на «Востоке» одному в кабине корабля было скучновато, а здесь нас двое. Вдвоем с товарищем всегда лучше работается. Есть с кем посоветоваться, чувствуешь локоть товарища и знаешь: в трудную минуту он всегда сможет прийти на помощь. Мы все вопросы согласовываем друг с другом, советуемся между собой и помогаем друг другу в работе.

Космический корабль «Союз» по сравнению с кораблем «Восток» имеет большие преимущества. На нем можно проводить в космосе много интересных исследовательских работ. Он многоместный. На нашем корабле имеется еще одно место для третьего члена экипажа. Но программа нашего полета требует только двух человек. На корабле созданы все удобства для нормальной работы и отдыха. Вот сейчас вы сами можете наблюдать на тележране комфортабельные условия корабля. Ко всему сказанному можно добавить еще и то, что на «Востоке» в течение всего полета (четырех суток) я находился в скафандре, который сильно сковывал все действия и мешал в работе, а здесь мы без скафандров. В работе ничего не мешает, не стесняет, не ограничивает. Как дома — легко и приятно. Одно удовольствие — плаваешь здесь, как рыба в воде...

девяносто первый виток.

- «Сокол», я «Заря», как себя чувствуете?
- «Заря», я «Сокол». Все в порядке, самочувствие отличное.
- «Сокол», есть ли пыль в спускаемом аппарате, орбитальном отсеке, на решетках холодильно-сушильного агрегата и на фильтрах регенерационной установки?
- В жилых отсеках корабля пыли нет, но на сетке холодильно-сушильного агрегата и на поверхности фильтра имеется налет различных мелких ворсинок, который периодически очищаем с помощью пылесоса.
 - А сколько раз в сутки вы пользуетесь пылесосом?
 - Пылесосом ежедневно пользуемся два-три раза. Один-два

раза убираемся в течение рабочего дня и обязательно перед сном. Когда идеальная чистота, приятно и работать, и отдыхать, так что мы с Виталием всегда поддерживаем в корабле чистоту и порядок.

— «Сокол», как наблюдаются звезды через иллюминатор спускаемого аппарата и орбитального отсека в ночное и дневное время?

— Ночью отлично видны все звезды через все иллюминаторы, а днем видны только более яркие звезды. Они лучше просматриваются через иллюминатор, направленный в противоположную сторону от Солнца.

— «Сокол», тут все специалисты благодарят вас за обстоятельные ответы на их вопросы. На этом связь кончается, до следую-

щего сеанса.

— Вас понял, всем большой привет, я — «Сокол».

сто шестьдесят третий виток.

- «Соколы», на какие застежки застегиваете медицинские пояса с электродами?
 - На те же застежки, что и на Земле. Не похудели еще.

— Просыпаетесь ли вы во время сна?

— Просыпался два раза. Первый раз от прохладного воздуха, идущего от вентилятора холодильно-сушильного агрегата, а второй раз — дня три назад. Проснулся и тут же быстро заснул.

— Съедаете ли вы весь суточный рацион питания?

- Суточный рацион съедаем полностью. Вчера вечером на ужине дополнительно съели по одной баночке мясных консервов, маловато было. (Эти баночки отложены еще с первых суток полета.)
 - Полностью ли вы адаптировались к условиям невесомости?
- Да, мы полностью адаптировались. Сейчас никаких неприятных ощущений нет ни у меня, ни у Виталия.

сто девяносто третий виток.

— «Соколы», чувствуете ли вы утомление? Я — «Заря».

— «Заря», я — «Сокол». Мы за двенадцать суток полета, конечно, почувствовали утомление. Работа есть работа. На нашем корабле имеются все условия для нормальной работы и хорошего отдыха членов экипажа, но все же за двенадцать суток утомление чувствуется.

и вновь сеанс связи космос — земля.

Папа, дорогой, здравствуй.

— Здравствуй, Алена! Здравствуй, Алена! Поздравляю тебя с днем рождения (в ответ в наушниках — тихое всхлипывание).

— Алена, мы с дядей Виталием приготовили тебе подарки. Вот маленькая книжечка, смотри, на ней я написал: «Алене от папы в день рождения». Алена, ты там веди себя спокойно, слушайся маму и бабушек. Кукла твоя все время находится со мной. Видишь, она плавает, как живая. Алена, я тебе обещаю, что в следующий раз никуда не уеду, ни в какую командировку и биди с тобой вместе праздновать твой день рождения...

Папочка, миленький, дяди космонавты подарили мне чере-

паху.

— Черепаху подарили? Это хорошо. Ты спасибо сказала?

— Сказала, не забыла. А сегодня ездила на пасеку.

— На пасеки? Вот здорово!

— Лядю Лешу Леонова там пчела укусила. У него глаз распух. А мы с мамой ходили за ягодами, много набрали.

— Ну и молодцы. Алена, слышишь?

— Да. слышу.

— Аленка, я скоро вернусь к тебе. Ты не скучай.

— Папа, а что же ты меня не взял с собой? У тебя такой большой корабль!

— В следующий раз, Алена, возьму и тебя.

— Да, пап?

— Да. да. Алена. А мама испекла пироги сегодня?

— Нет. папа.

— Hem? Hu...

— Дяди космонавты мне подарили торт.

— Торт подарили? Молодцы! Ну, в следующий раз мы будем вдвоем с тобой печь пироги.

- Я вас обоих обнимаю и крепко целую.

— Спасибо, Алена, мы тебя тоже крепко обнимаем и целуем.

— Папа!

— Аленка, я слушаю тебя.

- Папа, а ты над Африкой пролетал?

— Да...

— Бармалея видел?

— Бармалея не видел: нет там Бармалеев.

— Папа, посмотри получше, когда над Африкой полетишь...

— Хорошо, посмотрю. Над Африкой мы часто летаем...

очередной виток.

Начался первый в истории космонавтики шахматный матч. За команду Земли играли Николай Петрович Каманин и Виктор Васильевич Горбатко. За команду космоса — экипаж «Союза-9». Главный судья матча — Валерий Федорович Быковский.

Андриян Николаев: Развернув шахматную доску, мы аккуратно расставили на ней фигуры. В невесомости без фиксации доски играть невозможно, так как даже при легком прикосновении пальцем к ней она может уплыть, зависнуть в воздухе. Поэтому приходилось все время придерживать ее рукой.

Земля предоставила нам возможность сделать первый ход, и мы сделали его — наш первый космический ход. Земля ответила.

Итак, наше сражение началось.

Над седьмым ходом Земля задумалась, и я шутя напомнил ей о том, что за время, пока они думали, мы пролетели почти тысячу километров. «У них в запасе целая минута», — защитил землян наш судья Валерий Быковский. «На Земле можно делать ходы побыстрее, а то мы улетим за пределы радиовидимости...» — парировал Виталий.

В полете время летит быстро, за 15—17 минут мы проходили нашу обширную территорию от западных границ до побережья Тихого океана. За это время нам и Земле удавалось сделать только пять-семь ходов. Когда наш корабль ушел из зоны радиовидимости, мы начали обдумывать очередной ход и анализировали предполагаемый ход наших партнеров. Быстро пролетело время, и, обогнув земной шар, мы опять вошли в зону связи. Партия снова продолжалась.

Однако сначала, опережая шахматистов, с нами на связь вы-

шел Алексей Леонов:

— «Соколы»! Я — «Алмаз»! Как настроение? Мы за вас «болеем». Выиграете или проиграете? Признавайтесь!

— Мы настроены выиграть, — скромно ответил Виталий.

— «Соколы», учтите, тут у нас на Земле много советчиков,— вмешался в разговор Виктор Горбатко.— Мы ведь можем и выиграть!

— Ничего, мы постараемся. А советчики и у нас найдутся,

тут за бортом, говорят, и всемогущие есть...

Но тут наши шуточки были прерваны серьезным голосом

судьи матча: «Время!» И мы сделали очередной ход.

Я не буду описывать весь ход нашей борьбы. Была она упорной. Сильные ходы следовали как с той, так и с другой стороны. Были и промахи. На 38-м ходу (за это время мы пролетели более четверти миллиона километров!) по предложению Земли партия закончилась вничью. Мы, конечно, были настроены выиграть, но если учесть, что условия в космосе несколько сложнее, чем на Земле, то и ничья для нас — хороший результат.

новый виток — новый репортаж.

— Мы подлетаем к Байкалу. Вокруг стоит сплошная тайга, видим около него снежные хребты гор. Облачности почти нет, примерно один-два балла. Вот впереди видим Байкал, пока он в дымке, сейчас посветлеет. Вести наблюдения мы будем через иллюминатор, противоположный Солнцу. Прямо по направлению трассы полета корабля находится Луна. Вот сейчас проходим точно над Байкалом. Здесь, на юго-восточной части, хребты, покрытые снегом. На юге Байкала заметно выделяется бухта с мысом, очень красивая. Недалеко от бухты очень красивый остров. Ох, какая прелесть! Красивый Байкал, причем суровый какой-то. Сейчас солнце низко над горизонтом, и поэтому тени длинные и лучше контраст наблюдаемой поверхности. Вот еще большой и красивый остров... Севернее Байкала, чуть севернее, порядка 500 километров, что-то в лесу горит. Три источника

огня. Дым приличный, в масштабе примерно километров на 20-25 протянулся. А четвертый источник такой слабенький. Сейчас как раз мы над ними пролетаем.

— Вас понял, «Сокол». Я— «Заря»,— в почетные пожарники вас зачислили!

— Хорошо, мы согласны! А пока продолжаем репортаж.

Луна поднимается над горизонтом. Она у нас восходит в северной части, а в южной заходит. Так, правильно. Вчера мы над Канадой наблюдали восход Луны в 00 часов 22 минуты, как раз выходили тогда в Атлантику, и там она появилась. Сейчас мы пролетаем Амур и подлетаем к терминатору, через минуту будем входить в тень.

двести сороковой виток.

 — ...Под нами Мраморное море. Солнечная и безоблачная погода, совершенно все открыто. Впереди Черное море. Сейчас пролетаем строго над проливом из Мраморного в Черное море. Отлично виден город Стамбул. Абсолютно все видно в Стамбуле: улицы, площади, паром... Идем над Черным морем, оно открытое, чистое и спокойное. Мы идем на Крым, его наблюдаем с левой стороны по ходу движения. Над Крымским полуостровом ясная погода, четко видны города Симферополь, Севастополь, Ялта, Феодосия, просматриваем Арабатскую стрелку. Район Керчи немного закрыт облачностью. Чистое Азовское море, Юг Украины закрыт облаками — 6—7 баллов. Справа наблюдаем Черноморское побережье Кавказа. Оно чистое, вплоть до Батуми. Хорошо видим Сочи, район Пицунды, Адлер. В сторону Адлера со всех сторон идут шлейфы от инверсионных следов самолетов. Завидуем тем гражданам, которые сейчас отдыхают на побережье Черного моря. Вот мы подлетаем к Сочи. Виталий, прильнув к иллюминатору, внимательно рассматривает свой родной город, где прошли его юношеские школьные годы, где живут его родители, где он знает каждую улицу, дом. Он говорит мне: «Андрей, видишь телевизионную вышку, а рядом наш дом». Он передает через «Зарю» большой привет и добрые пожелания своим родителям и землякам. Но Земля просит продолжать наш репортаж... Пролетаем хребты Кавказских гор. Справа Тбилиси, Ереван и озеро Севан. В городах видны улицы, кварталы, стеклянные крыши предприятий, от них идут солнечные блики.

Слева по ходу движения — Цимлянское море. Цвет пресной воды отличается от соленой. Это уже многократно нами замечалось. Справа — Каспийское море, под нами Астрахань. Вот мы пролетаем прямо над дельтой Волги. Видна вся дельта. Здесь трудно определить, где берег у моря. Большие выносы, много различных рукавов. Очень красивое зрелище, так же как и дельта реки Нила. Они очень похожи друг на друга, громадные, и определяются границы перемешивания пресной воды с соленой. Ну вот мы проходим Северный Казахстан и Западную Сибирь.

Возвратившись из поездки за рубеж, космонавты сразу же включаются в тренировки.

Ю. А. Гагарин, А. Г. Николаев, С. П. Королев на космодроме Байконур.

Юрий Гагарин и Андриян Николаев осматривают экспонаты, поступившие в музей Звездного городка.

Низменность равнинная и вспаханная, обработанные земли, хорошие, зеленые. Так что тут уже не пустыня. Очень красивое цивилизованное место. Четко выделяются большие вспаханные площади в виде квадратиков и прямоугольников

Подлетаем к Новосибирску. Начиная с Новосибирска вся Сибирь закрыта облачностью. Тут мощный циклон и фронт кучево-дождевых облаков протяженностью в сотни километров. Фронт движется в направлении Новосибирска. Сейчас под нами сплошная облачность. Земли не видно.

На 252-м витке председатель Государственной комиссии по проведению полета тепло поздравил экипаж «Союза-9» с установлением нового высшего достижения по продолжительности полета и пожелал дальнейших успехов.

«Соколы» попросили разрешения полет ть еще пару суток. Но Земля не поддержала их просьбу. Государсть чная комиссия решила— они будут работать точно по программе, то есть произведут посадку в конце восемнадцатых суток полета, на 287-м витке. И это решение передала «Соколам» «Заря».

и вот пошел 286-и виток.

— «Сокол», я— «Заря», передаю метеорологические условия в районе посадки...

Мы ждем вашей подробной информации во время спуска. Для информации используйте все каналы радиосвязи.

- Поняли вас, я «Сокол».
- После посадки не торопитесь. Посмотрите инструкцию. У вас время есть, и действуйте по инструкции. Избегайте резких движений. Как поняли меня?
- Поняли вас избегать резких движений и действовать по инструкции. Все будет выполнено.
 - Желаем вам мягкой посадки, ждем на Земле.
 - Спасибо, спасибо, я «Сокол».
- Мы будем ловить каждое ваше слово на коротковолновых и ультракоротковолновых станциях, поэтому на участке спуска всю дорогу старайтесь передавать информацию. Любые наблюдения, любая информация будут очень желательны для нас.
 - Ясно, понял вас, я «Сокол».
 - Все внимательно следят за вами, ждут каждое ваше слово.
 - Вас понял.
 - Вам там не скучно?
 - Да уже привыкли немножко. Скучать некогда.
 - Все готовы встретить вас.
- У нас на борту порядок. Тут все идет так, как расписано. Мы постепенно снижаемся. Под нами проходят песчаные пустыни и оазисы Африки. А вот и Средиземное море. Наконец увидели и Черное море, настроение замечательное. Идем к Земле, домой! Обо всем докладываем «Заре».
- «Заря», проходим южную часть Каспийского моря, наблюдаем его в правый иллюминатор.

— «Сокол», я — «Заря», слышу вас, понял.

— «Заря», я— «Сокол», отлично слышим вас. Разделение прошло нормально. Спуск с качеством. Двигатель отработал положенное время— 145 секунд. Все идет по программе полета.

— Вас понял, я — «Заря». По нашим данным, у вас все идет отлично, отлично!

В этот момент мы перестали слышать «Зарю», но продолжали вести наш репортаж о спуске до самой посадки.

Итак, мы снова на Земле. Закончился наш 18-дневный полет.

Лазарев Василий Григорьевич Род. в 1928
Летчик-космонавт СССР, полковник, Герой Советского Союза (1973).
Член КПСС с 1956.
Полет на «Союзе-12» (сентябрь 1973).
В апреле 1975 совершил суборбитальный полет на космическом корабле «Союз-18».
Почетный гражданин городов Калуга, Барнаул, Джезказган, Караганда.

Василий Лазарев

Я — ДУБЛЕР

Невольно вспоминается путь в три десятилетия, пройденный рядом.

Слово «пройденный» слишком много вбирает в себя, так как это— годы от начала космической эры до наших дней.

Я к этому времени закончил военный факультет Саратовского медицинского института и, будучи уже врачом, поступил в Харьковское летное училище, после окончания которого работал инструктором, а затем был переведен летчиком-испытателем. Я проходил медицинскую комиссию, когда практически уже был закончен первый набор космонавтов. В госпитале познакомился с Володей Комаровым, Борисом Волыновым, Георгием Шониным. Первая попытка пройти комиссию закончилась для меня неудачно. Да разве только для меня одного?! Надо было возвращаться к своей трудной и любимой работе испытателя. В моей записной книжке, которую я до сих пор берегу, сохранился список из девяти фамилий — самых первых, самых счастливых, как мне тогда казалось, ребят. Среди них был и Андриян Николаев.

Но мысль пройти медицинскую комиссию повторно не покидала меня. И в этот тяжелый психологический момент первый начальник

Центра подготовки космонавтов Евгений Анатольевич Карпов (ныне он генерал-майор медицинской бы в отставке) предложил мне стать начальником летной службы в Центре подготовки. Конечно, тут сыграл свою роль мой медицинский и летноиспытательный опыт. На раздумье давалось мне двое суток. Я не помню, что лелал эти двое суток, но что не спал — это помню точно. И по истечении срока я не согласился с предложенным назначением, рассудив, что новая работа не даст мне в дальнейшем возможности повторно пройти медицинскую комиссию, чтобы попасть во второй или третий набор космонавтов.

В те времена ребята, принятые в отряд — Юрий Гагарин, Андриян Николаев, Павел Беляев, — старались поддержать и помочь нам. Помню, когда я не прошел комиссию, подошел ко мне Юра Гагарин и сказал: «Не теряй надежды, все равно пройдешь!»

Только с третьего захода удалось мне пройти медицинскую комиссию. Когда я появился в Центре подготовки, Юрий Алексеевич напомнил:

— Вот видишь, мои слова сбылись. А теперь только «вкалывай», но не думай, что скоро полетишь, для этого необходимо время. А терпение у тебя есть.

Я ему был очень благодарен за эти слова.

Шло время, шла напряженнейшая работа по освоению космоса. Можно сказать, начался настоящий штурм космоса, за короткий срок в нем побывали шесть «Востоков» с нашими прославленными космонавтами — Ю. Гагариным, Г. Титовым, А. Николаевым, П. Поповичем, В. Быковским, В. Терешковой.

Начинался новый этап в освоении космического пространства, появилась необходимость работы в космосе представителей разных профессий: летчиков, инженеров, врачей. В связи с этим была создана группа, в которую входили представители и тех, и других, и третьих — В. Комаров, Б. Вольнов, Б. Егоров, К. Феоктистов, А. Сорокин, Г. Катыс и я.

Шли дни, месяцы насыщенной работы для нового полета.

Неизгладимое впечатление оставило то время от встречи с выдающимся ученым, конструктором Сергеем Павловичем Королевым. Он всегда знакомился с экипажами, которым предстояло выполнять и решать новые задачи в последующем полете. На память о встрече каждому из нас Сергей Павлович подарил коробочку, внутри которой на голубом бархате размещался фрагмент Лунника. А прощаясь, он сказал:

— Не волнуйтесь, кто не слетает на «Востоках» и «Восходах», обязательно слетает на космическом корабле «Союз», даже, может быть, и не раз.

Итак, я вплотную приобщился к космосу, но слетать мне в тот раз не выпало счастья.

Каждый новый полет в космос ставил массу новых вопросов, новых проблем, которые надо было решать, работая на орбите. И поэтому после каждого полета космонавты старались рассказывать все до мелочей тем, кто готовился к последующим стартам, чтобы они еще и еще раз смогли проанализировать и проверить те задачи, которые предстояло им выполнять.

А в повестке дня были уже длительные полеты. И первыми, кто прекрасно справился с ними, были Андриян Николаев (командир корабля) и Виталий Севастьянов (бортинженер).

Судьбе было угодно, чтобы я оказался дублером Андрея (все мы, друзья Андрияна Григорьевича, зва-

ли его так). И наши пути сошлись в совместной подготовке к длительному полету на корабле «Союз-9». Если до этого мы встречались по работе, а в часы отдыха, в праздники — и семьями, то теперь наша с ним жизнь слилась как бы в единое пелое. Я был его дублером.

А кто такой дублер? Он тот же космонавт, который должен пунктуально выполнять всю многогранную программу подготовки к полету на космическом корабле, быть готовым к старту так же, как и член основного экипажа, работать ради этого, не жалея сил, энергии и времени. Вот уже дни бегут неумолимо, приближая тебя к назначенному сроку, суток для занятий становится мало, хочется еще и еще раз проверить себя: все ли усвоил как надо, все ли учел? Члены обоих экипажей то и дело собираются вместе с методистами, используя любое время, какое только можно выкроить между основными тренировками. Практика освоения космического пространстправильность такого показала метода подготовки, в которой проверяется и воля человека, его выдержка, умение ждать «своего часа».

А в конечном итоге основной экипаж идет в полет, а дублеры остаются на земле и затем начинают готовиться по программе следующего полета, отличного своими задачами от предыдущего. Я уже и до подготовки к длительному полету на корабле «Союз-9» имел опыт дублерства — входил в состав дублирующего экипажа первого многоместного корабля «Восход» в качестве врача. А теперь я уже был дублером командира корабля.

Постоянное общение на тренировках, на занятиях по физической подготовке, а вечерами отдых у телевизора сближает людей. И уже так близко начинаешь узнавать друг друга, что все понимаешь с полуслова, с полудвижения. Конечно, не обходилось и без шуток. А они в жизни необходимы каждому, особенно когда идет такая напряженная работа. На это у нас мастером был Виталий. Андрей же для нас был образцом деловитости уже потому, что он раньше побывал в космосе и знал тонкости переносимости, старта и полета. Кроме того, он всегда отличался исполнительностью, последовательностью, настойчивостью, с ним легко было нам готовиться к полету. При составлении экипажа это важное качество — совместимость — обязательно учитывается, вель каждый полет есть единственный по своей программе, и, чтобы выполнить его полностью, члены экипажа должны быть во всем единым пелым.

У меня, познающего азы космонавтики, возникали вопросы как технического порядка, так и чисто человеческого. Я прошел школу летчика-испытателя, имел опыт врача, знал влияние на организм человека различных факторов при полете на сверхзвуковом самолете. А теперь, понимая воздействие на человека так называемых неблагоприятных факторов космического полета, невольно задумывался. что мы знаем сегодня, не значит, что мы столкнемся с тем же в следующем полете: мы уже изучили адаптацию к невесомости, но не знали, как это все будет в длительном полете. В предыдущих полетах на кораблях серии «Восток» и маленькой серии «Восходов» было доказано, что невесомость не дает каких-либо остаточных отрицательных воздействий. Все члены экипажей при возвращении из полета чувствовали себя хорошо и субъективно, и объективно (по тем данным, которые фиксировались специальной аппаратурой). Но что будет с теми, кто в космосе проведет более дли-

тельное время? Я не могу сказать, что по этому поводу думали ученые-медики, например, Олег Георгиевич Газенко, ныне действительный член Академии наук СССР, профессор Владимир Иванович Яздовский и другие, которых я хорошо знал. Мне казалось, что они тоже озадачены.

Программа подготовки подходила к концу, сданы практические экзамены на тренажерах, пройден и теоретический курс. И вот экипажи, по заключению комиссии, готовы к выполнению полета. Оставалось несколько дней до отлета на космодром «Байконур», и командование Центра подготовки решило, чтобы экипажи отдохнули перед длительным полетом на юге, в профилактории у моря. Для нас это, конечно, было большой радостью. Во время подготовки к полетам мы редко бывали с семьями, а теперь представлялась возможность вместе отдохнуть у моря. Хотя море было еще холодным, неспокойным, смена обстановки, прекрасное мартовское голубое небо и уже цветущий Кавказ вызывали положительные эмоции. Конечно, это был не отдых по путевке в санатории: рабочий режим, подъем, зарядка и обязательная физическая нагрузка. Для всего этого в профилактории не было специально отведенных мест и помещений, поэтому для занятий нам отвели так называемый «спортзал» типа барака и поставили там коекакой спортивный инвентарь. И мы этому были рады. Так как нас, членов экипажа, было мало, то и сопровождавшие нас жены, врачи, спортивные тренеры — все включались в составы команд «мини-футбола» качестве вратарей, защитников, нападающих. Побеждала, в основном, дружба. Вечерами ходили на танцы, смотрели кинофильмы, но в голове все время были мысли о предстоящей работе. Нам, не летавшим в космос,

жилось спокойно, нас не мучали вопросами, просьбами об автографах, фотографированиях, а вот слетавшим приходилось трудновато. Ну, а в общем отдых был чудесный, мы немного загорели, окрепли.

Надо сказать, что дорога в профилакторий и обратно лежала через гостеприимный дом родителей Виталия Севастьянова. Прекрасные они у него люди, их не пугало количество свалившихся, как снег на голову, друзей сына. Отец Виталия — Иван Григорьевич спешил за соками в подвальчик, а мама закладывала в кипяток пельмени. Я затрудняюсь сказать, сколько раз мы приезжали к ним как в родной дом. После своего первого полета на корабле «Союз-12» мы с Олегом Макаровым тоже были у них, да и после своего второго полета я с женой заезжал к ним. Посещение этого дома стало традицией. И уезжая отсюда, мы увозили в душе чувство спокойствия, благополучия и веры в удачу.

...И вот оба экипажа вновь вернулись в Звездный городок. Закончены сборы перед отлетом на Байконур. Традиционные прощания на аэродроме, рукопожатия, пожелания успехов во всех делах, взлет двумя самолетами поэкипажно и прилет на Байконур, где все уже идет по отработанной схеме.

Но самое главное здесь для нас это непосредственная подготовка к полету: отрабатывались все возможные и невозможные его нюансы, с которыми могут столкнуться члены экипажа.

Дни перед стартом были заполнены не только работой, тут играли свою роль и эмоциональные, психологические факторы. Основной экипаж должен знать, что второй экипаж — это именно дублер, надежный помощник, а не конкурент. Чтобы подчеркнуть это, я обычно приходил в номер к ребятам, бросал

документацию на стол и говорил спокойно:

 Вы тут готовьтесь, а я пойду позагораю!

Не знаю, успокаивало это или нет, но уверен, что им такое не мешало.

Но вот закончился и этот этап подготовки. Впереди старт, Андрей и Виталий готовы лететь, а мы, дублеры — участвовать в управлении полетом. В те времена не было такого роскошного Центра управления полетами, а были просто пункты управления, пункты слежения. Связь с космическими кораблями осуществлялась с разных точек нашей Родины и с морских судов Академии наук СССР. Мне было предложено находиться на связи с экипажем на основном пункте управления полетом.

Наступил волнующий момент день старта. Много раз я был на космодроме и могу уверенно сказать, что в такие дни здесь не бывает равнодушных. Хотя все заняты порученным им делом, а напряженность все равно чувствуется. Да и красивое это зрелище - старт и выход корабля на орбиту.

Пуск, вывод на орбиту прошли без замечаний, период адаптации прошел тоже спокойно, особенно у Андрея: он не был уже новичком в космосе, а это много значило. Первый же полет показал, что его организм способен быстро адаптироваться и привыкать к новым условиям. То же самое подтвердилось во втором полете.

На пункте связи с экипажем мы работали в три смены. Спали мало, так как постоянно чувствовали ответственность за порученное дело, время в основном проводили на пункте и всегда знали, как работают системы корабля, каковы самочувствие и работоспособность экипажа, как идет выполнение программы полета. Все эти данные нужно знать, чтобы приступать к дежурству с полным анализом всей обстановки. еще, как врача, интересовало физиологическое состояние космонавтов, влияние на них маленького объема корабля, вынужденного положения тела, воздействие невесомости. Самое главное, конечно, было выполнение программы полета, которая расписана не только по часам, а и по минутам, секундам. Меня все это интересовало не только потому, что я врач и дублер. Я не терял надежды побывать в космосе. В это время уже готовились программы более длительных полетов на долговременных орбитальных станциях типа «Салют».

Прошло несколько дней полета, все следили за работой и самочувствием ребят. К общему удивлению, экипаж сообщал, что чувствует себя с каждым днем все лучше. В этом мы убеждались по докладам Андрея и Виталия, их настроению, по картинке на телеэкране и по данным телеметрии. Многие просто недоумевали, другие вздохнули облегченно, а медики были озадачены: «Выходит, в космосе можно жить долго и даже легко?» На человека в космосе не действуют силы земного тяготения, все системы организма работают в облегченных условиях, отсутствует вес, нет физических нагрузок, -- казалось бы, все прекрасно. И тем не менее, все ждали окончания полета, чтобы получить ответы на массу возникших вопро-COB.

В этом полете впервые была применена методика психологической поддержки. В чем она заключалась? Экипажам передавались на сообщения о всех важных событиях в жизни страны, спортивные новости. И даже был проведен -- впервые - шахматный турнир «Космос — Земля». За космос играл заядлый шахматист Виталий Севасть-

А. Г. Николаев среди военных летчиков Венгерской Народной Республики.

Венгрия. Встреча летчика-космонавта СССР А. Г. Николаева на Ферихедьском аэродроме.

Летчик-космонавт СССР А. Г. Николаев и генерал-майор авиации Л. И. Горегляд на приеме у президента СФРЮ Иосипа Броз Тито.

янов, а на земле — Виктор Горбатко. Удовольствие получали все — и игравшие, и многочисленные лельшики. Но самым эффективным вариантом психологической держки были в том полете и остаются сегодня «встречи» с семьями.

Для Андрея приятным сюрпризом оказался разговор по радиоканалу «земля — космос» с Аленкой и Валентиной. Накануне моего дежурства на пункт управления прилетела Валентина Владимировна с Леночкой, чтобы в день ее рождения она могла поговорить с папой. Условия для разговора были довольно скромными. В одном из помещений стояла обыкновенная будка телефона-автомата. Радиосеанс был заранее продуман, подготовлен. Приняв редное дежурство, я все приготовил к выходу на связь. За несколько минут до ее начала ко мне в кабину привели Аленку, я показал ей микрофон, через который надо будет говорить.

Но вот корабль вошел в зону

связи и я сообщил:

— «Сокол», с тобой будут говорить, слушай внимательно, - а Аленке сказал: — Начинай.

Аленка начала очень бодрым голосом:

Здравствуй, папа...

Весь этот разговор Андрея с женой и дочкой очень хорошо описан в его книге и повторяться не хочется. Есть там такие строки: «У меня было такое чувство, как будто я побывал дома, рядом с Аленкой и Валентиной. Остались позади восемь суток полета; как будто мы и не летали, и не было такой долгой разлуки. После такой «зарядки» работалось в космосе хорошо и paдостно».

Наш первый скромный вклад в дело психологической поддержки экипажей в длительных положил ей начало во всей дальней-

истории развития космонавтики. Сейчас, в условиях больших возможностей Центра **управ**ления полетами, на полной научной основе создана специальная группа психологической поддержки, состав которой входят и врачи-психологи. Связи психологической разгрузки при многомесячных полетах включают и выступления звезд эстрады. цирка, кино, писателей, поэтов. Но самыми трогательными по-прежнему остаются «встречи» с семьями. Дети рассказывают отцам об учебе, успехах в спорте, увлечениях, жены мужьям — о своих делах и заботах. Этот метод был, есть и будет очень эффективным, так как создание его подсказано самой жизнью, потому он так необходим в работе космонавтов.

Снова возвращаюсь к работе на орбите Андрея и Виталия. Казалось, все идет нормально -- самочувствие, работоспособность, выполнение поставленных задач. Но ученым было ясно, что не может быть чуда, не может быть того, чтобы необычная среда, воздействуя на человека, не оставила своего следа. Ведь в этих условиях происходит усиленное выделение воды из оргаизменение костной низма. ткани. уменьшение объема мышечной ткани, изменение и других обменных процессов. Вот почему практически в каждом сеансе связи получали от космонавтов сведения о количестве выпитой воды, съеденной пищи, о сне. Особый же контроль велся за количеством выпитой воды в сутки. Как впоследствии подтвердилось, это были не случайные рекомендации.

У нас стало традицией делать экстренные выпуски газеты «Апогей», в которых отражалось что сделано по выполнению программы полета на борту и на Земле. Ответственным редактором этих выпусков был наш ведущий методист

Евгений Дятлов, он обладал даром хорошо рисовать, писать стихи и отображать все в юмористическом стиле. И выпуска газеты все... Вот во время одного из дежурств я рассматриваю очередной выпуск газеты. В нем нарисована в юмористическом стиле программа полета: разрезанная на куски, она висела на веревке для сушки белья. И всюду пестрели надписи: «Пейте воду, пейте воду, пейте воду... С началом связи мне нужно было уточнить, как выполняется на борту питьевой режим, и я рассказал Андрею и Виталию о рисунке в «Апогее» с надписями «Пейте воду...» На что они ответили тоже шуткой:

— Так это же вода...

После того, как отрабатывались участки связи, заканчивалась передача необходимых радиотелеграмм и корабль выходил из зоны связи, мы получали отдых. Нередко привозили нам кинофильмы. Разнообразием их репертуара, правда, нас не баловали. Киноленту «Белое солнце пустыни» мы знали почти наизусть. По ней даже была составлена масса очень интересных вопросов, помогающих проверить у человека память и внимательность. Например, таких:

- Сколько жен было у Абдуллы?
- Одиннадцать, отвечал кто-то.
- А как их звали? И все начинали вспоминать имена жен.
- Каким инструментом пользовался главный герой фильма Сухов для проверки времени?
- Лопатой, отвечал участник киновикторины.
 - А как звали кота Сухова? Тут почти хором отвечали:
 - Васькой!
- А какого размера было бедро у разлюбезной Екатерины Матвеевны?
- Прямо в пол-экрана! отвечал самый находчивый.

Таких вопросов накопилось уже около пятидесяти. В дальнейшем стало для космонавтов традицией смотреть этот фильм накануне стартов.

Время шло, приближая нас к заключительному этапу самого длительного космического полета. Настроение у Андрея и Виталия было приподнятым, хотя в последние сутки им предстояло еще многое сделать. И вот программа полета выполнена полностью, они начали **УКЛАДКУ** научной аппаратуры, магнитофонных кассет, фотокинопленки, бортового звездного глобуса и другого оборудования, которое подлежало возвращению на Землю.

Наступило 19 июня. И в 14 часов 59 минут по московскому времени корабль «Союз-9» коснулся родной Земли. Открыли люк-лаз, освободили ребят от привязных ремней и, как позже рассказывал Андрей, им было подниматься и занимать вертикальное положение. Ноги были как свинцовые и не слушались, появилась слабость, участилось сердцебиение, кровь как бы отливала от головы к ногам, в глазах появилась серая пелена. Вокруг были знакомые. добрые и радостные лица, все поздравляли с окончанием полета. Затем врачи взяли их в свои «объятия», уложили на носилки и провели первое короткое медицинское обследование. Потом их поместили в вертолет, который взял курс на Караганду.

Они провели в космосе 18 суток. И этого времени вполне хватило, чтобы человек «забыл» о земных условиях жизни, отвык от них. И что же произошло в организме за эти 18 суток? Уменьшились объем и размеры сердца из-за недостаточной физической нагрузки, снизилась мышечная сила, частичная атрофия мышц привела к расстройству координации движений, обез-

воживанию, уменьшению жировой клетчатки. Но это еще не все изменения, происшедшие в организме за время полета.

Ученые-специалисты, учитывая результаты продолжительного полета на корабле «Союз-9», создали систему физиологической защиты организма от невесомости, которая уже применялась на долговременной орбитальной станции «Салют», а сейчас применяется на станции последнего поколения «Мир». На них установлено специальное оборудование — бегущая дорожка, резиновые амортизаторы, вакуумная емкость и т. д., а для членов экипажа разработаны и изготовлены тренировочные нагрузочные костюмы. В них вмонтированы резиновые амортизаторы, регулируя которые можно создать любые нагрузки на различные группы мышц. Весь этот комплекс, использование его по определенной методике доказали, что человек может жить и работать в космосе месяцы. А годы?..

Поэтому и идет такое ступенчатое наступление на космос.

Много лет прошло с тех первых полетов в космос. Это и работа на кораблях «Союз», и орбитальных станциях «Салют» и «Мир», и работа в космосе по программе «Интеркосмос». Созданы и летают корабли многоразового использования, планируются и полеты к другим планетам. Но никогда история не забудет о тех, кто стоял у истоков развития космонавтики, кто внес неоценимый вклад в развитие новой отрасли науки и техники. В числе их был и летчик-космонавт СССР, дважды Герой Советского Союза Андриян Григорьевич Николаев — Космонавт-Три.

Илья Тявин

ТОЛЬКО НА «ОТЛИЧНО»

Принятый в феврале 1961 года на работу в Центр подготовки космонавтов, я сразу оказался в группе, которая создавала первый тренажер для космонавтов. Потом его так и назвали — ТДК. Самый первый тренажер, на котором готовился к полету Юрий Гагарин, находился в летно-испытательном институте, наш ТДК был фактически вторым, то есть «ТДК-2» — для подготовки космонавтов к полету на космическом корабле «Восток».

К июню все работы на тренажере нами были завершены. И первым полную тренировку провел на нем Г. Титов. Вместе с ним тренировались А. Николаев, П. Попович, В. Быковский и Г. Нелюбов. В период этих тренировок я и познакомился

с Андрияном Николаевым. В то время я и не подозревал, что вместе с ним представляю в Центре мой родной чувашский народ. Тренировок было немного, пролетели они быстро, и мы на какое-то время расстались с космонавтами. У них были свои дела, а нам предстояло дорабатывать тренажер, устранять выявленные недостатки.

Особенно много замечаний было по имитации движения Земли («бега Земли») в оптическом приборе «Взор». Ведь из космоса еще никто не фотографировал Землю и используемая мами кинопленка в основном была плодом фантазии специалистов. И, как оказалось, фантазия не всегда совпадала с истиной. Несколько раз разработчики и наши специали-

- T

сты беседовали по этому поводу с Юрием Гагариным, опытным путем подбирали подходящее изображение. В конце концов старшему инструктору изображение понравилось, и он решился пригласить для принятия окончательного решения Юрия Гагарина. Посидев в кресле, имитируя там управление кораблем, он сказал: «Да, вид действительно как из космоса». Лучшей оценки для нас и не требовалось.

К ноябрю 1961 года, когда уже в принципе было принято решение о групповом космическом полете, руководство Центра подвергло проверочным тренировкам на тренажере всех космонавтов. Первая группа должна была доказать свое право на полет, но и остальным давался шанс войти в основную группу.

Незадолго перед этим кто-то из медиков сказал мне, что Андриян Николаев по национальности чуваш, родом из деревеньки под Чебоксарами. И, конечно же, с этого времени все мое внимание было приковано к тренировкам Николаева. Я от души радовался его успехам и переживал за его малейшие погрешности. Но беспокоился я напрасно: Андриян Николаев в числе лучших завершил цикл тренировок и был назначен в основной экипаж вместе с Павлом Поповичем.

Тренажер представлял собой спускаемый аппарат «Востока». В кабине были установлены работающие приборы и системы (приборная доска, пульт пилота, ручка управления, система кондиционирования, радиосредства, телекамеры и так далее), которые располагались точно так же, как на космическом корабле «Восток», и позволяли имитировать все участки полета. Благодаря этим тренировкам космонавты овладели навыками ручной ориентации корабля, ведения радиосвязи, работы с системами жизнедеятельности, на-

учными экспериментами, заполнения бортового журнала и других операций. Космонавтов обучали действовать и в особых, «нештатных» ситуациях (при выходе из строя различных систем, отказе связи, разгерметизации корабля, изменении химического состава воздуха и температуры, спуске по циклу ручного управления кораблем и так далее).

Тренировки проводились обычно в таком порядке. Инструктор ставил общую задачу, потом уточнял задание и вместе с космонавтом делал первые записи в бортовом журнале. Затем космонавт надевал скафандр, завершив подготовку к выполнению упражнения, докладывал инструктору о готовности и садился в корабль. Устанавливал радиосвязь и проверял оборудование. Закончив осмотр, докладывал о его результатах, о своем самочувствии и готовности к старту. Далее имитировался старт ракеты-носителя, который сопровождался шумом двигателей, воспроизводимых с помощью магнитофонов и мощных динамиков. Далее космонавты действовали в соответствии с бортовыми инструкциями и полетным заданием. С каждой тренировкой это задание усложнялось. Сначала простой одновитковый полет, затем многовитковый да еще с добавлением аварийных ситуаций.

Тренировки продолжались, стали регулярными. На зачетную комплексную тренировку к каждому обязательно приходили Е. А. Карпов, Ю. А. Гагарин и Н. П. Каманин. На экзаменах космонавты вытаскивали билеты с программой предстоящего «полета» в закрытом конверте. Только члены экзаменационной комиссии знали, какие нештатные ситуации придется отрабатывать космонавтам во время экзамена.

Наверное, больше всего народу было во время зачетной тренировки

Андрияна Николаева. Это и понятно. Ведь по программе группового полета ему предстояло первым отправиться в космос. Конечно, мы знали, что будет еще Государственная комиссия, что предстоит окончательное утверждение космонавтов на полет, но все мы понимали и то, что замена возможна лишь в случае чрезвычайных обстоятельств. И тем не менее на этой тренировке я очень волновался, «болел» за своего земляка. После того, как Николаев занял свое место в корабле, я поинтересовался у инструктора его заданием по нештатной ситуации. И тут же успокоился, ведь все они были знакомы Андрияну. И верно, комплексную тренировку Николаева экзаменационная комиссия оценила на «отлично».

А вскоре на «отлично» был оценен и выполненный им космический полет.

...Осенью 1962 года как-то поздно вечером я возвращался домой из Москвы после занятий в вечернем институте, где учился на третьем курсе. Народу в вагоне электрички было немного и я, как всегда, знакомился с новым разделом учебника. И вдруг совсем рядом услышал чувашскую речь. Оглянулся и понял, что в соседнем купе молодые муж-

чина и женщина говорят на моем родном языке. Ну, как тут было не подойти, не разговориться с ними? И надо же было такому случиться: мои новые знакомые оказались родственниками Андрияна Николаеваэто был младший брат космонавта Петр со своей женой. Ехали они к Андрияну Григорьевичу в гости. Адрес знали, но беспокоились, что ночью придется долго искать. Андрияна не предупредили, так как не хотели беспокоить - рассчитывали приехать днем, но не получилось. В общем, обычная житейская история.

Погода в ту ночь была хорошей, мы быстро добрались до дома, в котором жил Андриян. Правда, мы не знали, дома ли хозяин, и потому я поднялся вместе с гостями и сам позвонил в дверь квартиры Николаева, решив, что если он окажется в отъезде, то я приглашу гостей к себе. Но дверь открылась на первую же трель звонка. Обрадованный встречей с братом, Андриян все же не позволил мне незаметно уйти, попросил зайти к себе. Понимая, что гости устали после долгой дороги

и братьям есть о чем поговорить, я не стал долго засиживаться, заторопился домой.

А вскоре Андриян Григорьевич вновь пригласил меня к себе в гости, узнав, что ко мне из Чувашии приехал мой друг детства. Вновь было много разговоров о космосе и космических полетах, а в конце вечера Андриян подарил нам свои фотографии с автографами. Мне он написал: «Илье Петровичу Тявину на память о полете. Желаю успехов в работе и крепкого здоровья. 3.11.62 года, А. Николаев».

И в дальнейшем мы часто встречались с Андрияном Николаевым и на работе, и в свободное время. Мне приходилось участвовать также в его подготовке ко второму космическому полету. И я всегда твердо знал, что он надежный, честный и принципиальный человек. Он, если надо, и поможет, но и спуску, поблажки не даст даже другу, если тот в чем-то провинился или поступил нечестно. Именно поэтому он всегда был для меня примером, как бы старшим товарищем, хотя по возрасту я на год старше его.

Иван Касьян

ЗАПИСКИ КОСМИЧЕСКОГО ВРАЧА

Впервые увидел я Андрияна Николаева в одном из московских институтов в Петровском парке. Было это в марте 1960 года, когда группа молодых летчиков-космонавтов прибыла сюда на занятия. Мы познакомились. Передо мной стоял молодой, с отличной военной выправкой летчик в звании старшего лейтенанта, плотный, среднего роста, с черными, как смоль, бровями и спокойным взглядом добрых карих

глаз. Трудно сейчас точно сказать, сколько раз затем встречались мы, но первая встреча особенно запомнилась мне.

До мельчайших подробностей сохранилось в памяти и все, что связано с нашей совместной работой на самолете-лаборатории ТУ-104А во время тренировок в условиях кратковременной невесомости,— а их было более тридцати. Не менее памятные встречи были позже на кос-

модроме Байконур, в Центре управления полетом, на занятиях и конференциях да и просто в неофициальной обстановке, на природе, человек раскрывается с самых неожиданных сторон. Много интересного рассказывали о Космонавте-3 и коллеги-медики, которым довелось познакомиться с ним гораздо раньше меня, когда Николаева вызвали в Москву на медкомиссию. На «железную медицинскую комиссию». как назовет ее позже Юрий Гагарин. Ведь в ту пору медики еще не знали, какими должны быть требования, предъявляемые к будущим космонавтам. И были в то время эти требования явно завышенными, рассчитанными на двойной прочности.

В сентябре 1959 года на медицинское обследование в Центральный научно-исследовательский авиационный госпиталь прибыл и старший лейтенант Андриян Николаев.

Госпиталь этот расположен в красивом особняке на одной из просек чудесного подмосковного парка. Особняк окружен столетними деревьями, кустами жасмина и сирени. Здесь когда-то лежал после ранения Герой Советского Союза Алексей Маресьев, находились на лечении пилоты знаменитой эскадрильи «Нормандия-Неман» и сюда же после войны приезжал президент де Голль, чтобы вручить ордена и медали советским медикам.

Николаев быстро нашел приемное отделение. Дежурная медсестра Тамара Кунькова старательно заполнила историю болезни, измерила его рост, вес и сразу направила на прием к врачу — руководителю медицинского отбора летчиков Евгению Алексеевичу Федорову. Евгений Алексеевич усадил Андрияна рядом с собой и учинил ему настоящий «допрос»: чем болел в детстве, как учился в школе, в лесотехниче-

ском техникуме и в авиационном училище, на каких самолетах летал и были ли аварийные ситуации во время летной службы? По окончании беседы попросил сестру проводить новичка в палату. Та выдала Андрияну бежевого цвета пижаму с коричневым бортиком и белым накрахмаленным воротничком, черные тапочки и отвела его в палату «лордов», как шутливо окрестили эту многоместную палату ее старожилы.

Здесь Николаев познакомился с Павлом Поповичем, будущим своим «небесным братом», Юрием Гагариным, Владимиром Комаровым, Валерием Быковским и другими молодыми летчиками, кандидатами в космонавты. Жили они тут дружно, весело и шумно. Гагарин и Попович, например, наперебой рассказывали разные веселые авиационные байки, притчи и побасенки. Быковский любил подшутить и дружески поддеть кого-нибудь. Андриян больше слушал да помалкивал.

На другой день началось тщательное обследование. «Врачей было много и каждый строг, как прокурор», — напишет потом Юрий Гагарин... Когда, например, Андрияну пришел черед побывать у хирурга, начальник хирургического отделения Николай Сергеевич Ивлев первым делом спросил, были ли у него травма черепа и переломы костей? «Не было», — ответил летчик. нашел у него врач никаких изъянов и после самого тщательного осмотра, но тем не менее заставил сделать целую кучу всяких анализов и рентгенограмм. Потом эти снимки показали академику А. А. Вишневскому, который и дал разрешение на допуск Николаева к специальным тренировкам. Вскоре он получил «добро» и у окулиста: зрение у него всегда было отличное. Не беспокоился Андриян и за свою нервную систему: в училище и в авиагарнизоне, когда

врачебно-летную проходил комисневропатологи всегда сили ему заключение — здоров. И здесь, в госпитале, все оказалось полном порядке, невропатолог без колебаний допустил Николаева к специальным тренировкам.

И вот, наконец, пришло время проверить устойчивость вестибулярного аппарата. Эти исследования с особой тщательностью проводил начальник отолярингологического отделения Иван Иванович Брянов. По заранее разработанной методике Андрияна сначала вращали на специальном кресле, затем испытывали на так называемых «качелях Хилова», — в общем, «помучили» его изрядно. Но все он перенес хорошо. Под конец даже сам Брянов, улыбаясь, пожал руку летчику и похвалил: «У вас устойчивый вестибулярный аппарат».

Но впереди был еще один экзамен, которого как огня боялись многие обитатели «палаты лордов» обследование на вибростенде с целью выявления скрытой патологии при наличии камней в почках. Тряска на вибростенде была такой сильной, за считанные минуты могла спровоцировать почечные колики. а продолжалась она более получаса. Но и эти испытания Николаев перенес хорошо, никаких изменений ни в самочувствии, ни в анализах придирчивые эскулапы не обнаружили.

Так проходил день за днем. Около месяца работала строгая медицинская комиссия авиационного госпиталя. С каждым днем меньше и меньше появлялось молодых летчиков в столовой. Да и обследований оставалось все меньше, и носили они теперь все более специфический характер. В один из осенних дней Николаеву предстояло, например, пройти активную и пассивную ортостатические пробы. В лаборатории медсестра закрепила на нем множество датчиков и электродов и велела в течение получаса спокойно стоять, не отрывая ступни ног от пола. Он застыл как влитой. Одобрительно улыбнувшись, лаборантка «уложила» Андрияна Григорьевича на специальный стол, который минут через десять вместе с летчиком перевела в вертикальное положение: «повисите» так с полчасика... Новый поворот рычага - и стол повернулся так, что Николаев, как йог, повис вниз головой. И все это время беспристрастные датчики фиксировали малейшие изменения его самочувствия. Но и тут медикам не к чему было придраться: Андриян получил допуск к очередному этапу обследования — испытанию барокамерой.

Это был один из самых «твердых орешков»: многие летчики не выдерживали этого экзамена. И вот сестра привела Николаева в здание баролаборатории и передала историю болезни врачу Михаилу Давыдовичу Вядро. Вновь, в который раз уже, молодого летчика с ног до головы окутали провода электродов датчиков. Прозвучала короткая команда «подъем» — и испытание началось. Его первые этапы - «подъем» на высоту пять тысяч метров, а через неделю и на шесть тысяч метров - Андриян перенес хорошо. А в конце октября его «подняли» уже на четырнадцать тысяч метров — в столь разреженные «слои атмосферы», что почти полчаса пришлось дышать с помощью кислородного прибора. Все шло нормально. Назавтра его ожидала еще большая высота.

28 октября 1959 года в протоколе испытаний появилась запись: «В течение всего периода обследования в барокамере на высоте 15 тысяч метров жалоб не предъявлял, самочувствие хорошее. ... Но на первых минутах отмечался крат-

ковременный «срыв» ритма дыхания, стало тяжело дышать». Михаил Лавыдович, опытный врач, много раз проводивший барокамерные исследования, тут же подсказал летчику, как лучше наладить дыхание. Николаев сосредоточился и буквально через несколько минут его ритм восстановился. После спуска с «высоты» нормализовалась и электрокардиограмма. Через несколько минут, получив очередное «добро» и поздравление медиков, он вышел из баролаборатории. На пороге жадно вдохнул полной грудью свежий воздух и медленно пошел по аллее парка.

Но «почивать на лаврах» было еще рано. Теперь предстояло готовиться к еще более ответственному экзамену — на центрифуге. Накануне обследования Андриян лег спать пораньше, утром, как всегда, сделал в парке зарядку, позавтракал и в десять часов прибыл в лабораторию ускорений, которая размещалась в отдельно стоящем одноэтажном здании. Не показывая волнения, уверенным шагом подошел к центрифуге, о которой каких только страхов не рассказывали друзья-летчики! Ho опасения оказались напрасными: первые перегрузки он перенес хорошо. Тогда через несколько дней программу испытаний усложнили. Но и эти перегрузки он перенес нормально. Зрительных расстройств не наблюдалось. Врач Павел Михайлович Суворов, проводивший испытания, с восхищением рассказывал коллегам: «Андриян Николаев один из немногих летчиков, который так хорошо перенес перегрузки на центрифуге».

Так был сделан еще один важный шаг, приблизивший Николаева к заветной цели.

Повторно в Центральный научноисследовательский авиационный госпиталь он прибыл уже как «свой» человек. Многих сотрудников знал, его также радушно приветствовали, встречали с улыбками. Старые знакомые ожидали его и в палате: незадолго до него в госпиталь уже прибыли Гагарин, Комаров, Беляев, Быковский, а вскоре Титов, Попович, Леонов и другие. Во время длительного общения в авиационном госпитале, при совместных напряженных тренировках они лучше узнали друг друга и между ними завязалась крепкая дружба на долгие годы.

Кандидатов в космонавты разместили в зданиях Центрального аэродрома имени М. Фрунзе, и начались рабочие будни. В конце апреля их привезли на летное поле аэродрома. Вечерело, было прохладно, но уже чувствовалась весна. Свежий ветерок обдувал лица. Старшим группы был Павел Попович. До вылета оставалось минут тридцать. Летчики собрались в кружок, и пошла обычная аэродромная «травля».

Прибыли руководитель парашютной подготовки Николай Константинович Никитин и медики. Погода была летная, разрешение на вылет получено, и все погрузились в салон Ил-12. Самолет взял курс на юговосток. Через несколько минут все уже безмятежно спали крепким молодым сном. Часов в десять вечера Попович дал команду на подъем: самолет вот-вот должен был приземлиться на аэродроме города Энгельса.

Досыпали уже в гостинице. А рано утром начались занятия. Никитин решил начать с азов — со знакомства с парашютом и его конструкцией, хотя хорошо знал, что имеет дело с опытными летчиками. Гагарина, например, уже было пять прыжков, у Поповича — шесть, Николаев также прыгал с парашютом. Но пословица недаром гласит: «Повторение — мать учения», ничуть не лишним было это первое За время подготовки занятие. Н. К. Никитин, сам заслуженный ма-

стер спорта, рекордсмен мира, научил будущих космонавтов многим «секретам». Он учил, как надо выходить штопорного положения с помощью рук и ног при свободном палении, делился ощущениями, которые испытывал во время прыжков. Космонавты с большим усердием и увлечением занимались парашютным спортом, к прыжкам относились серьезно, так как знали, что при возвращении из космоса необходимо будет приземляться с помощью парашюта. Прыжки все усложнялись. Они выполнялись с разных высот, в ночное время, на воду. По мнению многих космонавтов, парашютные прыжки были одним из самых сложных этапов подготовки к космическому полету.

По возвращению в Москву начались полеты в условиях кратковременной невесомости на специально оборудованном самолете. Исследования возглавил Евгений Михайлович Юганов, талантливый ученый, сердечный и добрый человек. В первых полетах невесомость воспроизводилась двухместном УТИ-МИГ-15. В каждом полете надо было выполнить по три «горки» довольно сложных элементов пилотажа, во время которых космонавт на 35-45 секунд оказывался в состоянии невесомости. Была она тогда для всех нас полной загадкой. Поэтому советские медики особенно тщательно готовились к этим исследованиям.

1 июня 1960 года выдался ясный, солнечный день с небольшим теплым ветерком, на голубом подмосковном небе медленно проплывали редкие кучевые облака. Молодые летчики, крепкие и ладные, прибыли на аэродром для проведения первых ознакомительно-тренировочных полетов на самолете. Среди них был и Андриян Григорьевич Николаев. Около девяти часов утра само-

лет в первый раз поднялся в воздух. Потом второй, третий... Едва приземлившись, каждый летчик попадал в тесное кольцо товарищей, жаждавших подробностей. Его закидывали вопросами: «Ну как там, что за состояние?» Некоторые молча **улыбались**, а кое-кто с хитрецой отвечал: «Слетаешь — узнаешь!»

Наступила очередь лететь дрияну. Я напоминал ему, что он должен будет делать в каждой «горке» и попросил обратить особое внимание на координацию движений. Андриян надел шлемофон, быстро поднялся в кабину, пристегнулся ремнями и доложил летчику-инструктору о своей готовности к полету. Так состоялась моя вторая встреча с будущим прославленным космонавтом. Самолет вырулил на взлетную полосу, взлетел, набрал высоту, зашел в зону испытательных полетов и выполнил три параболические «горки». Затем взял курс на аэродром и совершил посадку. Андриян вылез из кабины. По его лицу и глазам сразу было видно, что полет ему весьма понравился.

Для тренировок космонавтов в условиях кратковременной невесомости был оборудован новый самолетлаборатория Ту-104. Из самолета убрали кресла, внутреннюю часть салона обили поролоном, твердые части конструкций закрыли мягкими матами, чтобы предупредить удары и ушибы при выходе самолета из «параболы Кеплера». В полете самолет выполнял шесть «горок», перерывы между которыми составляли пятнадцать минут. Состояние невесомости продолжалось двадцать пятьдвадцать восемь секунд, а при выводе и вводе самолета из параболы создавались перегрузки.

В самолете Ту-104 космонавт мог свободно «плавать» в специально приспособленном отсеке - «бассейне невесомости». Его наличие позволило

медикам более широко исследовать координацию целенаправленных движений и вестибулярных реакций при свободном «парении» в условиях кратковременной невесомости. В переднем салоне на двух столах была укреплена медицинская аппаратура для регистрации физиологических функций в условиях полета.

14 августа 1961 года несколько медиков, в том числе и я, рано утром приехали на один из подмосковных аэродромов. В тот день должны были тренироваться Андриян Николаев и Павел Попович.

Красавец-самолет быстро набрал высоту и взял курс в зону испытательных полетов. Прошло около часа. Раздалась команда: «Приготовиться!» Все разошлись по своим местам. Андриян Григорьевич надел на голову защитный шлем, лег на матрац в середине «бассейна невесомости», расставил руки и ноги в стороны, приподнял голову, готовясь к испытанию. Павел Попович сел за медицинский стол, привязался ремнями и приготовился работать на координографе. Я взял бортовой журнал и занял свое рабочее место, готовый наблюдать и скрупулезно записывать все, что будет во время тренировок. Через несколько минут на табло высветилось: «Внимание, перегрузки». Самолет стал делать разгон для выполнения «горки». На пятнадцать секунд Николаева прижало к матрацу. Когда на табло появилось: «Внимание, невесомость», он обеими руками вцепился в матрац, а затем медленно «поплыл».

Во время первой «горки» наблюдалась некоторая настороженность и скованность в его движениях. Он осторожно, избегая резких движений, перемещался по «бассейну невесомости». Кинооператор включил камеры и зафиксировал координацию его движений. Когда закончилась «горка», я подошел к Андрияну: «Как самочувствие?» Нахмуренные черные брови его расправились, он улыбнулся и ответил: «Нормально. Приятное состояние». На второй «горке» космонавт уже обрел способность сохранять устойчивое положение тела и плавно, без напряжения перемещаться в отсеке самолета. На третьей — шестой «горках» он свободно перемещался по «бассейну» с открытыми и закрытыми глазами, вращал тело, делал сальто.

В следующем полете Николаев растягивал резиновый эспандер, писал в журнале заданный текст, определял мышечную силу кистей рук. 19 сентября Андрияну Николаеву был запланирован третий параболический полет. На этот раз во всех шести «горках» проводилась регистрация физиологических функций. А его будущий дублер Валерий Быковский тренировался в «бассейне невесомости». Как только наступила невесомость, Валерий, озорно улыбаясь, «поплыл» в хвостовую часть самолета. Засмеялся, а потом воскликнул: «Вот это здорово! То, что мне надо!» Распластав руки в стороны, он, как птица, парил несколько секунд в безопорном пространстве.

За четырнадцать лет полетов на самолете Ту-104 мне много раз приходилось наблюдать за тренировками космонавтов. Но, пожалуй, из двадцати человек первого отряда лучше всех условия кратковременной невесомости переносил Валерий Быковский. Для нас он был как бы эталоном при оценке переносимости другими космонавтами. Но и Андриян Николаев не хуже чувствовал себя в условиях невесомости. Частота пульса и дыхания у него практически не изменилась, электрокардиограммы также были в пределах нормы.

Для Андрияна Николаева воздействие перегрузок на организм было хорошо знакомо. Он уже испытывал

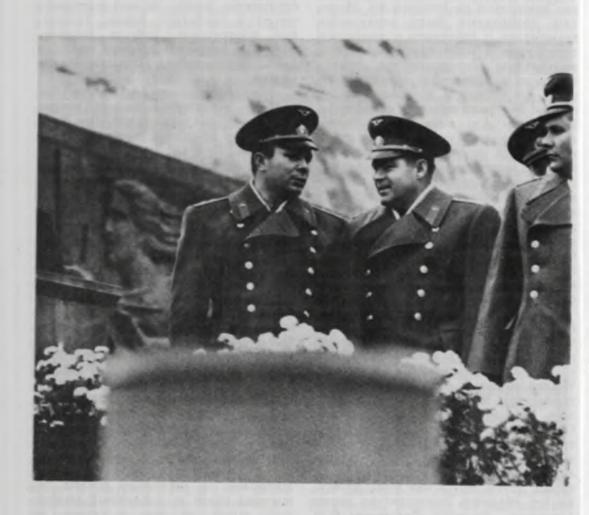
его во время вывода истребителя из пике и на испытаниях в авиационном госпитале. Но перед полетом к звездам ему пришлось несколько раз вращаться на центрифуге. Мелинеобходимо было ознакомить космонавта с действием длительных перегрузок и определить его индивидуальную переносимость применительно к выведению корабля «Восток» на орбиту и возвращению на землю. Это было нелегкое испытание. По словам Андрияна Григорьевича, все тело налито свинцом, очень трудно и почти невозможно приподнять голову, конечности. Нам, медикам, проводящим испытания, даже экране телевизора видно было, как мягкие ткани его лица все заметней деформировались с нарастанием вращения на центрифуге. Но и самые большие по величине перегрузки он переносил нормально. Самым высоким баллом была оценена и переносимость перегрузок.

Наступил черед новому этапу тренировок — изучению нервно-психической устойчивости к длительному пребыванию в условиях изоляции сурдокамере (камере тишины). Исследования проводились под руководством видного советского ученого Федора Дмитриевича Горбова. Сначала в сурдокамере десять суток пробыл В. Ф. Быковский, а потом его должен был сменить Нико-Он дотошно выпытывал у своего друга, что и как надо делать, на что обратить внимание во время «отсидки». Валерий Федорович был немногословен: «Придется сидеть в одиночестве, в полной изоляции от внешнего мира и источников дневного света, при отсутствии двухсторонней речевой связи, звуковых воздействий». шума и «Да, будет трудно», -з метил Николаев.

В спортивном темно нем костюме, подтянутый, соб он в сурдокамеру. Врачи показали аппаратуру, различные приборы, с которыми ему предстоит работать, вручили пластилин, различные инструменты, чтобы он мог мастерить что-то в свободное время. Послелний инструктаж, добрые напутствия — и накрепко закрыта тяжелая дверь сурдокамеры. Испытание началось.

Вся деятельность Андрияна Николаева регламентировалась теперь жестким распорядком дня. Все было расписано по дням, часам и даже минутам. Будучи дисциплинированным и пунктуальным человеком, он четко выполнял заданный режим. В назначенное время вставал, занимался физкультурой — ходил и бегал на месте, своевременно принимал пищу, накладывал электроды, измерял межэлектродное сопротивление. работал с различными приборами. В свободное время читал, записывал свои наблюдения в рабочий дневник. Настроение у Николаева в течение всего исследования оставалось ровпризнаков нервозности тревожного состояния не наблюдалось. Правда, поначалу Андриян Григорьевич испытывал трудности в пробуждении, самостоятельном нако к концу исследования стал просыпаться точно в заданный срок. Все задания космонавт выполнял четко, без ошибок. И вот, наконец, вновь открылась дверь, Андриян Николаев на несколько секунд зажмурил глаза и, довольный, радостный, вышел на свет, к людям, на «свободу». Его окружили, обнимали, приветствовали с успешным окончаэксперименнаитруднейшего дежурный врач записывал в эти минуты: «За время пребывания в сурдокамере А. Г. Николаев показал высокий уровень работоспособности И нервно-психической устойчивости к воздействию фактора чзо тяпням».

Ю. А. Гагарин и А. Г. Николаев на открытии монумента, посвященного космонавтике.

В. Ф. Быковский, П. Р. Попович, А. Г. Николаев — слушатели Военно-воздушной инженерной академии имени Н. Е. Жуковского.

Говорят, что А. Г. Николаев из спортивных снарядов предпочитает эспандер...

Москва. Красная площадь. Парад. Идут войска.

Идет партийное собрание.

Париж. В гостях у Нади Леже.

Париж. У вечного огня. На могиле Неизвестного солдата.

На охоте. Герман Титов и Андриян Николаев.

Автограф на монументе.

CMOCA B

Будущему Космонавту-3 предпройти и исследование термокамере: полтора часа пробыть здесь при температуре воздуха плюс градусов семьдесят по Цельсию. Вначале он спокойно сидел в кресле, быстро и четко реагировал на все указания врача-экспериментатора, а в конце испытания в его поведении отмечалась вялость некоторая И заторможенность. Но с каждой тренировкой Николаев стал все лучше переносить жару, все дольше просиживал в термокамере. И в конце испытаний медики в один голос отмечали: он отлично переносит воздействие высоких температур.

Жизнь шла своим чередом — тренировки, тренировки... До «финиша» Николаеву осталось уже совсем недолго. Начались последние очень важные для будущего полета исследования в макете кабины корабля «Восток». В назначенный день, надев скафандр, Андриян расположился в кресле тренажера. Здесь ему предстояло провести трое суток. Испытания прошли, как говорится, без сучка и задоринки: высокий уровень работоспособности космонавт сохранял в течение всего времени пребывания в макете корабля.

...Едва успели приземлиться «Восток-3» и «Восток-4», как в августовском номере «Огонька» появилась статья «Перед прыжком к звездам». Стояло над ней две подписи: А. Голиков, И. Касьян. Кажется, в ту пору я стал одним из первых космических врачей, которых «рассекретили» вездесущие журналисты. Ла и то не совсем: наверняка многие читатели и меня приняли за репортера, потому что тогда, на космической эры, я просто не мог писать от собственного имени. И всюду в очерке стояло безликое «врач»... Хочу привести здесь отрывок из этой статьи, написанной по горячим следам того памятного события.

«...Нам показывают фотографию: комната, стены которой затянуты светлой материей. На потолке толстые маты. А на полу, в середину которого вделан электрический плафон, шагает Андриян Николаев в космическом скафандре.

— Вы же держите фотографию вверх ногами,— улыбается врач.

— То есть как? Значит, по-вашему, Николаев шагает по потолку?

— Вот именно. Это он тренируется в отсеке на специальном само-Невесомость возникает пилотировании, а космонавты в это время выполняют различные упражнения. Как известно, в вестибулярном аппарате, кроме отолитов, есть три полукружных канала: горизонтальный, сагиттальный и фронтальный. Для тренировки горизонтального канала Николаев и Попович выполняли вращение вправо и влево, для сагиттального - крутили колесо, для фронтального — переднее заднее сальто. Выполняли они и фигуры высшего пилотажа — восходящий штопор, бочку; как видите, Николаев ходил по потолку.

Все упражнения выполнялись с открытыми и закрытыми глазами. У космонавтов координация движений не нарушалась, самочувствие было хорошее. Так, у Николаева пульс на земле до и после «полета» колебался от 72 до 88 ударов в минуту.

Врач достает журнал и читает сделанную там запись: «В процессе всего полета у Николаева самочувствие было хорошее. Координация движений не изменялась... Полет дал хорошую тренировку для преодоления вредного влияния невесомости...»

При полетах в невесомости производились и другие исследования: расширялся, например, ассортимент космических блюд, разнообразилось меню. Врач-экспериментатор открывает большой холодильный шкаф и показывает нам:

— Вот объекты исследования, опробованные на самолете.

На блюде лежат маленькие, завернутые в целлофан булочки величиной с абрикос. Их целиком мож-

но брать в рот.

А вот еще одна житейская проблема длительного космического полета. Звездолетчики пробовали бриться, чистить зубы. И тут выяснились некоторые сложности: пополоскав рот, выплескивать воду надо в особую посуду и аккуратно, а то она разольется по кабине.

— Бриться я и сам пробовал, говорит врач. — За два состояния невесомости намылил бороду, а на третий раз побрился безопасной бритвой. В общем, сносно, но нужно практиковаться. Лучше бриться механической...

Лля Николаева и Поповича подбирались специальные физические упражнения, которые они должны были выполнять полете. При В продолжительном космическом рейсе физзарядка совершенно необходима, иначе атрофируются мышцы.

В макете корабля «Восток» был прорепетирован весь полет от стар-

та до посадки.

...Заключение медиков было единодушным: «небесные братья» полностью готовы к беспримерным кос-

мическим рейсам».

...5 апреля 1961 года Ю. Гагарин, Г. Титов, А. Николаев, П. Попович и другие космонавты вместе с Н. П. Каманиным, методистами, врачами и инженерами вылетели на космодром Байконур, где проводились заключительные тренировки перед первым полетом человека на корабле «Восток». Сразу же успешного старта Юрия Гагарина Титов и его дублер Николаев стали готовить себя для более сложного односуточного полета.

И вскоре настал звездный час Космонавта-2. Провожал его и Николаев: «Счастливо тебе, Герман!» Они крепко обнялись и «поцеловались» гермошлемами. Титов всегда особым уважением отзывался о своем дублере. В книге «Моя голубая планета» он писал: «В отряде его ласково называют Андрюша, ла иначе, кажется, и невозможно обращаться к этому тихому, скромному и обходительному человеку, чья спокойная, доверчивая улыбка мгновенно располагает к себе и знакомых и незнакомых, командиров, старших по возрасту и званию, и нас, его товарищей».

Приземлившись, Герман Степанович много нового рассказал готовяшимся к «своему» полету к звездам Николаеву и Поповичу. Он особо подчеркивал, опираясь на собственный опыт: «Тренируйте, ребята, вестибулярный аппарат. Без этого нельзя». И не случайно именно этому было уделено особое внимание при подготовке к полету Космонавта-3 и Космонавта-4. Медики разработали специальный стенд с неустойчивой опорой, космонавт должен был на ней удерживать равновесие путем балансирования. Была предложена дополнительная регистрация физиологических показателей в полете, введены новые физические упражнения, укрепляющие устойчивость вестибулярного аппарата.

И наступил долгожданный день. Самолет Ту-104 с четверкой космонавтов, Н. П. Каманиным, другими специалистами взял курс на космодром Байконур. Здесь был установлен особенно строгий распорядок дня. Оба космонавта ездили в монтажно-испытательный корпус заключительных тренировок в корабле «Восток», «обживали» свои корабли, изучали технику, ежедневно тренировали вестибулярный аппарат, работали с бортжурналами,

CA

играли в теннис, волейбол. По наблюдению медиков Андриян Григорьевич в течение всего предстартового периода сохранял высокий эмоциональный тонус, собранность.

Накануне старта после ужина главный врач экипажа Андрей Викторович Никитин заставил Андрияна Николаева и Валерия Быковского лечь спать. Андриян перед сном взял томик Лермонтова, немного почитал и вскоре уснул крепким, глубоким сном.

Утро выдалось теплое, солнечное. Космонавты встали в шесть часов. выбежали на улицу, сделали небольшую пробежку и физзарядку, а в конце ее вылили друг на друга по холодной бодрящей Настроение у них было приподнятое. После завтрака Ю. Гагарин и Г. Тидали последние напутствия Космонавту-3. Андриян посмотрел на своего дублера и сказал: «Ну, Валерий, пошли на работу». Он снова взял под мышку томик стихов Лермонтова и вместе с Быковским они направились к медикам. Им измерили артериальное давление, подсчитали пульс.

На стартовую площадку ехали шумно, с песнями. Николаев сел впереди, рядом с Поповичем, а сзади расположились Быковский, Комаров и другие космонавты. Вскоре автобус подъехал к бетонной площадке и остановился. Николаев доложил председателю Государственной комиссии о готовности к полету.

За пять минут до старта частота пульса у Николаева была равна ста четырнадцати ударам, частота дыхания — девяти циклам в минуту. Внешне он оставался спокойным, сосредоточенным, на вопросы оператора давал четкие ответы.

В 11 часов 30 минут 11 августа 1962 года с космодрома Байконур стартовал «Восток-3». Сразу же после старта частота пульса у Николаева возросла до ста тридцати шести ударов в минуту. В начале невесомости у Андрияна появилось кратковременное ощущение наклона туловища вперед, после чего, по его словам, наступило «ощущение легкости». Первые шесть витков он старался меньше двигаться, особенно избегал движения головой, как ему советовал Титов, опасаясь появления дискомфорта. Но затем, по мере привыкания к условиям невесомости, расширил объем движений.

После взлета «Беркута» оба космонавта на орбите связались радио. Одновременное прохождение двух кораблей над приемными пунктами потребовало дифференцированного подхода к организации врачебного контроля. Руководитель медицинского обеспечения Владимир Иванович Яздовский периодически докладывал С. П. Королеву о состоянии здоровья космонавтов. Систематически осуществлялся медицинский контроль и самими космонавтами. В бортовом журнале Николаев сделал тридцать записей результатов самоконтроля. Почти на каждом витке полета он подсчитывал частоту пульса и дыхания, оценивал свое самочувствие и работоспособность.

В режиме у космонавтов был предусмотрен сон в те же часы, что земных условиях. Николаев спал крепким глубоким сном. Аппетит на протяжении всего полета был хорошим: по выражению самого космонавта, «аппетит земной, если не лучше». Суточная калорийность составляла две тысячи триста шестнадцать килокалорий. Все продукты были приготовлены в виде кусочков, долек, ломтиков таких размеров, которые были бы удобны для употребления. Во время приема пищи и воды космонавт никаких затруднений не испытывал. Системы регенерации и кондицирования воз-

духа в течение всего полета работали стабильно и обеспечивали космонавту комфортные условия. Скафандр был удобным и не затруднял лвижений.

Жизнь на корабле шла своим чередом. В свободные минуты Андриян Григорьевич читал В. Маяковского. Режим дня у космонавта был такой же, как и до полета, на земле. Такой «земной» изучать распорядок позволял точную периодику основных зиологических функций человека в полете. Впервые были получены более полные данные об адаптации космонавта к невесомости и о суточной периодике.

Большую часть программы А. Николаев выполнял, находясь в кресле, в скафандре. Длительное пребывание в одной позе и ограничение подвижности вызывало острую потребность в мышечной деятельности. Физические упражнения, выполненные в полете Николаевым, по своему объему и разнообразию выходили далеко за пределы рекомендованного гимнастического комплекса. По его словам, «мышечная работа разгоняла усталость, вызывала приятное чувство, поднимала настроение и бодрость духа».

Мы, медики, с волнением следили за полетом Андрияна и Павла, за состоянием их здоровья и работоспособностью. Согласно программе полета Андриян Григорьевич должен был впервые в мире освободиться от привязной системы и выполнить некоторые рабочие операции. На четвертом, восемнадцатом и тридцать четвертом витках Николаев освобождался от подвесной системы. В состоянии невесомости он вел наблюдение, проводил киносъемку, делал записи в бортжурнале, обедал и демонстрировал перед телекамерой различные предметы. Работал также с тумблерами и теле-

ключом. Через графным иллюминатор космонавт заснял восход солнца. Находясь в безопорном пространстве, он вступил в радиосвязь с Павлом Поповичем, припоздравительную телеграмму шестого Всемирного конгресса молодежи. Общее состояние Николаева при «свободном плавании» было хорошим, пульс не превышал семидесяти шести ударов в минуту.

Все физиологические показатели, данные радиопереговоров и телевидения свидетельствовали о том, что А. Г. Николаев хорошо перенес орбитальный полет и сохранил на достаточно высоком уровне работоспособность. И вот С. П. Королев сообщил ему о витке посадки и пожелал счастливого приземления. В расчетвремя включилась тормозная двигательная установка. Постепенно стали расти перегрузки. Космонавт отмечал сдавливание в области живота и груди. Но и в этот период он был спокоен и сосредоточен. Локлады его были ясными и четкими.

Наконец произошло катапультирование, вовремя раскрылись парашюты. Андриян развернул их по ветру и приземлился на родную землю. Через шесть минут произошла посадка Поповича.

Николаев быстро переоделся в легкий спортивный костюм, выпил воды. Вскоре появился самолет из поисковой группы, и врач Виталий Волович вместе с двумя солдатами на парашюте приземлился недалеко от космонавта. Он тепло поздравил Космонавта-3 с благополучным возвращением на родную землю. Андриян выглядел немного уставшим. Широкие черные брови, отросшая борода и усы усиливали смуглый цвет лица. Отмечалось умеренное эмоциональное возбуждение. Пульс после полета был сто десять ударов в минуту, артериальное давление -

сто двадцать на девяносто. В общем, все было нормально. Стояла тридцатиградусная жара, хотелось пить, и очень кстати пришелся арбуз, которым угостили его вертолетчики. Вертолет взял курс на Караганду. Туда же вскоре прибыл Попович. А утром следующего дня космонавты вылетели в Куйбышев.

Здесь их разместили в двухэтажном домике на берегу Волги, где после полетов отдыхали Гагарин с Титовым. Уставшие Андриян и Павел улеглись на кроватях и тут же уснули крепким земным сном. После их пробуждения медики приступили к сложной и ответственной работе. Каждый специалист подолгу «круосматривал космонавтов. И Их мнение было единодушным: после труднейшего орбитального полета у А. Г. Николаева и П. Р. Поповича не было выявлено каких-либо патологических изменений в организме.

...Шли годы. Центр подготовки космонавтов успешно готовил все новые и новые экипажи к космическим полетам на кораблях «Восход» и «Союз». Здесь очень пригодился личный опыт Андрияна Николаева.

И вот настал день второго его полета — 1 июня 1970 года.

На всем протяжении полета Андриян Григорьевич оценивал свое самочувствие как отличное или хорошее. Одним из новых медицинэкспериментов, выполненных Николаевым во время этого восемнадцатисуточного полета, было исследование показателей внешнего дыхания и газоэнергообмена. Выполнял он и другие пробы и наблюдения заданию врачей. Работал при самоотверженно, с большим чувством ответственности. Сон прежнему был глубоким. засыпал он быстро, как и на Земле. По словам космонавта, сон «всегда приносил свежесть и бодрость», хотя в начале полета он начинался с семи часов по московскому времени, а к концу полета начало сна сдвигалось к полуночи. Дважды в день Андриян выполнял часовой комплекс физических упражнений. Тренировался он с удовольствием, постоянно отмечал эффект «мышечной радости» от физических упражнений и «заряд энергии» на весь рабочий день.

Программой полета предусматривались и «выходные дни». Они использовались для активного отдыха, когда космонавт максимально освобождался от работы. В «банные дни» космонавты меняли белье и обтирали свое тело полотенцем, увлажненным лосьоном.

За восемнадцать суток полета А. Николаев и В. Севастьянов выполнили всю намеченную программу. Спуск и приземление корабля произошли благополучно в заданном районе.

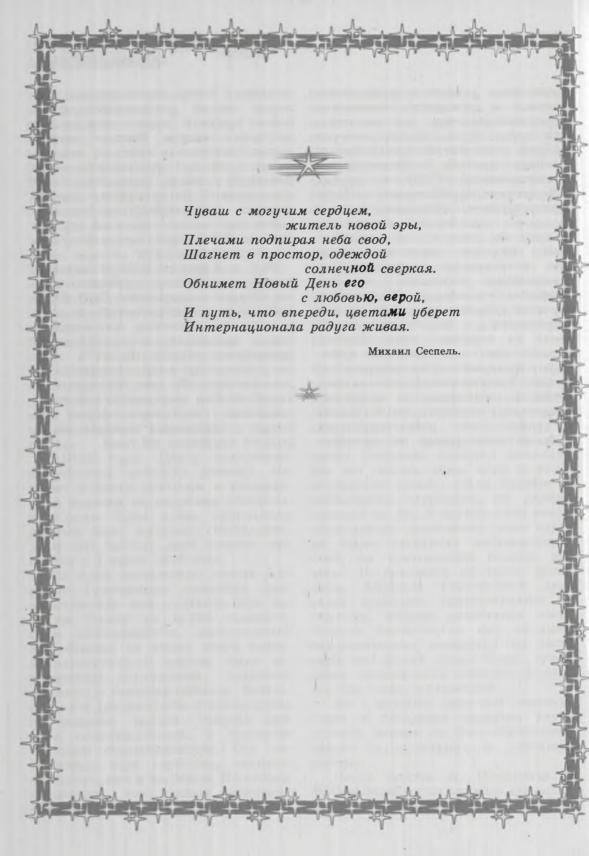
Но после второго полета дриян Николаев сообщил медикам, что его голова, руки, ноги и даже внутренние органы стали какими-то необычайно тяжелыми, он словно ощущал их вес. В первые часы после приземления космонавту даже трудно было сохранять вертикальную позу, он предпочитал больше жать. И, спускаясь по трапу само-Андриян Григорьевич гался медленно, придерживаясь за поручни, широко расставляя ноги. Однако, несмотря на это, он смог самостоятельно подняться по лестнице на третий этаж. Через сутки после приземления походка у него все еще была неуверенной.

Но с каждым днем его самочувствие и состояние здоровья улучшалось, вскоре он был совершенно здоров и приступил к любимой работе.

После полета А. Николаева и В. Севастьянова на корабле «Союз-9» медики получили очень важные,

уникальные данные о пребывании невесомости человека в условиях продолжительностью до восемнадцати суток. После тщательного их анализа в Институте медико-биологических проблем Министерства здравоохранения СССР других И лабораториях нашей страны на большом количестве обследуемых были проведены специальные экспериментальные исследования по моделированию факторов космического пов условиях гиподинамии с лета применением различных методов, стендов и тренажеров. Полученные научные данные позволили ученым разработать для физических упражнений на станциях типа «Салют» комплексные специальные жеры, тренировочно-нагрузочные костюмы. Ежедневные физические занятия по специальной программе дают теперь положительный эффект профилактике неблагоприятного влияния невесомости на организм человека. Этому способствовал также и заново регламентированный режим труда и отдыха космонавтов время полета. Экипаж живет, работает и спит по московскому времени с сохранением выработанных ранее на Земле биологических ритмов. За разработку профилактики неблагоприятного воздействия невесомости большой группе ученых была присуждена Государственная премия СССР.

Ну, а Андриян Григорьевич Николаев, как и раньше, работает много, усердно и одержимо. Свой большой опыт, приобретенный в двух космических полетах, он передает экипажам и одновременно новым занимается наукой. В 1975 он успешно защитил кандидатскую диссертацию. У него по-прежнему «космическое» здоровье, он подтянут, сохраняет спортивную форму. только опорошенные серебром виски выдают прожитые им годы.

мир рукоплещет героям

их имена останутся в истории

...Дорогой товарищ Николаев... Очень рад приветствовать Вас. Я восхищен, не знаю, какие слова подобрать, чтобы выразить свои чувства... Вы прославили нашу Родину, прославили народы Советского Союза и свой чувашский народ. Некоторые люди, особенно за рубежом, слабо знают национальный состав Советского Союза, не все знают, что есть Чувашская Автономная Республика. Теперь весь мир будет знать, что в Советском Союзе есть чуваши, что чувашский народ занимает достойное место в великой социалистической семье советских народов и вносит свой замечательный вклад в строительство коммунизма, в развитие техники, в освоение космоса.

...Думаю, что чуваши, как и все советские люди, испытывают чувство радости, гордятся вашим подвигом... Когда я работал на рудниках Донбасса, то там работало много чувашей, и я их

хорошо знаю, это трудолюбивый народ.

...Поздравляю вас. Очень рад. Горжусь. Признаюсь, очень волновался за вас... Все эти дни ходил по земле и думал, как вы летаете в космосе. Думал, как себя чувствуют наши космонавты товарищи Николаев и Попович...

Н. С. Хрущев (Из разговора по телефону. 15 августа 1962 года.)

Героический подвиг майора Николаева является новым блестящим подтверждением постоянных и несравненных успехов советских ученых, техников, космонавтов в завоевании космоса.

Полет «Востока-3» наполняет радостью всех пролетариев и всех друзей

Советского Союза.

Слава майору Николаеву! Слава советскому народу — строителю коммунизма!

Морис Торез, Генеральный секретарь французской Компартии

Мы живем в век чудес и великого прогресса науки. Еще одно такое чудо — новые космические корабли «Восток-3» и «Восток-4», пилотируемые космонавтами майором Андрияном Николаевым и подполковником Павлом Поповичем...

Полет двух космических кораблей «Восток-3» и «Восток-4», положивших начало групповым полетам в космосе,... служит не только счастью советского народа, но также и интересам народов, борющихся за свою независимость, в интересах мира и человечества. Поэтому трудящиеся всех стран считают эту новую победу СССР своей собственной победой, которая наполняет их радостью и уверенностью в будущем.

...Посылаем самые горячие поздравления двум новым героям космоса

говарищам Николаеву и Поповичу.

От имени Центрального Комитета Португальской Коммунистической партии Алваро Куньял

...Вся Япония, затаив дыхание, следит за первым в истории человечества групповым космическим полетом. Мы ожидали осуществления столь грандиозного деяния, но не думали, что оно совершится так быстро. Совместный групповой полет советских космонавтов Николаева и Поповича позволит людям открыть новые, до сих пор недоступные для них секреты космоса, сделать крупный скачок в его освоении.

Сандзо Носака, Председатель ЦК Компартии Японии

Нью-Йорк, 12 августа (ТАСС). Как передает корреспондент агентства Юнайтед Пресс Интернейшнл, папа Иоанн XXIII в своем обращении к народу из летней резиденции заявил: «Мы хотим упомянуть молодого космонавта в наших молитвах». Он, по-видимому, не знал, что сегодня запущен и космический корабль «Восток-4» с космонавтом П. Р. Поповичем.

...От имени народа Кубы, революционного правительства и от нас лично горячо поздравляем советский народ и Советское правительство, славных космонавтов майора Николаева и подполковника Поповича с этим чудесным подвигом!..

Президент Республики Куба доктор Освальдо Дортикос Торрадо.

Премьер-министр Революционного правительства майор Фидель Кастро Рус

Шлю всему советскому народу самые сердечные поздравления от народа и правительства Соединенных Штатов по случаю выдающегося группового полета майора Николаева и подполковника Поповича. Это новое достижение является важным шагом вперед в великом дерзании человечества — мирном исследовании космоса. Американские астронавты вместе со мной салютуют майору Николаеву и подполковнику Поповичу.

«Эти исторические подвиги, как они будут названы в анналах научных знаний о космосе,— заявил Иоанн XXIII,—могут стать выражением истинного и мирного прогресса на пути к закладке прочных основ человеческого братства».

Мне хотелось бы по-матерински прижать к своему сердцу советских космических героев. Недуг приковал меня к постели. Но подвиг Андрияна Николаева и Павла Поповича, словно исцеляющее лекарство, придает мне бодрость и силу. Как порадовался бы вместе со всеми нами Эрнст Тельман, который так самозабвенно любил советский народ и так страстно верил в его творческий гений и созидательные силы!

Роза Тельман, ГДР

Думаю, что выполню желание всех жителей Варшавы, если наряду с сердечными поздравлениями Андрияну Николаеву и Павлу Поповичу выражу также надежду на то, что мы будем иметь возможность сердечно, по-братски приветствовать космонавтов также в Варшаве. Приезжайте, пожалуйста, к нам. Варшавяне и варшавянки ждут вас с цветами.

Януш Зажитикий, Председатель Рады народовой Варшавы

С великой радостью узнал я о полете двух космических близнецов. Поздравляю советских людей с успехом. Каждый виток кораблей «Восток-3» и «Восток-4» вокруг Земли ложится обручем на силы войны, сковывая их. Это новая победа дела мира!

Херлуф Бидструп, датский художник

Конечно, мы, американцы, немного завидуем новым грандиозным успехам Советского Союза в области мирного освоения космоса. Но это чувство не мешает мне передать мистеру Николаеву и мистеру Поповичу самые сердечные поздравления, пожелания крепкого здоровья и дальнейшего совершенствования их замечательной профессии.

> Л. А. Мэтьюз, США

О запуске корабля «Восток-3» я узнал перед вылетом из Еревана, но не успел приземлиться во Внукове, как нам сообщили о полете нового советского космического корабля.

Превосходно! Так хорошо, что словами не выразишь. Хочется работать и создавать картины, которые показали бы, как прекрасен наш мир. Пусть

же цветут сады, а не падают бомбы. Космос — это широкая арена для мирного сосуществования.

. Рокуэлл Кент, американский художник

У народа Бирмы есть поговорка, что героический человек может и звезду достать с неба. Я надеюсь, что Николаев сделает это в своем путешествии. Я ему шлю все свои силы на помощь.

 $\it Hbo\ Mbs$, бирманский журналист

В золотую книгу величайших достижений человечества вписаны новые имена — Андриян Николаев и Павел Попович. Человечество с затаенным дыханием следит за их полетом. Трасса их орбитального полета — это трасса мира.

У. Маклеод, Новая Зеландия

Звезды уже понимают по-русски. Может быть, и говорят на этом языке. Сегодня они слушают чувашский и певучую украинскую мову.

Вот вам и еще один яркий пример животворной дружбы народов нашей родины... Я верю, что звезды услышат и гортанный клекот грузинского, и медленную задумчивость туркменского, и гордую величавость армянского, и строгую чеканность латышского: языки всех народов, населяющих нашу страну.

Сегодня в звездной перекличке двух межпланетных кораблей, рассекающих Вселенную, я слышу священную мелодию Интернационала.

Евгений Евтушенко

...Сегодня 12 августа 1962 года. Моему сыну, которого носили на руках красноармейцы, освобождавшие Прагу, в этот день исполнилось восемнадцать лет. Но я не могу полностью отдаться семейному празднику. Я сижу у радиоприемника и записываю каждое сообщение о полете А. Г. Николаева. Если не ошибаюсь, он как раз заканчивает семнадцатый оборот вокруг Земли... Лесовод Андриян, подобно былинному богатырю, забросившему выше облаков свою дубинку, вонзит свой топор в небесный свод. Но насколько грандиознее, насколько фантастичнее этот современный бросок против всей фантастики древних былин!..

Но что это? Сейчас 10 часов 27 минут по пражскому времени. Радио обрывает концерт, и вдруг раздается голос, сообщающий, что вслед за космическим кораблем «Восток-3» в космос летит «Восток-4». Фантастично, и все же это правда! Николаев и Попович, еще вчера никому не известные, а сегодня прославленные на весь мир советские граждане, открыли новую эпоху космонавтики, эпоху групповых полетов. Да, Николаев с Поповичем уже летят вокруг земли вдвоем, уже создали советский коллектив.

...Помни же, мой сын! Когда тебе еще не было года, советский воин вы нес тебя из темного подвала на солнце, поцеловал и сказал: «Не бойся война уже окончилась, настал мир!» Его младшие братья, штурмующие сейчас космос с таким же энтузиазмом и неустрашимостью, с каким об освобождал тогда Прагу, отдают свои лучшие силы во имя того, чтобы когда-то всем народам мира сказать на мелодичном русском языке: «Не бойтесь, люди, войны уже никогда не будет! Да здравствует мир!»

Ян Дрда чешский писатель

...Четыре дня люди всей земли слушали далекие и близкие голоса сразу полюбившихся им Андрияна Николаева и Павла Поповича. Снова и снова к Земле неслись слова прекрасного русского языка, языка Ленина и Радищева, Пушкина и Маяковского, языка, на котором впервые в истории человечества прозвучал государственный Декрет о мире...

Андриян Григорьевич взял с собой в космические дали и в космическую тишину книгу стихов трибуна, автора могучего вступления к поэме «Во весь голос» Владимира Маяковского. Да, сильная, земная, коммунистическая поэзия нужна человеку и на Земле, и в космосе! Я заканчиваю эти заметки, когда радио разносит радостную весть; космонавты благополучно вернулись на свою родную Землю. Мы мысленно обнимаем их. Земля— не остановка для нас. Земля— это родной дом. И они вернулись домой. Но... полет продолжается.

Димитр Методиев, болгарский поэт

...Я был поражен и восхищен, узнав, что во время полета космического корабля «Восток-4» бесстрашный космонавт Павел Попович пел Андрияну Николаеву его любимую песню «Я люблю тебя, жизнь!» Советские космонавты, отправляясь в трудный и опасный рейс, были бодры и веселы. Они шли на подвиг с песней и томиком стихов Маяковского. Это блестяще, феноменально!

Павел Попович в своем интервью перед стартом в космос сказал, что он любит слушать пение птиц и завывание ветра, любит слушать голос лягушек весной. Все эти земные звуки он берет с собой в космос. Для меня, писателя, важна вот эта простая человеческая связь со всем земным, то, что заставляет человека любить жизнь, наши радости и печали.

В понедельник вечером 13 августа я вышел в сад, чтобы подышать воздухом. Легкие облака, подгоняемые ветерком, на мгновение скрывали звезды, а потом вновь открывалась бездонная глубина Вселенной...

А в это же время, как мне удалось узнать наутро, в ночном небе над Англией пролетал Андриян Николаев. И мне тогда показалось, что каждая клеточка моего существа ощущала его присутствие. Это никогда не изгладится из моей памяти! Это — олицетворение огромного мужества и в то же время человеческого доверия и солидарности, победы человеческого разума над тайнами Вселенной!

В этот величественный и прекрасный момент мы поняли, что еще не утратили способность удивляться и волноваться... И сегодня мы вглядываемся в небо, стремясь не столько увидеть собственными глазами этих двух удивительных космических близнецов, сколько установить с ними сердечный контакт. Сегодня мы не знаем, чему отдать предпочтение: то ли телевизору, на экране которого мы видим образы космонавтов, донесенные до нас с фантастической орбиты московским телевидением, то ли радиоприемнику, передающему последние сообщения о них. Сегодня мы полны энтузиазма, как дети... След, оставленный астронавтами в космосе, ведет нас к сверкающим дорогам будущего... Приобретает смысл слово «человечество», приобретает смысл слово «братство». И ведь эти именно слова прозвучали с новым оттенком в неожиданном и волнующем послании папы Иоанна XXIII, который молился за жизнь молодого космонавта.

Я человек неверующий, но мне кажется, что те, кто верит в бога, могут вложить в молитву все то самое лучшее, что есть в них самих... Выступление папы римского свидетельствует о всеобщем восхищении подвигами советской науки... Нет сейчас такого человека, который бы не восхищался той уверенностью, смелостью и точностью, с которыми Советский Союз прокладывает нашей старой планете путь к завоеванию космоса, кто не восхищался бы гуманностью и величием фантастических полетов, следующих один за другим.

Ну, а о всеобщей горячей симпатии к астронавтам и говорить не приходится. Их лица, такие простые, спокойные, открытые, сразу же стали близки каждому.

Джанни Родари, итальянский писатель

У меня кружится голова... Полет человека в космос — для меня абсолютная тайна. Несмотря на это, меня интересуют все сверхъестественные вещи, а ведь обыкновенному человеку кажется действительно сверхъестественным то, что во Вселенной одновременно летают два молодых космонавта, которые в довершение всего разговаривают между собой и посылают нам на Землю краткие приветствия.

Я имел счастье лично встретиться с Юрием Гагариным, пожать его руку. По-моему, рукопожатие мужчины раскрывает его характер. В рукопожатии Гагарина была доля стали. Оно без лишних слов говорило о том, что и нервы у него стальные.

У меня сложилось твердое убеждение, что и небесные собратья Гагарина — Титов, Николаев и Попович, — здороваясь, также протягивают твердую и мужественную ладонь, пожатие которой показывает волю, бесстрашие, целеустремленность.

По-моему, Андриян Николаев и Павел Попович оказали услугу не только своему Отечеству, но и всему человечеству. Их имена останутся прочно в истории наряду с именами Гагарина и Титова. Я мысленно пожимаю железные руки этих людей...

…Да, устарел, вышел теперь из моды Меркурий, посланец богов. А как удивился бы, даже испугался бы, наверно, крылатый Меркурий, если бы он встретился с этими звездными пилотами, которые, и не имея его крылатых сандалий, летают не хуже, так что недосягаемое прежде царство богов скоро превратится в территорию, освоенную человеком...

Подумать только, что красный флаг развевается вне пределов Земли, где он был поднят впервые, что его несут все дальше и дальше, в невиданные

дали, на расстояние, недоступное человеческому взору.

Я поднимаю бокал за смелых людей, пролагающих путь по сокровенным

местам, вступающих в дружбу со звездами...

Я молился за их благополучное возвращение на родную Землю, к своему народу... Из самой глубины сердца шлю вам мои поздравления. Вместе с поздравлениями примите мою любовь — неизменную с 1917 года.

Шон О' Кейсн, ирландский писатель

Я был в шахте недалеко от Софии, когда «Восток-3» взлетел в космос... Я летел в Москву, когда узнал о полете корабля «Востока-4»... Услышав весть, все находившиеся в самолете инстинктивно взглянули на фиолетовое небо, словно где-то там можно увидеть новый космический корабль, и мы опять и опять смотрели вверх, хотя и были высоко над Землей.

...В космосе — двое. Удивительно! Истинное влияние этого скажется не столько на исследовании в области космоса, сколько на нашей повседневной жизни: пока вы можете демонстрировать такое преимущество в области исследования космоса, я могу гораздо спокойнее спать у себя в Англии.

...В жизни нужны крылья, хотя многие из нас и не могут летать. Мы все были в космосе рядом с вашими космонавтами, так же как и с американ-

скими. Мы представляем себе космос интернациональным.

Николаев и Попович — советские герои, герои космоса. Они двинули науку вперед. Мы все стали лучше с тех пор, как «Восток-3» и «Восток-4» вышли в космос.

Джеймс Олдридж, английский писатель

...Среди моряков разных стран около ста лет бытовало суеверие, что понедельник тринадцатого — день тяжелый... Человек не в малых годах, вдобавок бывший моряк, я, по правде, не совсем спокойно думал о третьем дне полета: наука наукой, а все-таки в понедельник 13-го крутиться вокруг Земли — не очень-то ладно. Хорошо, если наши космонавты не знают этой приметы.

А вдруг узнают?.. Это же может нарушить психику. Но когда потом с таким близким научным расчетом, как миноносцы, входящие в гавань, Андриян Николаев и Павел Попович один за другим отдали якоря в интервале нескольких минут, я понял, что присутствую не только при очередной победе над космическими просторами, но и при крушении давнего суеверия...

Да, космос становится своим. Много веков назад астрономы и астрологи населили звездное пространство мифическими существами — Львом, Девой, Водолеем, Козерогом, Скорпионом — созвездиями, составившими Зодиак,

путь солнца в пространстве. Среди них есть созвездие Близнецы с двумя яркими звездами — Кастором и Поллуксом. Теперь коллективный разум советской науки и техники создал условия для появления в небе других небесных близнецов, советского происхождения — Андрияна и Павла...

Леонид Соболев

СТРОКИ ИЗ ГАЗЕТ

Берлин, 13 августа (ТАСС). Один из самых молодых жителей столины ГДР, родившийся три дня назад, назван в честь третьего советского космонавта Андрияном. Молодая счастливая мать сказала: «Мой сын Андриян должен видеть в советском космонавте для себя образец».

Приветствие горняков Остравы советским космонавтам:

Шахтерский привет из остравских глубин Примите в просторах межзвездных долин. И знайте — тот уголь, что шел на-гора, Был нашим ликующим, гордым «vpa!» Пусть вскоре к Луне понесут вас ракеты, А после Луны — на другие планеты.

> «Руде право», Прага

От этих русских никуда не денешься. Нам придется снова говорить: «Чудесно, фантастично, феноменально», -- настолько впечатляюще их мастерство, выразившееся как в запуске, так и посадке двух кораблей... Они совершили такие подвиги, которые американцы еще не пробовали совершать».

> «Дейли Мейл» Великобритания

«Космическим миллионером» называет сегодня печать пилота «Востока-3». Энди*— один из русских космических близнецов,— вчера вечером отметил свою миллионную милю на орбите и продолжает нестись вперед. Ему понадобилось сделать 40 оборотов вокруг Земли, чтобы стать первым космическим путешественником, сделавшим миллион миль».

«Дейли миррор»

^{* «}Энди» — уменьшительное от «Андриян». Так англичане ласково окрестили Николаева.

**

³Андриян Николаев зажег в небе нашей планеты свет, который является вестником мира, но одновременно и предостережением тем, кто может оказаться настолько безумным, чтобы попытаться силой уничтожить коммунизм».

«Юманите—Димани»

«Да здравствует Андриян Николаев! Мы думаем о нем. Ждем его. Он наш друг в небе».

«Революсион», Куба

девочка слушает космос

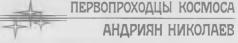
Девочка слушала сказки О ковре-самолете, О крылатом Икаре, О летающем сундуке; Смотрела большими глазами В синее-синее небо, и ее ручонка тревожная дрожала в моей руке. Сейчас она слушает радио во дворе нашего дома. Гулкий, невнятный космос, Словно струна, звенит... Как там сейчас Николаев? Скоро ли он вернется?

Девочка, не отрываясь, Смотрит в синий зенит. Слушай радио, Маленькая, внимательно слушай радио. Рождается новая сказка — Мечта и правда твоя. И мне представляется космос Как полотно Васнецова: Среди необъятного поля три русских богатыря...

Нагиб Сурур, египетский поэт

Копенгаген, 12 августа (ТАСС). Простая датская женщина, жена каменщика Р. Вилладсен, прослушав сообщение из Москвы, сказала: «Мы рады, очень рады за Страну Советов. Большое впечатление на нас, простых людей, произвел интерес, проявленный космонавтом Николаевым к футболу. Быть в таких условиях и интересоваться обычными земными делами,— исходом футбольного матча,— это трудно себе представить».

Валентина Иванова, Михаил Иванов

ШОРШЕЛЫ — КОСМОС — ШОРШЕЛЫ

В чувашском фольклоре веками жило поверье о «крыше синего неба»: высоко-высоко находится она и открывается очень редко, только на короткий миг, да и то лишь избранным. Но народная мудрость верила: такое возможно! И что человек, если сильно захочет, сможет наяву увидеть это чудо. И тогда смело проси у неба что угодно — все получишь с лихвой, исполнится любое, самое заветное твое желание...

Космос... Самое популярное и привычное слово последних десятилетий. Слово древнее и юное одновременно. Оно пришло к нам из легенд, из далекого далека, в ореоле романтической недосягаемости. Оно было чем-то сродни Мечте, это слово, и долго считалось лишь источником вдохновения народных сказителей да поэтов-романтиков. И вдруг, как говорится, на наших глазах и в наших устах оно стало как бы совсем земным, будничным, деловым...

Тот памятный день, 12 апреля 1961 года, и чудесное русское имя Юрий Гагарин давно уже высечены золотом в истории человечества. Потом мы жадно ловили весточку о новом звездопроходце и гадали о том неизвестном, кто был его дублером, кому суждено стать третьим пионером освоения космоса. Говорили об этом и на Волге, в небольшом чувашском селении с поэтическим названием Шоршелы. Задавали сельчане такие вопросы и приехавшему домой в отпуск вскоре после приземления Космонавта-Два Германа Титова невысокому, коренастому летчику с кустистыми черными бровями, хотя и понимали, что и он вряд ли может знать что-либо больше того, о чем пишут газеты. Но Андриян Николаев — так звали

чика, нередко гостившего в родных Шоршелах, — только помалкивал да улыбался в душе в ответ на такие вопросы.

И вдруг, ровно через год, когда вновь пришел на Волгу солнечный август, -- сенсационная новость:

«Советский пилот

Андриян Николаев...

Майор...

Коммунист...

Чуваш».

«Чуваш...

Чуваши...

На земле их немного,

Но только лишь ты.

наш советский народ,

Их сына сумел

звездолетной дорогой

Поднять

до космических

дивных высот».

Это написал поэт Александр Безыменский, с доброй завистью признаваясь: «Анкету его, как поэму, читаю... Подобной поэме все сердце отдашь!»

Имена чуваша Андрияна Николаева и его звездного брата украинца Павла Поповича облетели в те дни весь мир. Изумленная планета лихорадочно выискивала в языках своих народов самые яркие эпитеты и щедро, словно аплодисменты героям космоса, выбрасывала их в эфир, заполняла ими газетные и журнальные страницы. И в лавине разноязычных говоров то и дело мелькали слова: «Волга», «Чебоксары», «Шоршелы»...

Нам в эти дни, если подходить с журналистской меркой, чертовски повезло: беспокойная репортерская профессия сделала нас очевидцами

незабываемых событий. Вот уже более четверти века, не тускнея, хранятся в памяти впечатления о них.

Один из нас уже через час после того, как Юрий Левитан взволнованно объявил на весь мир о старте космического корабля, очутился в Шоршелах (хотя и добирался туда из Чебоксар «на перекладных», ведь прямой дороги, как сейчас, туда еще и в помине не было...) Итак, 11 августа 1962 года. Шоршелцы, как обычно в горячую пору уборочной страды, с зарей вышли в поле, убирали хлеба, чистили, сушили и вывозили зерно, механизаторы обмолачивали скошенный горох, вели сев озимых. Словом, был обычный трудовой день. Но едва на сельских улицах торжественно заговорили громкоговорители и люди с замиранием сердца выслушали сообщение ТАСС, как он перестал быть для них обычным. В селе уже никто не мог продолжать привычные дела, оставаться на рабочем месте, усидеть дома. Людской поток стекался к маленькой, неказистой, обветшалой от времени деревянной избенке, где родился Космонавт-Три — майор Андриян Григорьевич Николаев. Впрочем, избушка эта уже отжила свой век, в последние два-три года Николаевы всей семьей и с помощью соседей, колхоза, как издревле водилось в чувашских селениях, поднимали рядом с ней новый просторный дом из кирпича. И как раз совпало, что к началу полета Андрияна семья только-только справила новоселье, но старый дом, который позже стал частью сельского мемориального исторического музея Космонавтики, оставался еще на прежнем месте.

Обняв друг друга за плечи, напряженно вслушиваясь в каждое слово диктора, молча стояли у репродуктора братья космонавта, необыкновенно похожие на него: Иван, работник леспромхоза, и Петр, кол-

хозный шофер, самый младший в семье, будущий председатель шоршелского колхоза имени А. Николаева. Тут же была и приехавшая из Чебоксар их сестра Зина, медсестра, начали собираться родственники и соседи. Пожать Николаевым руки, поздравить их от всей души подходили все новые и новые люди, они приезжали уже и из соседних деревень, и из райцентра, и из столицы республики. Вскоре на веранде дома, со стороны улицы, односельчане установили портрет героя космоса — улыбающееся открытое лицо, чуть прищуренные, с лукавинкой глаза.

То и дело звонил телефон: протянув от сельсовета провода, его весьма оперативно установили в доме Николаевых районные связисты. Неожиданно братьев космонавта вызвали на связь журналисты Всесоюзного радио: не хотят ли они послать весточку Андрияну Григорьевичу? И опять раз за разом вызывает Шор-Москва. Потом сердечный привет И поздравления передает родным космонавта, его односельчанам столица Украины. Затем далекого села на Волге доносятся голоса из Болгарии: это из Софии поздравляют чувашских братьев болгарские журналисты. Звонки, звонки. Ленинград, Горький, снова Куйбышев, Казань, Ульяновск... Теплые слова привета и добрых пожеланий, просьбы рассказать хотя бы в двух словах о матери, о семье космонавта.

Уже вся улица запружена народом, с поля подъезжают и подъезжают колхозники, что-то весело кричат из кузова грузовика пионеры — ученики Шоршелской школы-восьмилетки, которую окончил в свое время Андриян Николаев.

И вскоре перед домом начинается митинг. Односельчане единодушно решают послать своему зем-

ляку телеграмму. Отправляется она по необычному адресу: Космос, борт корабля «Восток-3».

Анны Алексеевны, матери космонавта, не было в тот день в Шоршелах: незадолго до этого она прихворнула и находилась в больнице в Чебоксарах. Сообщение ТАСС застало ее за привычным материнским занятием: она в который раз уже перебирала письма Андрияна. Совсем вроде недавно получила от него такую весточку: «Возвратился с побережья Черного моря. Загорел хорошо. После возвращения хотел было лететь в Чебоксары, к Bam в гости, да меня вызвали на работу. Ничего, догуляю отпуск потом».

 Вот, хотел прилететь домой, умчался в даль дальнюю, звездам, - растерянно приговаривала Анна Алексеевна, поблескивая повлажневшими глазами. И все вспоминала, как он заглядывался когда-то в детстве на звезды. Однажды, еще пятилетним малышом, долго-долго глядел на небо, стоя на крутом берегу Цивиля. Потом мечтательно произнес: «Как далеко видно, Теперь вот, самого края земли...» похоже, и за «краем земли» побывал. Эта горка у околицы села стала его первым трамплином для полета к звездам. Зимой, бывало, лихо скатывался с нее вниз на самодельных салазках, подпрыгивая на ухабах, ажно дух захватывало. Став постарзапускал отсюда бумажного змея и самолеты, что мастерил собственными руками.

Здесь же, на Цивиле, однажды вместе с одноклассниками запускал и «ракету», сообща построенную на уроках физики. С виду это была обыкновенная, довольно неуклюжая тележка, но с собственным двигателем, начиненным какой-то гремучей смесью. Когда «изобретатели» запалили эту смесь, тележка под восторженные вопли ребят, набирая

скорость, покатилась к обрыву, оставляя за собой длинный шлейф огня и дыма. Потом она со страшным шумом плюхнулась в овраг. Правда, слово «ракета» тогда еще было не в ходу в деревенском обиходе, да и настоящий самолет в ту пору еще мало кто из шоршелских мальчишек видел «живьем», и ребята окрестили свою тележку «огненной стрекозой».

...Просто поразительно, как быстро слухами земля полнится: только-только передали по радио сообщение о полете «Востока-З», а уже, кажется, полгорода собралось здесь, в больничном дворе, чтобы поздравить мать славного Сокола. В числе самых первых был тут молодой мастер Чебоксарского электроаппаратного завода, страстный цветоводлюбитель. Выбежав в перерыв из проходной, он бросился ловить такси.

«Я не помню случая, чтобы в Чебоксарах нельзя было нанять такси, - рассказывал он назавтра на страницах республиканской газеты.— А тут целое столпотворение, останавливают прямо на ходу. Куда? в Шоршелы... Я долго Конечно. объяснял шоферу, что мне обязательно надо ехать, что за городом у меня в саду растут прекрасные георгины. Он и слушать меня не хотел. Но когда понял наконец, что я хочу преподнести эти цветы матери Космонавта, он даже обиделся: «Так бы и сказал сразу!» И вот букет у меня в руках. Я нашел ее, мать космонавта. Поклонился до земли этой простой чувашской женщине и протянул ей цветы. Их было у нее уже много. А люди шли и шли, и у всех в руках были цветы».

Целую охапку ярких гладиолусов, астр преподнесли Анне Алексеевне и на дизель-электроходе «Ленин», который пришвартовался в эти памятные дни в Чебоксарах. Пристань была тогда буквально в нескольких шагах от больницы, где

лежала Анна Алексеевна. И капитан флагмана волжского речного флота от имени пассажиров перед стоянкой заранее послал в столицу Чувашии радиограмму: «Очень хотелось бы встретиться с матерью Космонавта-Три». Врачи разрешили Анне Алексеевне в этот теплый августовский день небольшую прогулку, и вот уже она на палубе дизель-электрохода, в тесном людском кольце. Были здесь москвичи и ленинградцы, харьковчане и красноярцы, ивановские текстильщики и тульские оружейники, норильские шахтеры и свердловские машиностроители, жители Самарканда и Риги. И целый шквал вопросов обрушился на невысокую пожилую женщину в белом, горошками, ситцевом платочке, покрестьянски повязанном на каким был в детстве герой космоса, чем больше всего интересовался, где и как учился, часто ли бывает в родном селе?..

Непрерывно щелкали затворы фотоаппаратов — как не сфотографироваться всем вместе на память. Со всех сторон Анне Алексеевне и сопровождавшему ее старшему сыну Ивану протягивали открытки, книги с одной просьбой: «Поставьте автограф!». Иван Григорьевич отшучивался: «Так не мы же в космосе!» На прощанье дорогим гостям вручили преогромный полосатый астраханский арбуз, на котором сам капитан собственноручно вырезал: «Матери Космонавта от экипажа и туристов».

В тот же день, вскоре после отплытия дизель-электрохода, одному из авторов этих строк довелось побывать в больнице у Анны Алексеевны по заданию Всесоюзного гостелерадио. Мне, работавшей тогда в редакции республиканских известий Чувашрадио, поручили записать на пленку голос матери Космонавта, чтобы послать это «говорящее пись-

мо» на борт «Востока-3». Я знала уже, что Анна Алексеевна, как и многие другие чувашские женщиныкрестьянки, весь век безвыездно прожившие в деревне, очень застенчива, стеснительна. А тут - первое в жизни радио-интервью... На всякий случай, как водилось в ту пору в журналистской практике, заранее набросала для нее небольшой текст. Но пришла с магнитофоном через плечо в маленькую гулкую палату и опешила от неожиданности: битком народу! Здесь и медики, и соседи по отделению, и представители городских властей, посчитавшие своим долгом лично присутствовать такой ответственной записи... Анна Алексеевна, гляжу, совсем растерялась, ни сама от волнения слово вымолвить не может, ни прочесть мою «шпаргалку» не в состоянии -слезы волнения застилают ей глаза. Секунды, минуты так и бегут, а ведь через час «говорящее письмо» должно быть передано по проводам в Москву, а оттуда — прямиком в космос. И тогда вдруг пришло неожиданное решение. «Любимый сын мой, Андриян, это я с тобой говорю», — тихонько, только для Анны Алексеевны, начала я, включив магнитофон. «Любимый сын мой. Андрюща, это я с тобой говорю, твоя мама», - повторила она. И в той же вроде поначалу интонации и совсем по-своему, по-матерински, словно пропустив каждое слово через собственное сердце. И вот уже напрочь забыла она о многочисленных прошеных «зрителях», о недавнем своем волнении, сидела, напрягшись, как струна, устремив неподвижный взгляд куда-то в сторону, и никого не слышала и не видела вокруг, кроме родного своего Андрияна, летавшего в этот миг где-то в далеких звездных мирах. Мать один на один говорила с сыном. И так звучал ее дрожащий от сдерживаемых

голос, что комок подступал к горлу, и звенящая тишина повисла в до отказа набитой разным людом комнате.

«Родной мой, ты сейчас от нас далеко-далеко, третьи сутки в пути. И все эти дни я сердцем с тобой». и откуда слова-то такие душевные находила... Умолкла на секунду, длинно вздохнула, пригорюнившись, и с тем же милым, мягким акценпродолжала: «Андрюшенька! О тебе, о твоем друге Павле думаю не только я, а все люди. Я знаю, ты все сделаешь как надо, все выполнишь до конца. Материнский поклон тебе, сынок. Поклон и тебе, Павел Романович. Дети мои! Как хочется скорей обнять вас... До скорой встречи, родные!» Вскоре эта магнитофонная запись была уже в Москве, вовремя поспела она к очередному сеансу космической связи с «Востоками».

И вот уже на исходе последние сутки первого в мире совместного космического полета. В эфире новое сообщение ТАСС. Анна Алексеевна прильнула к репродуктору, пальцы нервно теребят концы платка. Хоть и радостный голос был у Левитана, когда объявлял он, что сейчас будет передано важное известие, но мать очень волнуется. И вот, наконец, долгожданные слова: «Космические корабли «Восток-3» и «Восток-4» приземлились нормально... Оба космонавта чувствуют себя хорошо».

— Слава богу! — шепчут ее губы. — Спасибо, родные... И вновь, не успел еще смолкнуть голос Москвы, комната заполняется людьми. Анну Алексеевну обнимают, поздравляют. А она сразу как-то неуловимо помолодела, будто живой водой омылась.

Ей не терпится скорее услышать голос сына. И вот в соседней комнате раздается телефонный звонок:

— Андрюша, ты? — кричит трубку Анна Алексеевна. - Как вы там? Как себя чувствуете?

- Вашего сына здесь пока нет,отвечает ей далекий голос с другого конца провода, из Байконура.— Он сейчас на пути с точки приземления к месту отдыха. У него все в порядке, цел и невредим. Не беспокойтесь!
- Передайте ему, что мы очень волновались за него и за Павла,просит мать, - пусть сразу позвонит!

— Обязательно! Он и сам обещал вам скоро позвонить.

Анна Алексеевна не знала тогда, что чуть ли не в эти же самые минуты Андриян с волнением держал в руках ее большую фотографию с ее же собственноручной надписью: «Дорогой сынок! Горячо поздравляю тебя, горжусь тобой. Крепко целую». Едва Андриян Григорьевич сошел с трапа самолета, доставившего небесных братьев с места приземления в город на Волге, где им предстояло какое-то время отдыхать, «акклиматизироваться» после своего полета, как этот портрет вручил ему один из встречающих:

— Приехали ваши земляки-журналисты, просили передать вот этот подарок...

Он взглянул на снимок, бережно прижал к груди, у него даже глаза повлажнели от волнения.

— Мама... — растроганно прошептал он. — Спасибо. — И тут же поинтересовался: - А где же земляки? Очень хочется встретиться.

Но в этот миг звездные братья не принадлежали себе, они были целиком во власти неумолимой космической медицины. А потом сюда прибыла Государственная комиссия. Да и журналистов съехалось отовсюду, из всех центральных газет видимоневидимо. Центральной-то как водится, «зеленая улица», а у «провинциальных» репортеров, при-

бывших сюда на свой страх и риск, полномочия были, мягко говоря, недостаточными, тем более, что медики стеной стояли на страже здоровья космонавтов. И, уже ни на что не надеясь, журналисты из Чебоксар, как они вскоре подробно рассказывали об этой поездке на страницах газеты «Советская Чувашия»*, приобрели билеты на обратный путь и начали собираться домой. И вдруг их позвали к телефону. Коротко сообщили:

— Вы встречаетесь с Андрияном Григорьевичем в 16.00. Просим прибыть за полчаса.

Так фотография Анны Алексеевны, матери космонавта, сослужила находчивым журналистам неоценимую службу, стала поистине волшебной палочкой, открывшей им все двери... Они встретились на открытой веранде над крутым волжским обрывом. Рядом с «небесными близнецами», улыбаясь, стояли их неизменный спутник и наставник, «космический дядька» Николай Каманин, старшие их «братья по космосу» Юрий Гагарин и Герман Титов, будущие космонавты. Они встретили земляков Андрияна Григорьевича как давних близких знакомых.

— Повезло же тебе, Андрюша, пошутил Павел Попович.— Даже завидно...

 Ну, как там мама себя чувствует? — сразу спросил Андриян.

 Хорошо. Только очень уж одолевает ее наша братия журналистская.

Небесные братья дружно рассмеялись:

— Нам здесь тоже достается...

Завязалась самая непринужденная беседа. Такое у чебоксарцев было впечатление, что всю жизнь они

знакомы с этими чудесными, на редкость земными парнями.

- Как вы себя чувствовали в космосе?
- Отлично, просто как на земле, — тут же отвечает Николаев.
- A невесомость не влияет на аппетит?
- Ну, уж на отсутствие аппетита мы никогда не жаловались,— хохочут космонавты. А Попович, шутя, похлопал своего друга по плечу:
- Даже наоборот, чуток «переусердствовали» в космосе...

Тот сразу парирует:

— Отличное было меню, вот разве только шартана — нашей чувашской национальной колбасы, — не хватало. А это такой деликатес, что вполне достоин быть космическим блюдом.

Вопросам не было конца.

 Андриян Григорьевич, а вы Волгу из космоса видели?

— Видел, конечно. Ведь она одна такая на всю Европу. Вот когда пролетаешь, например, над Сибирью, трудно с высоты сразу определить, где Обь, где Енисей, очень уж много там рек по соседству. А Волгу недаром называют главной «голубой улиней» России.

Лвумя неделями позже. после первого своего полета к звездам Андриян Николаев побывал в родной Чувашии, выкроил он свободный часок, чтобы порыбачить. Тихотихо было вокруг в этот по-летнему теплый вечер, только плескалась у самых ног вода, потрескивали сучья костре, разожженном на самом берегу Волги, да с легким журчанием крутилась кассета репортерского магнитофона. Так навсегда и остались на пленке этот земной плеск волн и негромкий голос Андрияна Григорьевича, рыбацкая амуниция которого чем-то неуловимо напоминала космический скафандр:

Рыбалка — это для меня огром-

^{* «}Советская Чувашия», 21 августа 1962 г. Н. Скок, Г. Скорецкий, Н. Стуриков. «30 минут в гостях у звездных братьев».

ное удовольствие, - вел свой неторопливый рассказ Сокол. - Еще, знаете, с детства, когда на Цивиль бегали рыбачить. Штук двадцать пять-триднать окуньков, плотвишек маленьких, бывало, на уху домой притаскивали. И вот, как сейчас, смотришь на поплавок, а думаешь совсем о другом. О школе, о колхозе. Мы ведь рано начинали работать, война была, народу мало. И вся тяжесть мужской работы ложилась на наши плечи. Особенно трудно приходилось зимой: одежонка худая, мороз до костей пробирает, все спасение в работе. доме, бывало, задумаешься, маме. Она у нас большая труженица, я всегда, с ранних лет, помогал ей.

Долго и неторопливо, словно впервые, глядел Андриян Григорьевич

на реку, потом продолжал:

— Родной дом есть родной дом. Людей здесь много, которым я всем обязан: в жизнь они меня выводили. Хорошие труженики мои земляки! На Волге русские живут, татары, марийцы и мы, чуваши. Ока, Ветлуга, Кокшага, наш Цивиль, Сура, Свияга, Мокша в нее впадают. Все она в себя вобрала. И потому могучая, сильная река. Вот почему, когда говорят «Волга», мне всегда слы-«Мать-Россия». Величавая шится: у нас Родина! И, думается, для каждого мальчишки, для каждой девчонки отец, мать, родной край и представляют собой самое большое воплощение силы и правды. Очень много она значит, сила примера!

 Да, Волга-матушка приметна даже из космоса — могучая, раздольная, величавая, — с удовольствием подчеркнул он и тогда, вскоре после приземления, на своей первой «прессконференции» с журналистами Чебоксар.

- А вы ридний Днипро бачили? — этот вопрос, конечно, был обращен уже к Космонавту-Четыре.

Павел Романович искренне уди-

вился: откуда земляки Андрияна знают украинский язык? Оказалось, один из чувашских гостей учился на Украине.

 Слушай, Андрюша, вот тебе и наглядный пример интернациональной дружбы народов, -- смеется Попович.

У репортеров из Чувашии еще тысячи незаданных вопросов. Но строгий «космический дядька», который раз уже взглянув на часы, подает чуть приметный знак.

- Понял, кивает ему Андриян Григорьевич. И обращается к землякам:
- В вашем распоряжении еще 15 минут. А это, если перевести на космический счет, еще целая вечность. Идемте-ка быстренько в дом, посмотрите, как живут на космонавты.

Все поднимаются наверх по узкой, устланной ковром лесенке, входят в небольшую, скромно обставленную комнату, залитую августовским солнцем. По обе ее стороны постели, аккуратно застланные оранжево-желтыми покрывалами. Попович широким жестом показал на комнату:

Вот так и живем!

Ох, уж это нелегкое журналистское ремесло: нужно в считанные минуты успеть все увидеть, запомнить, зафиксировать в памяти мельчайшую деталь. А это-то совсем не просто, ведь все они так взволнованы... Андриян Григорьевич и без слов отлично все понимает, успокаивает:

- Да что вы, ребята, не вам нужно волноваться, а мне. Вы ведь первые мои гости с родной земли.-И, заметив сигарету, которую давно уже мнет в пальцах один из журналистов, не решаясь закурить, протягивает руку к пачке «Беломора». И хоть космонавты не курят, но ради такого случая, за компа-

нию... Благо «космический дядька» отлучился на минутку и не видит такого явного нарушения режима...

— А теперь сюда,— Андриян Григорьевич открывает дверь в соседнюю комнату.— Это наш рабочий кабинет.

Он усаживается за широкий письменный стол, трогает чернильницу, авторучку, бережно касается листков бумаги, аккуратно разложенных на зеленом поле стола.

— За этим столом работали первые космонавты. Здесь же, в соседней комнате, провел первую ночь после своего космического полета Юрий Гагарин. У нас с Павлом такая же комната. Вот, заходите, здесь и поговорим обо всем.

И, поменявшись ролями с журналистами, сам засыпал их вопросами:

— Как там у нас, в Чувашии? Как трудятся земляки? Какая погода? А урожай? Как мама, братья, сестра? А Цивиль все такой же голубой и полноводный?

— Везет же человеку,— с доброй завистью пошутил Павел Романович.— Не успел приземлиться — и пожалуйста, тут как тут земляки со свежими новостями... Да, Андрюша, чуть не забыл,— спохватился он.— Вручаю тебе это.

И Космонавт-Четыре протянул Андрияну Григорьевичу майорские погоны, уже не новые, со складочками посередине. Перехватив вопросительные взгляды гостей, пояснил: это необычные погоны. Первым их надел Юра Гагарин, затем передал Герману Титову, Герман — мне, когда мне присвоили звание майора. Это наша своеобразная эстафета.

В дверь постучали. На пороге появился летчик. Он молча показал на часы. Давно истекло отпущенное на эту незапланированную прессконференцию время, но Андриян Григорьевич выпросил для земляков

еще пяток дополнительных минут, как же отпустить гостей, не угостив их обедом по исконным законам гостеприимства?..

Но вот, наконец, наступила и минута прощания. Космонавтов уже давно ждали врачи, ожидали их товарищи по работе. Да и у самих еще уйма неотложных дел, надо готовиться, ведь завтра небесных братьев будет встречать Москва.

...Многое, словно губка, впитывает память человеческая и бережно хранит в своих запасниках. С годами, конечно, что-то тускнеет в ней, что-то улетучивается. Но дайте ей только повод, и она выложит вам то давно ушедшее, казалось бы, бесследно, что вдруг заинтересовало теперь, в наисвежайшем и наиподробнейшем виде. Стоило перелистать давние газетные страницы и вновь, как наяву, встают в памяти яркие события и встречи тех дней.

«Мне очень хотелось бы встретиться лично с Андрияном Николаевым и Павлом Поповичем, пожать им руки. Мне кажется, что если бы я встретился с ними, я бы преклонил колени и поцеловал край их одежды — так глубоко я восхищен тем, что они сделали, их героизмом»,это сказал художник Рокуэлл Кент, выступая по Всесоюзному радио. Примерно так говорили, о таком мечтали после возвращения героев из космоса миллионы людей. Так что нам, чувашским журналистам, очень повезло: своими глазами довелось увидеть, как сотни тысяч москвичей встречали звездных братьев 18 августа 1962 года.

На Внуковском аэродроме, как и везде в столице, море знамен, людей и цветов. С места, где мы стоим, отлично видно, как на привокзальную площадь, откуда обычно встречают и провожают высоких гостей, выходят руководители партии и правительства, а вместе с ними пред-

Делегат от чувашской партийной организации на XXIII съезд КПСС А. Г. Николаев проходит регистрацию.

Поэту Расулу Гамзатову и космонавту Андрияну Николаеву есть о чем поговорить.

Космонавты изучают фотопанораму Луны.

Окончена академия. Сейчас начнется вручение дипломов.

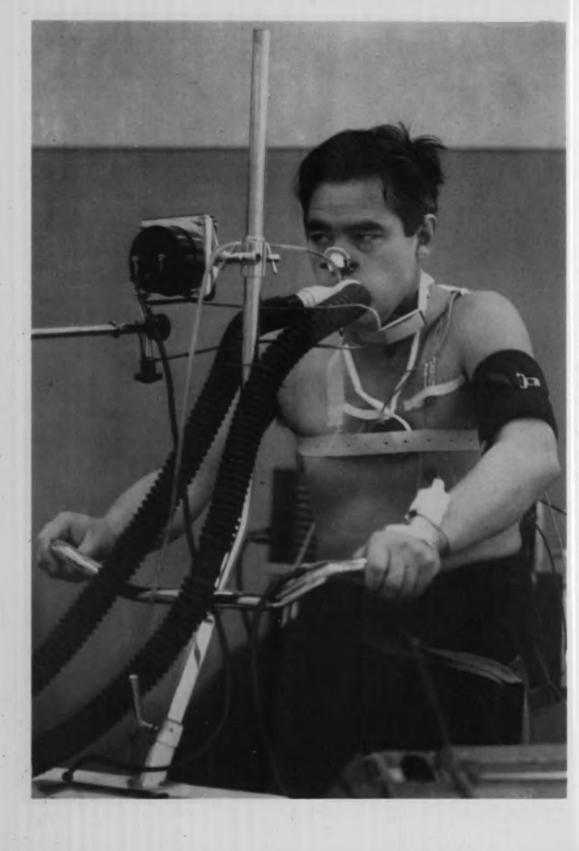
Алена побывала с папой на Байконуре.

По мнению самих космонавтов, парашютные прыжки — один из сложных этапов подготовки к космическому полету. Осмотреть перед прыжком снаряжение товарища — давняя традиция парашютистов. Валерий Быковский, Андриян Николаев и Виктор Горбатко.

Полковник Андриян Николаев перед очередным прыжком.

**

ставители Украины и Чувашии. Здесь же, справа от трибуны, Анна Алексеевна с детьми, семья Поповичей.

И вот он, торжественный момент! Звездные братья по трапу спускаются на московскую землю и по ковровой дорожке, чеканя шаг, подходят к правительственной трибуне. А вокруг — шквал аплодисментов, приветственные возгласы, медноголосый марш авиаторов...

Трудно подобрать слова, чтобы передать чувства и мысли, нахлынувшие в те минуты. Вот он, земляк наш, сумевший открыть ту «крышу синего неба», о которой веками мечтали его соплеменники, простой крестьянский парень из чувашского села, мой ровесник, да еще почти из соседнего села, расположенного всего в десяти километрах от моей деревни. Как и всем детям военной поры, нелегкое ему досталось детство: еще мальчишкой пришлось познать цену куска хлеба, ходить босиком за плугом, пасти коров, во всем помогать овдовевшей матери. Родная земля напитала его, словно сказочного Антея, силой и мужеством, вооружила знаниями, воспитала патриотом. И вот он, гордость всей страны Советов, обходит вместе со своим небесным братом ликуюшие толпы москвичей...

А потом был прием в Георгиевском зале Большого Кремлевского дворца. Человека, впервые оказавшегося здесь, да еще в такой час, поражает многое: и торжественность обстановки, и то, что куда ни посмотришь, обязательно увидишь людей, о которых не раз читал, портреты которых часто встречал в газетах и журналах. Но вот голоса фанфар призывают к вниманию. Провозглашаются Указы. На груди космонавтов загораются Золотые Звезды Героев Советского Союза. И поздравления, поздравления без конца. Крепко жмут руки, целуют своего славного земляка посланцы Чувании.

Дожидаясь случая подойти к Андрияну Григорьевичу, я наблюдал, как поздравляли его высокопоставленные главы представителей разных государств, дипломаты. Они подбирали самые изысканные вырапочтительно пожимали жения и руку сына того самого народа, о котором еще не столь давно за рубежом кое-кто отзывался неуважительно. Ведь в буржуазных странах миллионы людей самое смутное, искаженное представление о многих советских народах, об их жизни. Реакционная пропаганда распространяла про них всяческие небылицы, доказывала, что они-де и некультурны, и отсталы, и вообще не достойны серьезного внимания. Совсем незадолго до полета А. Николаева и П. Поповича один из западных ученых, вознамерившись «дать краткий истории, обычаев и наиболее важных сторон экономической и политической системы», утверждал, что в Чувашии «индустрии не существует в каком-либо масштабе», что «автотранспорт для перевозки пассажиров используется ограниченно», что «кажется, в Чувашии нет аэропорта,.. нет сообщения о том, что телепередачи возможны для чувашских граждан», что «чувашская отмирает» музыка постепенно тому подобное. Разумеется, эти измышления, предположения и вымыслы легко опровергались фактами, повседневной практикой жизни народа. Но полет чуваша Андрияна Николаева, третьим в мире побывавшего в космических далях, делал это во сто крат убедительней. Потому и роились теперь у меня в мыслях весьма недипломатические вопросы: что же это, господа, с нами стало, как же это мы, такие «заби-

тые и темные», участвуем в покорении космических высот?

...Улучив подходящую минуту сделать это было вовсе непросто. поздравить героев хотелось каждому, - я все же решился, заранее подготовив ручку и раскрыв блокнот, подойти к Андрияну Григорьевичу и, передав ему самые восторженные поздравления своих коллег, попросил написать несколько слов для читателей газеты «Советская Чувашия». Поблагодарив, он вынул из нагрудного кармана шариковую ручку и, взяв блокнот, тут же начал писать. А к нему уже обращались другие, ему протягивали руки, и я все еще не верил, что из моей затеи может что-то получиться. Но Космонавт-Три спокойно, не отвлекаясь заполнил что. полностью страничку моего блокнота небольшим посланием на Родину: «Землякам большое спасибо за теплые поздравления. Желаю всем больших успехов в труде, отличного здоровья и счастья в личной жизни. До скорой встречи. А. Николаев. 18.08.62 г.» Позже, когда не раз приходилось слышать от Андрияна Григорьевича его любимую, ставшую широко известной поговорку «прежде всего спокойствие», я каждый раз мысленно добавлял к тем словам еще Дело, которому одно — «и дело». Это было и есть служишь. него главным смыслом жизни.

Уже вечерело, когда мы, посланцы Чувашии, вновь встретились с Андрияном Григорьевичем: после приема в Кремле он пригласил своих земляков в отведенный ему для отдыха особняк в живописном уголке Москвы. Обстановка царила тут самая домашняя, были только родные и близкие да несколько друзей космонавтов. Гости-волжане рассказывали о делах трудящихся республики, о том, как несут они почетную трудовую вахту в честь

своего знатного земляка-героя. Много лестных слов сказано и написано о людях, которые умеют слушать других. Наблюдая, как заинтересованно, ни разу не перебив собеседника, воспринимает Андриян Николаев то, что ему рассказывают, можно было открыть еще одну черту характера Космонавта-Три — его умение слушать.

Среди множества телеграмм и поздравлений, поступивших на имя космонавта, С. М. Ислюков, тогдашний первый секретарь Чувашского обкома партии, зачитывает Андрияну Григорьевичу и теплую, составленную с кавказским юмором, телеграмму из Кабардино-Балкарии: «Согласны выдать без выкупа за вашего земляка-героя самую первую красавицу республики».

— Но у кабардинок и балкарок есть повсюду конкурентки,— слышится сквозь общий смех.— Помнится, когда Анна Алексеевна уезжала в Москву, и чувашские девушки просили ее от их имени поцеловать сына.

— Было, было такое поручение, с улыбкой подтверждает Анна Алексеевна, не отрывая от сына полные любви и радости глаза.

И озаренное глубоким внутренсветом лицо ее, спокойный, ним светящийся нежностью взгляд говорят, ОТР сегодняшний день — это звездный час не только сына, но и ее самой. Кто сможет до конца представить, сколько волнений и тревог выпало на ее долю? Разве что дети, ведь жизнь ее без остатка была отдана Ради них недосыпала ночи, делала все, что могла и умела, чтоб росли они крепкими, сильными, учились, чтоб стали людьми «не хуже других». И выросли дети, встали на ноги, пошли в жизнь, каждый избрав свой путь.

Два часа пробыли мы вместе с

прославившимся на весь мир своим земляком, в кругу его родных и близких. В этот же день видели его торжественные часы встречи в аэропорту, на трибуне Мавзолея, в Георгиевском зале Кремля. И вот теперь, когда машина увозит нас от него по ярко освещенным улицам ночной Москвы, в голове рождаются вопросы к самому себе: что же в нем самое главное, существенное? В газетах и журналах отмечались большая сила воли, высокая культура, постоянное стремление совершенствовать свои знания, крепкая физическая закалка. Все это так, тут и говорить нечего, без всего этого Космос, как говорится, и близко не подпускает к себе. А вот что-то сугубо свое, свойственное только ему? Хотя и рискуя быть поверхностным, определяю для себя: да, есть у него такие черты это простота, какая-то основательность, большой внутренний такт, душевность и поразительная скромность. С тех пор прошли годы и годы, за это время не единожды доводилось встречаться с Андрияном Григорьевичем, образ его, рисуемый памятью и чувствами, постепенно дополнялся новыми штрихами и красками, обогащался, а вот то, что определилось, сложилось в голове в первый же раз, — так и осталось непоколебимым.

...2 сентября 1962 года чувашские республиканские газеты вышли с красной «шапкой»: «Сегодня в Чебоксары прибывает наш земляк, летчик-космонавт Андриян Николаев. Чувашия обнимает отважного сына Родины!» То воскресное утро, видимо, явно хотело испытать на прочность чувства земляков Сокола: не по-сентябрьски хмурым выдалось оно, (а потом и вовсе зарядил дождь). Но энтузиазм, с которым чебоксарцы готовились к встрече, оказался сильней непогоды. Тысячи

горожан живым коридором выстроились вдоль трассы, по которой должен был ехать из аэропорта Андриян Николаев. Люди выглядывали из настежь раскрытых окон домов, стояли на балконах, даже на крышах: каждому хотелось не по телевизору, а лицом к лицу увидеть героя Космоса, помахать ему рукой.

И вот он, улыбающийся, радостный, показался на трапе самолета. Бережно принимает из рук девушек в ярких национальных костюмах хлеб-соль, резной ковш с домашним чувашским пивом. Мы, журналисты, давно уже наготове держим свои блокноты, магнитофоны, фото- и кинокамеры, жадно ловим каждое слово. Но тут же вынуждены спрятать в карман свои «орудия производства» и крепко взяться за руки, высвобождая Андрияну Григорьевичу путь к машине, -- сколько вдруг откуда-то нахлынуло народу, даже целый цыганский табор оказался тут в полном составе, и каждому так хотелось поближе увидеть Космонавта-Три, что ему самому было бы просто никак не пробиться через людское кольно...

И вот открытая машина, увитая гирляндами ярких осенних цветов, мчится по умытым дождем улицам Чебоксар. За все пять веков своей истории древний волжский город не видел, конечно, такого: на протяжении многих километров дорога буквально была устлана цветами, с криками «ура!» их бросали чебоксарцы под колеса автомобиля.

Чуваш с могучим сердцем, житель новой эры, Плечами подпирая неба свод, Шагнет в простор, одеждой солнечной сверкая. Обнимет Новый День его с любовью, верой, И путь, что впереди, цветами уберет Интернационала радуга живая.

Когда на заре Октября классик чувашской советской поэзии Михаил Сеспель писал эти строки, он, как все великие поэты, оказался провидцем, и будто сам через десятилетия видел этот день, радугу из цветов, щедро подаренную земляками-волжанами участнику первого в мире интернационального звездного рейса. И теплота этой встречи, жар людских сердец, улыбки просто не могли не повлиять и на погоду. Едва кортеж автомобилей въехал на Советскую площадь, где должен был состояться митинг, солнце выглянуло из-за туч, низко нависших над Волгой. Или это Андриян привез на Родину солнце?..

Только что всю планету облетели его крылатые слова: «Главное — спокойствие», этот человек, кажется, в любых обстоятельствах невозмутим, сохраняет выдержку, а сейчас голос

его дрожит от волнения.

— Дорогие мои земляки, друзья мои, - разносится над площадью усиленный динамиками негромкий голос. - Я просто не нахожу слов, чтоб выразить вам чувство благодарности и признательности за эту теплую встречу. Мне очень радостно сегодня вступить на родную чувашскую землю. Где я родился, вырос, мальчишкой бегал в школу, так же, как и вы все, влюблен в родную Волгу. Родился я, как вы знаете, в селе Шоршелы. Вырос среди деревенских мальчишек, вместе с ними бегал по деревне. Когда мне шел двенадцатый год, началась Великая Отечественная война. Как и другим подросткам, мне приходилось много работать в колхозе: и пахать, и сеять, боронить. Все военные тяготы легли тогда и на наши плечи.

...Шоршелы... Вот уже три недели, как это звонкое слово вдруг вихрем ворвалось на страницы газет и журналов планеты, его на разных языках начали произносить дикторы радио и телевидения всего мира.

Совсем невелики Шоршелы, но сейчас, когда по сельской улице идет к родной школе Андриян Николаев, то, как потом писали об этой встрече в газетном отчете, плотность населения на квадратный метр здесь превышала все мыслимые и немыслимые возможности. Ведь не только сами шоршелцы от мала до велика вышли встречать дорогого гостя, но и со всех окрестных деревень потянулся сюда сельский люд. Матери повыше поднимали детишек: смотрите, вот он, дядя Андриян! деревенские Смотрите. смотрите, мальчишки! Только осторожней, не свалитесь с крыш и деревьев, на которых повисли вы живыми гроздьями. Смотрите, как славит народ мужество и отвагу своего сына. Помните стихи болгарской поэтессы Благи Димитровой, опубликованные сегодня в газете про Космонавта-Три? «Ты ухватил за гриву Млечный путь. Летишь, летишь в неведомом пространстве... И наших внуков в дальний звездный путь поднимет властно ветер странствий. Они до звезд загадочных дойдут, не отступая от желанной цели. И должное по праву воздадут Земле зеленой нашей колыбели».

Это и о вас, будущие капитаны звездных кораблей! Вглядитесь внимательней и в старую, пожелтевшую от времени фотографию, которую принесла с собой сегодня невысокая, худенькая, с седыми прядками первая учительница космонавта Клавдия Ивановна Семенова, она сфотографирована среди тринадцати мальчишек и девчонок-второклассников, ударников и отличников учебы Шоршелской школы довоенной поры. Как, узнали этого смуглого темноволосого парнишку? Вот каким был когда-то Андриян Николаев.

«Он вырос в чувашской глухой деревушке, вихрастый и бойкий

мальчишка-крепыш. Любил он Цивиль и лесные опушки, и зимние вьюги, и летнюю тишь. И школу любил он, и часто за книжкой его заставала глубокая ночь... Но помнил всегда расторопный парнишка, что матери надо по дому помочь. Он колет дрова, бежит за водою...» Смотрите, смотрите, он и сейчас сам набирает воду, сам поливает только что посаженную им яблоньку в школьном саду, приговаривая:

 Ну, уж первое яблоко отсюда я сам попробую. И пусть оно будет таким же вкусным, как когда-то в детстве.

Кто-то из односельчан шутит:

- Андриян, желаем тебе первому посадить такую же яблоньку на Луне!
- Посадить-то можно, а будет ли она расти там,— смеется в ответ Андриян Григорьевич.
- Обязательно будет! убежденно выкрикивает из толпы кто-то из пацанов.— Об этом ведь даже песня сложена.

И звенит над Цивилем чистый мальчишеский дискант: «Уверяют космонавты и мечтатели: и на Марсе будут яблони цвести...»

— Ну, что ж, поручение принимаю: очень люблю сажать деревья. Как-никак, это моя первая профессия!

Не мог он, конечно, в тот же день не побывать и в соседнем Мариинском Посаде, небольшом старинном волжском городке, где целых четыре года провел в стенах лесотехнического техникума, откуда начинался его трудовой путь. По узенькой скрипучей лестнице поднялся на второй этаж старого деревянного здания:

— Сколько раз, бывало, когда шел на экзамены по этой лестнице, дрожали колени от страха,— признался с улыбкой.

Словно фотообъектив, глаза и

сердца земляков фиксировали каждое слово космонавта, каждое его движение. И самое приятное было для всех видеть, что он не какой-то там сверхчеловек, а самый обыкновенный земной парень, что нет в нем ничего ни от сказочно-былинных богатырей, ни от холодных, рассудочных героев писателей-фантастов. Вот он берет в руки только что подаренное охотничье ружье и, делая пробный выстрел, азартно радуется: «Дуплетом, в самое яблочко!» Или увлеченно с азартом рассказывает о своих рыбацких удачах: «Во-от такую рыбину вытянул! На спиннинг!»...

Поистине космические перегрузки пришлось вынести ему в эти быстротечные шесть дней; ведь столько трудовых коллективов наперебой звали побывать у них хоть ненадолго. И у каждого свои добрые слова привета, свои «фирменные» сувениры. Особенно много их было 5 сентября, в день рождения космонавта...

На фабрике чувашской национальной вышивки «Паха тёрё» (Чудесные узоры), чьими красочными орнаментами любуются во многих странах мира, Андрияну Григорьевичу подарили чудо-вышивку, так называемый «жениховый платок». Подарок — со значением:

— В старину это когда-то была главная в жизни каждой девушки вышивка, которую она начинала создавать с самого детства, чтобы подарить потом своему суженому,— рассказывали гостю мастерицы.— А мы сегодня, в день вашего рождения, дарим вам эти чудесные узоры от имени всех девушек Чувашии с пожеланием большого земного счастья.

И на Чебоксарском хлопчатобумажном комбинате с лукавинкой подшучивали: «У нас коллектив женский, настоящая «фабрика невест» — выбирай любую...»

В это время его срочно пригласили к телефону: сказали, что вызывает из Киева Павел Попович. Андриян Григорьевич, обрадованный, спешит к телефону, берет трубку. Добросовестно, обстоятельно отвечает на чьи-то вопросы о пребывании в чувашском краю, о планах на будущее, с благодарностью принимает поздравления с днем рождения. Потом спохватывается:

— Да, а где же Павел Попович? Выслушав ответ, говорит:

— Ну, в таком случае, передайте мои самые лучшие пожелания и

ему, и его семье. От меня лично и от моих земляков.

Положив трубку, беззлобно чертыхается:

— Ох, уж эти журналисты... Это они меня с Украины разыскали здесь и вызвали к телефону от имени Поповича...

Но вечером и с самим Павлом Поповичем лично удалось поговорить по телефону: разве мог тот не поздравить своего друга, звездного брата с днем рождения?.. А в переполненном до отказа зале Чувашского музыкально-драматического театра, где

состоялся большой праздничный концерт мастеров искусств в честь Космонавта-Три, под долгие аплодисменты Андрияну Григорьевичу сообщили: его имя открыло Почетную Книгу Трудовой Славы и Героизма Чувашской АССР.

Желанными, памятными позже для земляков Сокола встречи на чувашской земле и с героиней космоса Чайкой. По постановлению бюро обкома партии. Президиума Верховного Совета, Совета Министров Чувашской АССР Валентина Владимировна Терешкова также занесена в Почетную Книгу Трудовой Славы и Героизма ЧАССР. В первый свой приезд в Шоршелы Валентина Владимировна и Андриян Григорьевич положили кирпич в основание строящейся здесь средней школы, а через два года, как почетные гости, они открыли перед сельской детворой ее парадные двери. В школьном саду, рядом с яблоней, посаженной Соколом, растет и деревцо Чайки.

Есть тут яблоня и Валерия Быковского, который также несколько раз побывал в Шоршелах.

...Время, время. Безостановочно наматывает оно на ось истории дни и ночи, недели и месяцы, годы и десятилетия. Давно уже привычными стали для нас и куда более длительные космические групповые полеты, чем самый первый, совершенный Соколом и Беркутом, — которые длятся теперь месяцами. Но, следя за всем новым, память людская свято хранит подвиги первопроходцев, тех, без кого не было бы сегодняшнего.

Через восемь лет после первого полета Андрияна Григорьевича Николаева — теперь уже не майора, а генерал-майора, дважды Героя Советского Союза — вновь с нетер-

пением ждали в родном краю, вновь восторженно и ликующе встречала его столица Советской Чувашии. И было ему о чем доложить землякам. Вновь поднявшись в космические выси, он вместе с Виталием Ивановичем Севастьяновым пробыл там восемнадцать суток.

... «Не оскверняй нигде чести чувашской», - с таким напутствием провожали обычно жители нашего края каждого, кого судьба надолго отрывала от родных мест. В чувашском народе всегда ценились люди скромные, спокойные и несуетливые, не лезущие с настырностью другим в глаза, но умелые и горячие в труде, тянущиеся к знаниям, способные в нужный момент проявить себя во всем блеске, не забывающие, где бы ни были, родные свои места. Таким хотел, наверное, видеть себя нарол. потому-то эти черты и ценил он более всего. Андриян Григорьевич Николаев потому особенно и близок землякам, что в нравственном его облике они видят многое из черт соответствующего человека, ному идеалу.

В те далекие августовские дни знатоков национального фольклора поразило удивительное совпадение: то, что Андриян Николаев взлетел в космос под именем Сокола. А вель один из излюбленных героев чувашских народных легенд Куйкарыш и есть сокол мира и счастья. По преданиям Куйкарыш появлялся только среди мирных, честных, трудолюбивых людей и приносил им счастье и благоденствие. Он терпеть не мог войны и раздоры, несправедливость в отношениях между людьми. И наш Андриян стал поистине Соколом мира и счастья, одним из первопроходцев мирного Космоса.

поэты слагают им песни

Педер Хузангай ДОБРЫЙ ПУТЬ!

Жар-птицей летите!

М. Сеспель

Добрый путь, чувашский Сокол, Украинский Беркут! Высоко вы, ой, высоко! Все легенды меркнут.

Вы взметнулись, как Жар-птица, В солнечные дали. Хорошо ль вдвоем летится? Что на сон читали?

Мать не спит над Волгой где-то, Над Днепром — другая. Не смыкают глаз поэты, Вам стихи слагая. Но какими мне словами Выразить все чувства? Беден я в сравненьи с вами, Как это ни грустно...

Верю, вас Отчизна встретит В заданном районе. Пусть хотя бы эти строки Вас в пути догонят.

А со мной, как голос крови, Будет чувство долга... Здравствуй, Беркут Приднепровья! Здравствуй, Сокол с Волги!

МАТЬ КОСМОНАВТА

Рука еще дрожит, грудь ноет глухо... Не сняв платка, освободила ухо.

Прикладывает трубку, чуть вздыхая. Над черною пластмассой прядь седая.

Секунда — словно час, минута — сутки. А люди так заботливы, так чутки.

Налаживают связь телефонистки: Вот голос, наконец,— родной и близкий.

«Анне!» — сказал он по-чувашски: «Мама!» Впорхнуло слово птицей в сердце прямо.

Вступая в мир, во всех углах планеты Мы первым произносим это слово.

Заветное он к звездам поднял слово На крыльях сердца своего земного...

Яков Ухсай

БРАТЬЯ

Ни отец твой, ни дед никогда не смогли Над землей побывать выше крыши сарая. Мой земляк Андриян сын чувашской земли, Ты поднялся до звезд, край родной прославляя! Нал любимой землей вы летели вдвоем, Славя Родину нашу — Отчизну свободы, И мне хочется петь о тебе и о нем Величавою песню о дружбе народов. Пусть всегда согревает вас наша любовь. Я пишу эти строки и знаю, и верю -Вы вернулись домой, чтоб когда-нибудь вновь Полететь на Луну иль к далекой Венере. Этой песней Отчизну хочу прославлять, Что пути проложила к планетам далеким,

И еще захотелось мне людям читать Незабвенного Сеспеля звонкие строки. В украинские, милые сердцу, края Поклониться ему ездил я этим летом, И пришли украинские наши друзья, Чтобы вместе со мной поклониться поэту. Мы гордимся не зря нашей дружбой большой. И чувашский поэт стал роднее им сына. Рады мы, Андриян, что в полете с тобой Был товариш небесный твой брат с Украины. Ты Поповичу там расскажи, Андриян,-От чувашской земли, мол, поклон передали. Вот он, лучший пример для народов всех стран -Мы дружны на земле и в космической дали!

Геннадий Айги

мать космонавта

Теплый запах молока и хлеба, Вечный круг работы и семьи... Для того, чтобы рвануться в небо, Надо оторваться от земли.

И когда писали об отважных, Думал я о женщине простой. Помешала ей земная тяжесть Овладеть такою высотой.

Мать героя... Ведь по всей России Год за годом, словно день за днем,

Всю войну нас матери растили, Матерью мы Родину зовем.

Мать работу делала любую, Начинали дети подрастать, И звезду, такую голубую, Не просили с высоты достать.

Но желанье это понимая, Мать трудилась, думала, жила. И, до звезд героя поднимая, Просто сына на земле ждала.

Валентина Мальми

МАЛЬЧИК ИЗ ШОРШЕЛ

I

Война, война!.. Еще напорист враг, и голод под окошками стучится. Отец хворает. Входит в избу мрак. Тяжелый год! Но мать решила так: — Пора, сынок, и ремеслу учиться. Иди учись! А в поле за тебя я потружусь, насколько хватит толку...—и мальчик встал, по-взрослому скорбя, обулся в лапти и надел котомку.

Крестьянский сын — спокойный, тихий нрав, застенчивая редкая улыбка,— он полюбил зеленый шум дубрав с младенчества, холеного не шибко. Уходит мальчик в жизнь — через поля, и на душе, как в поле, нелюдимо, но знает он — чувашская земля от Родины большой неотделима.

А в это время, нагнетая мрак. в селе под русским городом Смоленском, как дома у себя, поганый враг расположился в доме деревенском... Куда ж идти хозяевам теперь? Дозволили — идите рыть землянку! и вытолкали, ироды, за дверь с детишками смоленскую крестьянку. В землянке ходит холод по ногам. дым от печурки горек и угарен. Не спит светловолосый мальчуган; не зная, что он - будущий ГАГАРИН. Не зная, что в кабине корабля припомнится ему, черна от дыма, землянка та, и мертвые поля, но зная, что смоленская земля от Родины большой неотделима.

И в это же время — в дальней стороне, под Киевом, фашист в глухую полночь бьет хлопчика прикладом по спине, но хлопчик этот — будущий ПОПОВИЧ! Ему сейчас расплакаться нельзя. Пускай обида жжет неутолимо, он знает: украинская земля от Родины большой неотделима!

II

Подружатся они наверняка, когда придут

под громы космодрома. Но это будет позже, а пока ухолит мальчик из родного дома. Еще не слишком манят небеса, и голод по ночам терзает грубо, а впереди - карельские леса, опасная работа лесоруба... Но если кто для подвига рожден тот выполнит свое предназначенье. И он услышал грозный шум знамен: то Минин собирает ополченье с Пожарским. А вокруг — водоворот! Стоят вожди, скликая поименно! Он думает: «Чувашский мой народ! И ты, и ты шагнул под их знамена!» А там уже Болотников зовет. И Стенька с Пугачом призывно машут, и плот по Волге-матушке плывет, а на плоту — повешенный чуващин...

III

Он думает: «Родная сторона! Всегда России ты соратник верный: война с Наполеоном, и война с германцами, а там еще одна — гражданская война, и сорок первый! Из космоса могильного креста не разглядеть, но, может быть, важнее не забывать о том, что было с нею — твоей землей? В родимые места, чья неизбывна в мире красота, возьмем итог хотя б последней битвы, — шестнадцать человек пришли из ста! За остальных — читаются молитвы...

IV

Он все преодолеет, как пилот, здесь, на Земле, соленый пот изведав, он, третий человек Страны Советов, идущий в свой космический полет! ...Он шел к ракете, излучая свет, в оранжевых космических одеждах, и академик Королев с надеждой и нежностью глядел ему вослед...

В какие дали Сокола отправили... В какой полет! А рядом, на Земле, уже стремится храбрый Беркут — Павел уйти в полет на новом корабле...

\mathbf{V}

Ни о чем, Земля, не спрашивай, не расспрашивай ребят. Украина и Чувашия рядом в космосе парят. Пусть поспят они, уставшие, неразлучные с трудом, пусть приснится им Чувашия, Украина, отчий дом... Не с железными ли нервами эти люди родились? Где летали Юра с Германом звезды новые зажглись. Нет, не с каменными нервами и не с каменной душой эти люди были первыми люди с верою большой. Украина и Чувашия рядом в космосе парят. Ни о чем, Земля, не спрашивай, не расспрашивай ребят...

VI

Он возвратится к речке и лугам, на родину, к истокам возвратится. На митинге к счастливым землякам по-свойски, по-чувашски обратится... Хоть говорить он с детства не мастак, мне рассказали — это было так:
— Андрейка, не забыл родной язык? ему старушка крикнула ревниво...— и он ответил — громко и счастливо:
— Нет, не забыл! И даже не отвык...

Раиса Сарби

ВСТРЕЧА В РИМЕ

Рим... Колизей! Смотрю во все глаза...

Вокруг — седая древняя краса. И вдруг я слышу — кто-то окликает меня: «О, миссис, миссис!» И ко мне Подходит пожилая иностранка. «О миссис! — восклицает, — С'иль ву пле!» * А дальше — ничего не понимаю, «Ферштее нихт» *, - я отвечаю ей, «Дойч?» — спрашивает леди по-немецки, «Советиш!» — отвечаю, улыбаясь (и словно гусли в сердце зазвенели так это слово на устах звенит). «Советы! Из России! Так и знала!» на русском вдруг воскликнула старуха. И стала торопливо, что есть духу, рассказывать: «Была в России я. Еще бы раз там побывать, еще бы увидеть мне Россию наяву...» Слова такие услыхав, зову старуху в гости, к нам, в чувашский край, на Волгу, посмотреть село Шоршелы. От слов моих старуха побледнела: «Ты из Чувашии?! Ax, доченька моя, теперь я вижу: младшею сестрою приходишься ты земляку-герою. чувашскому герою-космонавту!» «Да, — говорю я, — Николаев Андриян и вправду брат мой, старший, кровный брат. И вдруг я слышу, что уже звучат родимые чувашские слова в устах седой и грустной иностранки. Я удивилась — до того чиста была родная речь в ее устах, и продолжала: «Да, я Андрияна еще студенткой видела. И он, прославленный космический герой. сам называл тогда меня сестрой, и это мне запомнилось навек... Но верю я и в то, что каждый человек, кто б ни был он - мой брат или сестра, и станет миром братства и добра земля людей, прекрасная планета. И не погаснуть солнечному свету!»

Так говорила я старушке этой... Она в руке мою держала руку, а на лице ее проглядывала мука, и солнце южного сияющего дня не в силах было сумрак разогнать в ее глазах.

И вот она опять

^{*} Пожалуйста (франц.), и дальше «Не понимаю», «Немка», «Советская» (нем.)

со мной заговорила по-чувашски:
«Поклон России, дочка, передай!
Поклон земле добра, стране свободы.
поклон ее великому народу,—
счастливую в борьбе обрел он жизнь...

Москве золотоглавой поклонись, и Чебоксарам, и широкой Волге, и космонавта родине — Шоршелам, и родникам их передай поклон. Хочу я, чтоб цвела и хорошела страна единых наций и племен. Там,— слышишь, дочка! — родина моя...
Да-да, чувашка я!
Чувашка я...» — промолвила почти неслышно, глухо, и повела печальный свой рассказ:

«Чувашка я! На Волге родилась...
И каждый день я Волгу вспоминаю.
Мне жить, быть может, считанные дни осталось. Но в родном чувашском крае хотелось бы мне умереть... Огни села родного вижу и поныне я в каждом сне.
Живу здесь — как в пустыне, родную мать покинувшая дочь...
Тоска и стыд и боль мне сердце гложут...

Но в год, когда шоршелский мой земляк поднялся в космос на коне крылатом, и целый мир его услышал голос, услышал речь героя-чуваша, мне показалось — сердце раскололось, в быль воплотилась сказочная небыль легенд чувашских. Серебром лучистым, как колокол, вдали запело небо моей Отчизны. И моя душа туда рванулась...»

...И замолчала, и со мной простилась моя землячка старая... Стою я в центре Рима, рядом с Колизеем, и чувствую, как сердце все сильнее колотится в груди. Скорей, скорее увидеть бы мне Родину мою!

Николай Поливин

ЗВЕЗДНЫЕ ПЕРЕКРЕСТКИ

(Отрывок из поэмы)

Рожденный в Чувашии, на берегах Волги, он стал Почетным гражданином городов Калуга, Караганда, Смо-

...Героев

двойственный союз в бездонном небе

обозначен.

Ах, этот звездный океан опять

в космическом ударе: наш Николаев Андриян с Поповичем сегодня

в паре орбиты вяжут

вкруг Земли,

решая

новые задачи,

чтоб

дальних странствий

корабли

потом,

помножив

все удачи

разведчиков

недальних трасс,

смогли

в созвездье Андромеды

отплыть,

чтоб рассказать о нас —

про наши радости

и беды —

инопланетным мудрецам,

как мы мужали

и умнели...

И как

космическим гонцам трудненько приходилось

к цели

когда идти,

ленск, Ржев, Ленинакан, Махачкала, Нальчик, Каспийск, Дархан, София и других.

когда ползти

средь скользких ямин

...Связь космическая...

«Паша!

Все ль в порядке,

старина? Хорошо ль

меня ты слышишь?

Как твой резвый конь

стальной?»

и откосов...

«Андриян,

шуми потише,

оглушает

голос твой.

Связь,

считай.

как в доброй сказке,

каждый вздох

принять могу...

Ты гляди,

какие краски

над планетою

бегут:

над прогнутыми

морями,

над горбами

древних гор...

...Сине-алыми крылами утро вывело узор на полотнище тумана, на плече материка...

Зорок глаз

у Андрияна

и крепка

его рука!..

Андрюха?

Георгий Орлов

дорога к звездам

(Отрывок из поэмы)

Ракеты белая громада Огромной кажется горой. Она безмолвна. Что ей надо? Ей нужен ты. Ты — рулевой. Скафандр тебе к лицу. Красиво: На марсианина похож! И ждет ракета терпеливо, Пока в кабину ты войдешь. Войдешь, невидимые вожжи Возьмешь — для штурма высоты. И тут — ни раньше и ни позже — Дадут команду «Пуск!» -И ты Спокойно скажешь: До свиданья, Земля родная, Дом родной! — И вдруг в глубинах мирозданья Сверкнешь летучею звездой... Да, это будет так. И — скоро. Но время медлит, не спешит. И ты, не опуская взора, Глядишь взволнованно в зенит. «Быстрее бы!» — напрягся Весь — в ожидании рывка Туда, где нет во мраке бездны Ни берега, ни островка. Но, чувств своих не выдавая, Ты вновь спокойно смотришь вдаль. Чуть желтоватая, степная Лежит перед тобою даль. А тихо как! Но местность эту

Разбудит вскоре грозный гром,

Из края в край она помчится,

И разнесется весть кругом.

Преградам всем наперекор.

Как эхо множась,

Через все границы,

Выше гор,

Над лесом,

Протяжный рев качнет планету

Она придет одновременно В любые дальние концы И взбудоражит непременно Все хижины И все дворцы. Заговорят повсюду люди, Сперва — эфир, Потом — печать, И кто-то радоваться будет, И кто-то будет злопыхать... Но Герман, ободряя взглядом, С улыбкой на тебя глядит: — Ну что, настал твой день,

Вот так-то. Я же говорил...
Как добр, как кстати голос друга! —
Поистине, прибавил сил.
А вот еще включился кто-то:
— Ну как ты там — на корабле?
Счастливого тебе полета,
Посадки мягкой — на Земле!
Не угадать, каким он будет,
Полета дальнего финал.
— Ты что молчишь? —

Гагарин шутит, Уж не воды ли в рот набрал? Ты на подначку — не в обиде. Ты пошутить не прочь и сам. Но он шутил и на орбите, А ты пока что не был там. Как долго ты мечтал об этом! Как торопил ты этот час! И он настал. И новым светом Жизнь озаряется сейчас. Разнесся гул по космодрому. Умолк предстартовый отсчет. Секунда... Две... И по-иному Отныне время потечет. Сдавило грудь на вертикали, Как будто кто-то тянет вспять. Тебя в неведомые дали Земля не хочет отпускать. Ракета, скорость набирая, Земное притяженье рвет.

А тяжесть, черт возьми, какая! — Расплющит, кажется, вот-вот. Но, как бы ни тянуло жилы, Стрелой взмывая в высоту, Ты все-таки находишь силы Сказать:

— Порядок на борту!.. А небо здесь — не голубое. Здесь тьма — на миллионы верст. И в двух шагах перед тобою Роятся мириады звезд. Они горят у самых стекол, Корабль вплотную обступя, И ты радируешь: — Я — «Сокол», Нормально чувствую себя!.. То голубой, то ярко-синий Перед тобою блеск озер, Причудливым изгибом линий

Видны порой вершины гор,
А выше их, то пропадая,
То вновь являясь там и тут,
Вдаль облака — за стаей стая,
Как гуси-лебеди плывут.
Глядишь — и до сердечной дрожи
Все дорого — леса, трава,
Поля... Они с морями схожи,
А города — как острова.
А красок, красок на планете! —
Не меньше, чем цветов в саду...
И ты перед людьми в ответе
За эту чудо-красоту.
Следи же, чтоб огонь не трогал
Земную эту красоту!
И ты радируешь:

- Я - «Сокол», Нет отклонений на борту!..

Порфирий Афанасьев

ОКРЫЛЕННОСТЬ

Из поэмы «Сокол»

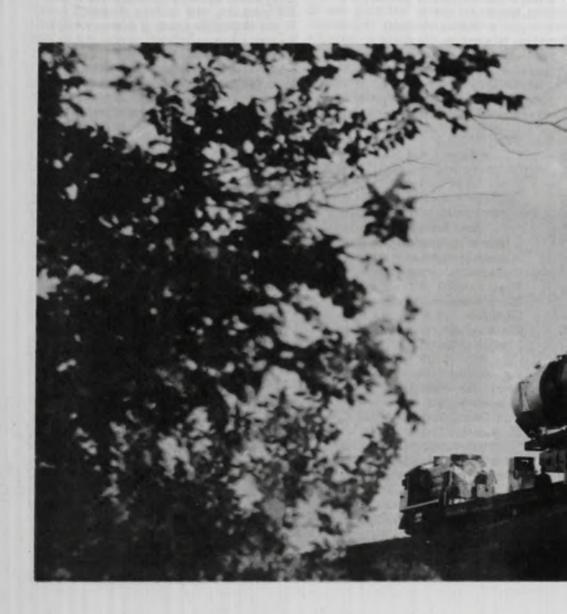
...Как в журавлином Клине вожаки, Сменяются в ракетах Командиры. Космические вахты Нелегки. Но есть ли легкий путь К познанью мира?

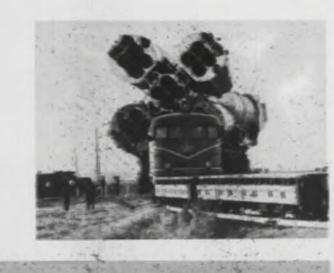
Да, тяжела дорога К тайнам звезд. И хоть мечта — Она всегда крылата, Нужна отвага, Чтоб построить мост В седую высь И мир понять когда-то...

И вот на Андрияна я гляжу, Был дважды звездным гостем Смелый Сокол, И, подойдя К земному рубежу, Землею любовался издалека. Я говорю бесстрашному ему, С почтением Земного поклоненья: «Ты нас позвал В космическую тьму, И стал для нас Примером окрыленья.

Ты видел цель Высокую свою В бездонном небе. Мы — земные люди. Но будь спокоен, Здесь, в родном краю, Мы окрыленно жить И мыслить будем. Заводы возведем, Хлеба взрастим, Научим Волгу, Как вращать турбины. И славою земной Обогатим Мы славу Нашей Родины любимой».

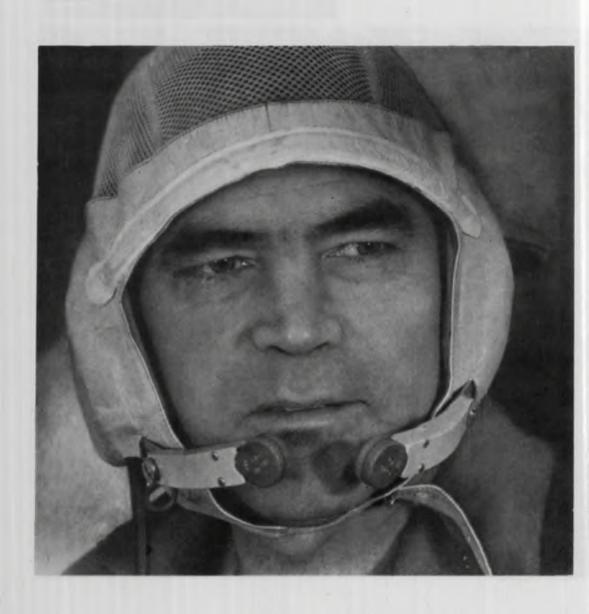
Ракета-носитель с космическим кораблем «Союз-9» вывозится на стартовую площадку.

Летчик-космонавт СССР, Герой Советского Союза Андриян Григорьевич Николаев командир космического корабля «Союз-9».

Бортинженер космического корабля «Союз-9», кандидат технических наук Виталий Иванович Севастьянов.

Космонавты А. Г. Николаев и В. И. Севастьянов на занятиях.

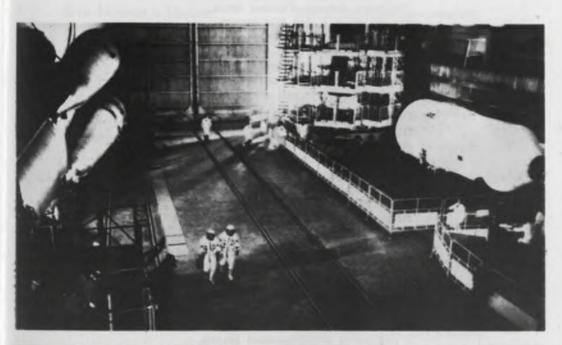
Друзьям известно, каким мастером по приготовлению ухи является Андриян Николаев.

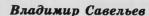

Экипаж прибыл обживать корабль, на котором состоится полет в космос.

Подготовка к космическому полету происходит и на тренажерах.

на волге

...На Волге так и сяк идут дела. Контора пишет. Голова цела. На Волге я и эта вот пчела по зову сердца пробудилась рано. Спроста проснулась, будто неспроста, когда в своей неяркости чиста забрезжила с газетного листа улыбка космонавта Андрияна.

Скуласт земляк мой и еще не стар. Я волгоградец, он — из Чебоксар. А мир вершит формированье пар, как будто нечто самое простое. День и пчела. Поволжье и Москва. Она и он. Безмолвье и молва. Трава у ног моих и трын-трава. Космический триумф и дни застоя.

Повсюду в мире двойственность царит. Хрущев и Сталин. Пропасть и зенит. Хвосты очередей и жгучий стыд. Все та же трын-трава и чувство долга. Святая правда и святой обман. Пчелиный мед и мой худой карман. Смущенный Николаев Андриян и гордости исполненная Волга.

Юрий Семендер

приезд андрияна

Не в дальнем космосе, А дома, героя слушая рассказ, Мы ощущали Невесомость, И в космос Уносило нас. Вот приземлились В зал огромный, И снова рукоплещет зал, И улыбается Так скромно Наш легендарный генерал. О жизни, О его работе
Любой из нас
Узнать мечтал.
Раскованно,
Словно в полете,
Земляк-чуваш
Нам отвечал.
На звездочки,
Что ярко светят,
С улыбкой хитрой
Показав,
Спросила бабка:
— С неба эти?..
И улыбнулся космонавт.

Василий Эндип

дети солнца и земли

(Отрывок из поэмы)

Мы — дети Солнца и Земли, Опалены огнем бессмертья... Пусть бури новые вдали, Идем вперед, к иным столетьям.

Мы — дети Солнца и Земли, Нам ни к чему покой и роздых... Нас грозы века не сожгли, Крылаты мы, наш путь — сквозь звезды.

Мы — дети Солнца и Земли. Мы знаем: бой всегда неистов. Мы правду уберечь смогли И звезды новые зажгли...

Юрий Вирьял

ЗВЕЗДА НАД ШОРШЕЛАМИ

(Отрывок из поэмы)

...И снова космос впереди, И вновь близка

минута взлета, Лунянка наша— Тавтеби * Наверно, заждалась пилота.

И восемнадцать

трудных дней Летит он соколом крылатым, За мигом миг

стремится к ней —

И не один,

а с русским братом.

А над землей

рассветный дым,

И на земле —

за них тревога, Но Севастьянов рядом с ним, У них двоих — одна дорога.

Все больше, больше счет виткам, Земля их вечно помнить будет, Он сделал космос ближе к нам, И подарил он

звезды людям!

Красив рассветный час весною, На травах крупная роса, Просторно небо надо мною, И в нем я слышу голоса.

Я слышу вновь

«Салютов» слово, «Союзов» многих слышу речь, И понимаю сердцем снова, Как надо мирный день беречь.

Бегут года неумолимо, Но так же светит надо мной Прекрасна и неугасима Твоя звезда, товарищ мой.

Ты знал —

в неведомые дали Землянам предстоит идти, И принял старт.

И был в начале

Большого,

доброго пути.

И я хочу,

чтоб эти трассы

^{*} Тавтеби — девушка, плененная Луной, стоящая на ней с коромыслом (из чувашской сказки).

И мирны были и чисты, Чтоб люди шли

дорогой братства, И шли дорогами мечты. Чтоб озаряла радость лица И наполняла наши дни, И золотым пером

Жар-птицы

Горели в космосе огни.
Соседи мы — земля и небо,
И пусть всегда,
во все года
Над благодатным
полем хлеба
Нам светит мирная звезда!

Николай Терентьев

УЛЫП В КОСМОСЕ

необыкновенным волнением взялся я за эти беглые литературные заметки. Ты попробуй, сказал я сам себе, пройтись по нашей поэзии, вслущайся в песни о нашем славном земляке, прочти еще раз книги о нем, вглядись в работы художников, вспомни спектакль с образом Андрейки на сцене Республиканского театра юного зрителя... Мне хотелось понять, как реальный человек, живущий рядом с нами, благодаря своему космическому подвигу воплотился художественный образ. И как «ожил» этот образ в творениях чувашских писателей, художников, композиторов. Прямо скажу: оказалось это делом непростым, ведь за эти годы о нем создано столько произведений литературы и искусства!

...Августовские дни 1962 года. Когда 12 числа, через сутки после старта Андрияна Николаева, поднялся в космос украинец Павел Попович, поэты и композиторы заговорили с особой страстью, ведь началась интернациональная космическая эпопея: русские Гагарин, Титов, чуваш Николаев, украинец Попович! Дружба народов в космосе! В сердце каждого рождалась гордость за нашу Родину.

Как сейчас помню наш древний Шупашкар в начале сентября того же года. Проспект Ленина, где я живу, был похож на гигантскую

ярмарку: на всем протяжении его заполнили празднично одетые люди. Вот появились мотоциклисты, а вот «Чайка»! Открытая. Космонавт едет стоя. Что творилось на улице словами рассказать немыслимо. Чуваши — народ сдержанный. Но у многих на глазах были слезы радости и восторга. Я в это время стоял с женой на балконе своей квартиры (лучше видно). Когда «Чайка» поравнялась с нашим домом, жена подняла дочь, которой от роду было всего одиннадцать дней, и восторженно зашептала: — Алена! Смотри! Космонавт машет тебе рукой!

Алена тоже закричала во все горло. Космонавт улыбнулся, помахал в нашу сторону...

...Первые стихи и песни родились под самым первым впечатлением,еще как следует не выверенные, не выстроенные, но с горячими, как огонь, словами и строками. Были самые неожиданные сравнения, необычные образы: «летучая Звезда», «огненная стрела», «крылатая мечта», - тут уж все зависело, как говорится, от темперамента и воображения поэта или композитора. Мносговариваясь, сравнивали космонавта с великаном из чувашской сказки Улыпом, который был сверхсильным, могучим, с добрейшей душой. Но ведь Улып был землепашцем, и только, он никогда и не

помышлял оторваться от земли. Народный поэт Чувашии П. Хузангай сравнивает космонавта с Жарптицей. Поэт так обращается к Соколу и Беркуту, т. е. А. Николаеву и П. Поповичу: «Вы взметнулись, как Жар-птица, в солнечные дали... Мать не спит над Волгой где-то, над Днепром — другая. Не смыкают глаз поэты, Вам стихи слагая».

Что верно, то верно. Наши поэты трудились вдохновенно. Стихи и поэмы сочиняли С. Шавлы, Ю. Семендер, Н. Сандров, Г. Ефимов, А. Галкин и многие-многие другие. А вот взгляд другого поэта, Георгия Орлова, на космический полет нашего земляка: «Красива у тебя телега, а конь - огонь. Лихая стать! И без единого огреха ты должен космос запахать. Чтобы ровнехонько ложилась за бороздою борозда, и чудопахарю дивилась любая встречная звезда». Тут уж мы сразу догадываемся: Улып в космосе! космического пахаря — это, конечно, от мужика в хорошем смысле слова. Космонавт — сын крестьянина, эт - сын крестьянина, вот и poдился этот образ.

Стихов о Космонавте-3 в Чувашии сложено много, тут и реалистические, и романтические, и фантастические... А вот наш народный поэт Яков Ухсай в первые же дни полета Николаева совершенно пожитейски и мудро сказал:

«Ты поднялся до звезд, край родной прославляя». В стихах этих опять неожиданно огромной силы образ: поднялся от крыши сарая до космоса. Таков исторический путь чувашей.

Наиболее глубокие произведения о космонавте были написаны позднее, после второго полета Андрияна Григорьевича. Порфирий Афанасьев в поэме «Строка за строкой...» обращается к истокам подвига, мужества, к роли отчего края в героизме

своих сыновей. В конце 70-х годов Юрий Петров-Вирьял создает «Сказание о звездном богатыре». Поэма написана добрым и вдохновенным сердцем ее автора, она удивительно душевна, доходчива. Образ будущего космонавта как бы незаметно вырастает здесь из образа самого народа. Не это ли самое ценное?

В другом ключе написана поэма Василия Энтипа «Мы — дети Солнца и Земли»: она многослойна, почти без сюжета, в ней преобладают философские размышления о тайнах мироздания. Поэт страстно требует: исследуй, человек, неутомимо бег времени, пространство и миры.

Немного о стихах, которые были написаны по заявкам композиторов. Филиппу Лукину понравились стихи Юрия Семендера. И уже через день полилась песня «Наш Андриян». И слова и музыка (мелодия ее очень национальна) — это гимн мужеству космонавта, восславление могущества Родины. Вспоминается республиканский праздник песни, где это произведение исполнил объединенный хор из трех тысяч человек. Песня разливалась на километры окрест. Ее мы и сейчас часто слышим по радио, она — в репертуаре многих хоровых коллективов. В те же годы на стихи Аркадия Малова «Звездный путь» написал песню композитор Григорий Хирбю. Она несколько в другой тональности, светлая, очень национальная, окрашена в мягкие лирические краски.

Композитор взрывного темперамента Тимофей Фандеев вскоре после второго полета Андрияна Григорьевича сочинил увертюру для симфонического оркестра. Ее исполнил оркестр нашего музыкального театра. Увертюра впечатляла силой и яркостью, оптимизмом. А вместе с поэтом-песенником Валентином Урдашом Т. Фандеев создал песню «Шоршелские ветлы», которую

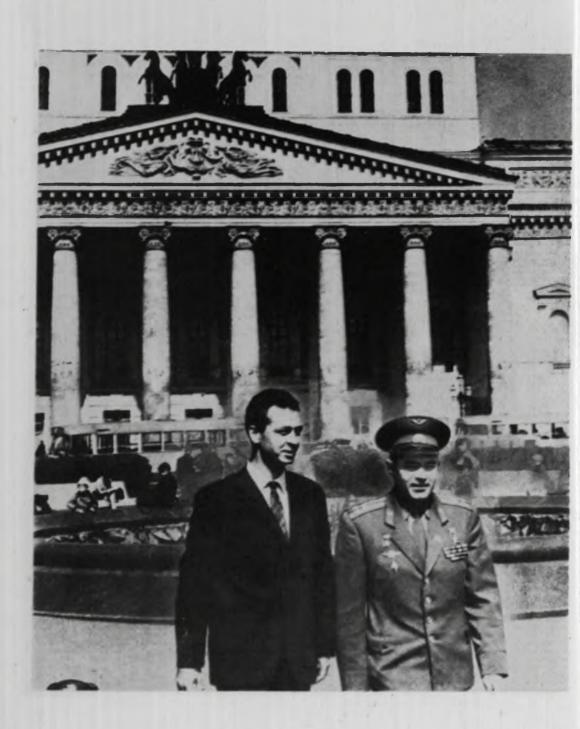

Многогранные тренировки чередуются с медицинскими обследованиями.

За усиленными тренировками дни летят незаметно, неумолимо приближается время старта. К этому дню готовятся и средства массовой информации. Этот снимок — по просьбе журналистов.

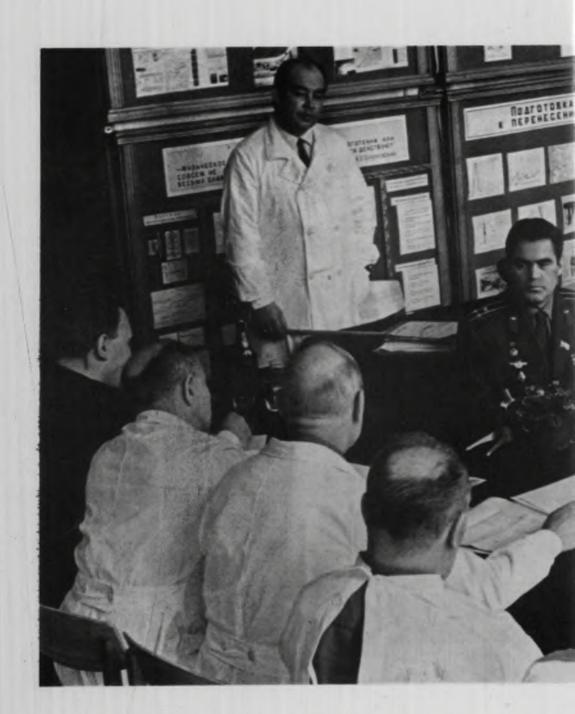

Павел Попович проверяет парашют друга.

Космонавты облачаются в специальные тренировочные костюмы.

Подготовка к космическому полету завершается. Последняя предполетная медицинская комиссия.

молодежь всегда поет с неподдельным влохновением.

Андриян Григорьевич принес тогда на родную землю, в край ста тысяч песен, долгий-долгий праздник. И к тем ста тысячам прибавлялись все новые и новые мелодии. Можно лишь сожалеть, что наши композиторы до сих пор не отважились написать оперу, посвященную нашему национальному герою.

Вызывает сожаление и то, что очень мало в чувашской литературе значительных произведений о космонавте, написанных в жанре прозы. Тут мне хочется назвать прежде всего документальную книгу «Юноша из Шоршел», написанную А. Железковой и К. Семеновой, изданную еще четверть века назад на чувашском языке. Перечитал ее недавно еще раз. И впечатление такое, что все так и было, что именно так сложилась жизнь Андрияна в юности. Авторы книги с особым интересом рассказывают о семье Николаевых о матери, братьях, об их взаимоотношениях. Это чисто чувашская семья с добрыми традициями нашего народа, в основе которых труд и взаимопомощь, почитание родителей, полное отсутствие праздности и безделья, непритязательность в быту. С книгой просто не хочется расставаться. Вот последние главы о том, как три сына Анны Алексеевны - Петр, Иван и Андриян построили матери новую избу. Праздник. Старший из родственников открывает бочку с пивом. И шартан уже на столе. С благодарностью угощает мать сыновей. Это было в 1961 году. А новый приезд Андрияна Григорьевича в родную деревню, к матери — это уже другая глава, он приехал в следующем году всемирно известным космонавтом. Но таким же добрым, скромным, заботливым сыном для матери.

В том же году детская писатель-

ница Мария Ухсай отважилась написать пьесу о юношеских годах Андрияна. Она пытливо вникала во все стороны жизни Шоршел, подолгу расспрашивала об Андрейке-Андрияне, не раз встречалась и сердечно беседовала с Анной Алексеевной. И вскоре спектакль в ТЮЗе состоялся. У меня в руках фотоснимки. Вот стоит Андриян и Иван Николаевы. Иван — настоящий, Шоршел. Андриян — артист В. Пайгусов. Я хорошо помню этот спектакль; тысячи зрителей, посмотрев его, полюбили Андрейку, поверили, что их славный земляк такой и есть. каким они увидели на сцене.

Годами работали над образом космонавта А. Г. Николаева также художники и скульпторы. Профессор Н. В. Овчинников однажды пригласил меня в свою мастерскую. И рассказал, что после первого полета Николаева он целых два года вел мучительные поиски, не спал ночами, размышляя, каким показать легендарного земляка. Простым человеком или богатырем, изобразить его в реалистическом, романтическом или в каком-то другом жанре? Еще до встречи с героем художник подолгу беседовал с его односельчанами, рисовал их, подружился с его братьями, матерью, прочитал десятки книг о космосе и космонавтах. Эти долгие поиски завершились картиной «Здравствуй, Земля!» (1964 год). Помню, она сразу вызвала споры. Н. Овчинников — мастер изображать светлые стороны жизни, людей, наделенных физической красотой и здоровьем, на реальном фоне. А тут художник начисто отмел все натуралистическое. Его не интересовало, что было фактически в карагандинской степи в те минуты, 16-го августа 1962 года. Перед нами Земля, стоцветие августовских трав, синее небо. Стоит на ней человек-Улып, человек-Великан, глядя кудато вдаль. Удивительно спокойный, добрый, в левой руке у него несколько полевых цветков, он их чуть прижал к себе, в правой - лямка погасшего парашюта. Н. Овчинников создал образ современного чувашского Улыпа. На мой взгляд, эта картина чем-то напоминает «Трех богатырей» Васнецова — надежных стражей Земли русской. Но овчинниковский богатырь — без оружия. У него цветы в руке. Картина очень созвучна нашей философии: мы могучи, но мы за мир, за красоту на земле на вечные времена... Или вот другое полотно того же автора --«На родине». Колхозники встречают космонавта с хлебом-солью.

Из множества портретов космомне лично больше других нравится работа живописца О. Филиппова. Здесь мы видим А. Г. Николаева в генеральской форме. Перед нами — волевой, сильный, умудренный опытом жизни человек с мягкой, несколько загадочной улыбкой...

Тема подвига в космосе вот уже много лет волнует талантливых мастеров. Здесь я назвал лишь часть работ чувашских писателей, композиторов, артистов и художников. В теме этой заложено так много удивительного, что она, конечно, будет притягивать к себе новых и новых талантливых авторов. Но вдохновляет она не только деятелей литературы и искусства.

...Группа чебоксарских бегуновсверхмарафонцев в апрельские дни ежегодно собирается в Шоршелах, у бронзового бюста дважды Героя Советского Союза А. Г. Николаева. Отсюда начинается семисоткилометровый пробег до Звездного городка, где живут и трудятся советские и

иностранные космонавты. В пробегах «Шоршелы — Звездный» не первый год участвую и я, хотя мне уже 60. В 1987 году, правда, стартовали мы в августе: это в честь 25-летия первого полета в космос нашего земляка, заслуженного мастера спорта СССР А. Николаева. Обычно нас провожают добрыми словами — колхозники, учащиеся, руководители района и колхоза. В Чебоксарах теперь обязательно останавливаемся на перекрестке улицы Николаева и проспекта Ленина. Здесь в августе того же года состоялось торжественное открытие памятного знака. Придумано оригинальное решение: две глыбы красного гранита, как два крыла, а в центре - космонавт в гермошлеме. Конечно, были у нас и не удачные, даже малохудожественные произведения, связанные с образом космонавта, но не будем здесь затрагивать их, это тема отдельного разговора. У памятника, где начинается улица Николаева, провожали нас десятки тысяч чебоксарцев. А когда мы, бегуны, приближались в Звездном к финишу, навстречу нам выехала «Чайка», в ней сидела красивая черноглазая девушка. Мы узнали ее - Алена, дочь Андрияна Григорьевича.

Зримый, обаятельный образ выдающегося человека нашего времени А. Г. Николаева запечатлен и на фотоснимков. тысячах Это тоже наше большое богатство. Встречи с разными людьми внутри страны и за рубежом. Рядом с ним - рабочие, колхозники, министры, премьер-министры, звезды балета, президенты, писатели, спортсмены... Наш земляк неизменно прекрасен, всегда скромен, мужественен и мягок, у него всегда добрые глаза.

Петр Градов

ПЕСНЯ ОБ АНДРИЯНЕ НИКОЛАЕВЕ

Здесь тебя глубоко уважают, Здесь земляк ни один не забыт. Как Василий Иваныч Чапаев, Ты в родной стороне знаменит.

Андриян! — Так тебя называют в Чувашии, И улыбкою светится взгляд. Андриян! — И фамилию можно не спрашивать, И понятно, о ком говорят.

Прилетаешь, да жаль, что не часто, Ты на Волгу, в родные края. Только все понимают прекрасно, Что такая работа твоя.

От Москвы добираться недолго, Прилетай, обгоняя рассвет. Ведь такой красоты, как за Волгой, Нет нигде, даже в космосе нет.

Андриян! — Так тебя называют в Чувашии, И улыбкою светится взгляд. Андриян! И фамилию можно не спрашивать, И понятно, о ком говорят.

ВСПОМИНАЮТ КОСМОНАВТЫ И МЕЧТАТЕЛИ...

мы сразу в него поверили

Алексей Леонов:

Нам в 1960-м было не более 25 лет, но мы уже считались опытными летчиками: кто-то работал испытателем, все имели большой налет на современных машинах. Ждали полгода встречи с Сергеем Павловичем. И вот однажды сказали: сегодня будет встреча. Мы никакого представления о нем не имели как о человеке. Как он выглядит? Представляли, что должен быть с бородой, как классический академик.

Встреча состоялась в Москве летом 1960 года. Подъехала машина. вышел из нее человек, в сером пилжачке, без галстука, сутуловатый, с большой головой, с широким лбом, умными, глубоко посаженными глазами, и очень быстро вошел в зал, где мы сидели. Все вскочили и стояли, пока он подходил. Сел. «Ну, вот что, орелики (он так называл нас всех, «орелики», иногда говорил «соколики»), поговорим про жизнь». Представился: «Сергей Павлович Королев — главный конструктор корабля, на котором через год вы должны летать». Вот в это трудно было поверить: только прибыли, а через год уже нужно летать на неведомом нам космическом корабле.

Потом началась беседа. Смотрел он на нас настолько влюбленными глазами, настолько ласковыми, что мы увидели в нем необыкновенного нашего друга и сразу в него поверили. Каждому казалось, что мы за этим человеком пойдем куда угодно. Скажет лететь на бревне — мы на бревне полетим... Так в течение полутора-двух часов завязался теснейший контакт с этим человеком. Он смог расположить к себе всю ауди-

торию. Расспрашивал каждого о родителях, о семьях, по-отечески внимательно смотрел, прищуривался, вопросы задавал.

Андриян Николаев:

Он лично знакомился с каждым из нас. Затем очень увлекательно рассказывал о конструкторском бюро, о космических ракетах и кораблях, о будущих полетах человека в космос. После беседы он пригласил нас в цехи, где собирали ракетыносители и космические корабли «Восток». Мы впервые увидели не макет, не тренажеры, а настоящие космические корабли, на которых нам предстояло летать, ракеты-носители, которые должны были вывести эти космические корабли на орбиту. Мы были удивлены и поражены размахом строительства такой чудотехники.

...Экскурсию по сборочным цехам и огромным залам, где стояли корабли и ракеты-носители, вел сам Сергей Павлович. Он подвел нас к готовому «Востоку», стал подробно объяснять устройство космического принципы управления им. Рассказал и о том, как «Восток» выводится на орбиту, как теплозащитная обмазка корабля предохраняет его от сгорания при вхождении в плотные слои атмосферы. Меня (я лумаю. и моих товарищей) поразила тяга двигательных установок ракеты-носителя — шестьсот тонн! «А теперь вы все по очереди можете посидеть в корабле, осмотреть его, ознакомиться с системами управления кораблем», - заключил беседу Главный конструктор.

Пока подошла моя очередь, я успел ознакомиться с внешней частью корабля. А когда сел в просторную и удобную кабину «Востока», не было предела моему восторгу. Все было непривычно и ново, ничего похожего на кабину самолета. Даже ручка управления кораблем непривычно установлена сбоку. Когда

взялся за нее и мысленно представил, как буду управлять кораблем в полете, далеко в космосе, даже не верилось, что такое время может настать. И тут «очередник» Валерий Быковский прервал мои мечты и закричал: «Андрюха, хватит, размечтался, нам тоже хочется, вылезай».

Титов Герман Степанович
Род. в 1935
Летчик-космонавт СССР,
генерал-полковник авиации,
Герой Советского Союза (1962).
Член КПСС с 1961.
Полет на «Востоке-2» (август 1961).
Почетный гражданин городов Калуга,
Севастополь, Барнаул, Юрмала (СССР),
Варна (НРБ).
Именем Титова назван кратер на Луне.

Герман Титов

25 ЧАСОВ В КОСМОСЕ

Когда мне объявили, чтобы я готовился к следующему полету в космос, я с огромным энтузиазмом взялся за дело... Как и перед полетами на реактивных самолетах, начались тренировки в кабине, розыгрыши полета. Но теперь они были более приближены к реальным условиям. Проигрывались команды, я, требовалось в будущем полете, выполнял все необходимые операции, вел связь с Землей, докладывал о работе приборов и аппаратуры. В общем, все действия отрабатывались до автоматизма. Вместе с тем «обживал» кабину космического корабля, привыкал к ней. Ведь, уйдя в космос, мне предстояло провести в ней сутки!

Тренировались мы вместе с Космонавтом-Три. Это среднего роста молодой человек. Удивительно спокойный, неторопливый, скромный, умеющий мыслить самостоятельно, чем-то похожий на летчика Алексея Маресьева. С ним можно долго быть рядом и не услышать ни одного слова, если это не требуется в интересах дела. Многим из нас, космонавтов, по душе этот добродушный, умный и волевой человек, способный быстро принимать решения, страшно и последовательно мыслить. таким можно работать целый век. Если он пообещает, то обяза-

тельно сдержит свое слово. Раньше Космонавт-Три курил. Врачи опасались, чтобы это не сказалось отрицательно на его здоровье. Конечно, он молод, и курение не мещает выдерживать большие перегрузки. Но как-то раз он закурил, глубоко затянулся, выпустил струйку дыма и сказал:

— Брошу! — и сразу же раздавил окурок, как давят ядовитого паука. С тех пор он не курит.

Как-то мы беседовали с видным ученым — доктором наук. Он обратил внимание на Космонавта-Три и буквально забросал его сложными вопросами. Наш друг внимательно слушал, делая вид, будто от него и не требуется ответа. Затем, как обычно, неторопливо сказал:

— **А** этого просто не случится в полете, и вот почему...

Спокойно, словно шлифуя каждое слово, он обстоятельно, с глубоким знанием дела объяснил сложный вопрос.

Мы напряженно готовились к полету. Весь рабочий день был заполнен до отказа...

Вместе с Космонавтом-Три тщательно изучали карты земного шара с проложенной на них проекцией космического маршрута. За семнадцать витков «Восток-2», на котором предстояло лететь, должен был побывать над всеми материками и океанами, его путь, подобно гигантским синусоидам, пролегал почти над всеми странами мира и, нанесенный на карту, напоминал серпантин горных дорог.

...С чувством радости и легкости улетали мы, космонавты, на далекий космодром. Раскаленная августовским солнцем степь, покрытая степными цветами и густым разнотравьем, встретила нас горьковато-вяжущими запахами. Вокруг простиралось море полыни и чабреца и еще каких-то пахучих трав. На горизонте

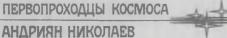
переливалось знойное марево. Солнце накаляло металлические конструкции так, что до них боязно было дотронуться...

Вместе с инженерами и техниками мы заканчивали последние приготовления, осматривали ракету и корабль, проверяли приборы, продолжали тренировки непосредственно в кабине космонавта. В конце рабочего дня приходили в домик, в котором я раньше жил с Юрием Гагариным. Теперь его кровать занял Космонавт-Три. Везде и всегда мы были с ним вместе, еще больше сдружились.

Время летело быстро. Наступил последний вечер перед полетом. Ужинать мы сели вчетвером: я со своим товарищем Космонавтом-Три и два врача. Ели питательную космическую пищу, выдавливая ее из специальных туб. Разговаривали обо всем и меньше всего о завтрашнем дне. Каждый из нас знал, что он будет нелегким, но все были уверены, что полет пройдет благополучно.

После ужина к нам зашел Главный конструктор, и мы вместе с Космонавтом-Три погуляли с ним четверть часа. Это была деловая прогулка. Главный конструктор дал нам последние советы и наставления, еще раз обратил внимание на особенно важные элементы полета. В сумеречной темноте мы шли в ногу, почти вплотную друг к другу, я — слева, а Космонавт-Три справа от Главного конструктора. Вся его крепкая, коренастая фигура и твердые шаги, словно отпечатывающиеся на гравии дорожки, невольно вселяли в нас еще большую уверенность в завтрашнем дне.

— В своем полете вы должны тщательно испытать систему ручного управления кораблем, возможность его посадки в любом заданном районе, — сказал Главный конструктор.

Гле-то в вышине сорвалась звезда, оставив в небе легкий след — словно алмазом проведи по стеклу. Бледный свет вспыхнувшего где-то на космодроме прожектора осветил значительное и своеобразное лицо ученого, его крупную голову. Темные глаза его были сощурены, губы плотно сжаты. Он был весь там, в полете, старт которого назначен на утро. Он посмотрел на часы, и мы без слов поняли, что нам пора спать. Перед серьезным делом надо житься рано. У меня с юношеских лет вошло в привычку - перед экзаменами хорошо выспаться. А ведь завтра — самый серьезный экзамен в моей жизни.

Врачи провели очередное обследование. Затем на тело нам прирегистрирующие датчики, физиологические функции... мы легли в одной комнате. Окна пришлось распахнуть и у коек повентиляторы. Я слышал ставить легкие металлические звуки, долетающие откуда-то с космодрома, но вскоре забыл о них и уснул. Космонавт-Три заснул еще Ночью стало холодно, я проснулся и выключил вентилятор. Космонавт-Три спал все в том же положении, на левом боку, просунув под щеку обе руки. На столе стоял букет роз. Цветы светились в темноте, они были самым светлым пятном в комнате. Кто их поставил, я не знаю. Но было приятно увидеть этот знак внимания товарищей.

Утром нас разбудили врачи. Было похоже, что оба медика провели бессонную ночь, охраняя наш покой... Предстоял снова медицинский осмотр, затем физзарядка, завтрак, облачение в скафандры, и вот мы едем в специальном автобусе к стартовой пловеличественный щадке, где, как монумент нашего времени, стояла тонкая и высокая ракета, в которую был вмонтирован космический корабль.

На стартовой площадке остались самые необходимые люди, без которых нельзя было осуществить полет. Я попрощался со своими друзьямикосмонавтами, крепко обнял Космонавта-Три. Одетый в скафандр, он был такой же неуклюжий на Земле, как и я. Встретившись взглядом с темными глазами Главного конструктора, я увидел то, чего никогда в них еще не видел: и отцовскую любовь, и командирскую требовательность, и заботу о благополучном возвращении на Землю.

Наконец-то после стольких часов полета я оказался на родной земле! Теплая, согретая августовским солнцем, она пахла свежим зерном и соломой. Как было приятно встать на нее, ощутить под ногами привычную почву, сделать первые шаги! Они были неуверенными, как в детстве, когда я учился ходить...

В тот же день в домике на крутом берегу Волги я встретился с Юрием Гагариным. Нас окружило много людей, все поздравляли меня. Кто-то сказал, что делит успех на две равные доли: одну сулит мне, другую тем, кто создал «Восток-2».

Я ответил, что вся слава новой победы принадлежит партии, народу и, конечно, создателям космического корабля. Не было бы корабля, и я бы не смог взлететь в космос. Не было бы Титова, и взлетел бы Иванов, Петров, Николаев или Сидоров...*

* Константин Ваншенкин

имена

Его уже упоминал Титов Тогда — средь Ивановых и Петровых. Среди ребят отважных и здоровых Любой в полет немедленно готов. А вслед за ним назначенной порой Наш космонавт последует - четвертый, Безвестный прежде и доверьем гордый...

Вечер мы провели втроем — Юрий Гагарин, Космонавт-Три и я. Мы любовались простором великой русской реки и синими заволжскими далями, освещенными солнцем, прислушивались к басовитым гудкам пароходов.

Человек с железным здоровьем и таким же спокойствием Космонавт-Три задавал вопросы, на которые никто не мог ему ответить, кроме нас. Он хотел все знать, ибо все пережитое нами могло пригодиться ему новом, может быть, еще более сложном полете.

После прогулки усаживаюсь за письменный стол. Надо осмыслить свой доклад Главнокомандующему Военно-Воздушных Сил. Что необходимо порекомендовать для успеха полета Космонавта-Три — вот вопрос, нал которым я размышлял.

Гагарин Юрий Алексеевич 1934-1968

Летчик-космонавт СССР, полковник, Герой Советского Союза (1961). **Член КПСС** с 1960. 12 апреля 1961

впервые в истории человечества совершил полет в космос

на космическом корабле «Восток». Почетный член международной академии Астронавтики (1966).

Погиб во время тренировочного полета. Имя Гагарина носят

Военно-воздушная академия в Монино, Центр подготовки космонавтов, Научно-исследовательское судно АН СССР.

ЮРИЙ ГАГАРИН

даже трудно оценить

...Развернулась подготовка к новому полету в космос: моих товарищей Андрияна Николаева и Павла Поповича...

Андриян Николаев - Космонавт-Три, как уже давно называли его мы между собой, год назад дублировал Германа Титова и был тогда готов в любую минуту занять пилотское место в кабине «Востока-2». Этот исключительно спокойный и выдержанный человек был отлично подготовлен к новому полету в космос. Он, как и Павел Попович, расспрашивал меня и Германа Титова о всех перипетиях наших космических рейсов, глубоко вникал в наш опыт, тщательно готовился к заданию на различных тренажерах...

Космодром жил размеренной жизнью. Я сразу включился в ее деловой ритм, подчиненный требованиям предстоящей задачи. Целыми днями мы пропадали на стартовой площадке, на оперативном пункте управления предстоящим полетом. Следовало проверить, уточнить, «проиграть» с командирами «Востока-3» и «Востока-4» на Земле все детали их действий в космосе.

И вот настал последний день перед стартом «Востока-3», который должен был первым пойти в космос. Мы проводили Андрияна Николаева и его дублера в тот самый «домик космонавтов», где в апреле 1961 года мне и Герману Титову довелось провести памятную на всю жизнь ночь накануне старта «Востока». Здесь было так же уютно, как и тогда. В небольшой спаленке — две кровати, круглый стол с букетом полевых цветов, книги, шахматы, радиоприемник. Андриян Николаев расположился на кровати, где раньше спал я, и на которой он провел ночь, дублируя Германа Титова. Перед тем, как улечься спать, мы все -Андриян Николаев, Павел Попович, их дублеры, Герман Титов и я — задушевно побеседовали, перекинулись несколькими шутками, пожелали друг другу спокойной ночи и разошлись. После нашего ухода Андриян Николаев и его дублер сразу уснули. Лважды за ночь к ним заходил Главный конструктор, беседовал с врачами, дежурными в «домике космонавтов», и, убедившись, что ребята спят, уходил...

Рано утром, пока еще командир «Востока-3» спал безмятежным, крепким сном, Государственная комиссия, собравшись в помещении поблизости от стартовой площадки, заслушала доклады о готовности ракетыносителя и космического корабля к полету, утвердила во всех деталях полетное задание. Вместе с Германом Титовым я тоже был на этом заседании Государственной комиссии. Было приятно выслушать здесь ответ представителя медицины на вопрос Теоретика космонавтики, интересовавшегося состоянием здоровья командира «Востока-3», что он, судя по показаниям специальной аппаратучувствует себя превосходно. Да иначе и не могло быть! Хорошо зная Андрияна Николаева, его действительно богатырское здоровье и крепкие нервы, мы невольно в этот момент переглянулись с Германом Титовым и понимающе улыбнулись друг другу.

Легкий завтрак в земных условиях, облачение в космические одежды Андрияна Николаева и его дублера и выезд в специальном автобусе на стартовую площадку... Прощальный взмах руки товарищам и друзьям, и лифт уносит Андрияна к люку космического корабля.

Теперь время потянулось медленно. Ведь самое тяжелое в жизни космонавта — это ожидание. А всегда приходится чего-нибудь ждать. Пока Андриян обживался в своей уютной кабине, я все время перекликался с ним по радио. Это был самый обыденный разговор. Были в нем и вопросы технического характера, и деловые советы, и шутки.

Время от времени ко мне на стартовом командном пункте, расположенном под землей, в так называемом бункере, подходил Главный конструктор и, взяв микрофон, говорил Андрияну Николаеву несколько слов. Как всегда, это были точные, деловые и вместе с тем очень душевные слова.

В 11 часов 30 минут по московскому времени была подана последняя команда:

— Подъем!!!

Глядя в перископ, я увидел, как серебристое тело ракеты, освобожденное от металлических одежд, поддерживающих ферм, медленно приподнялось над стартовым устройством и, содрогая землю и воздух гулом мощных двигателей, в жарком пламени устремилось ввысь.

— Все нормально, — донесло до нас радио спокойный голос Андрияна Николаева, принявшего на себя все нарастающие перегрузки.

Прошла минута, и в небе остался только бледный след от ракеты,

скрывшейся с глаз. Полет «Востока-3» начался...

«Восток-3» был выведен на заданную орбиту с поразительной точностью как по времени, так и по месту. Андрияну Это дало возможность Николаеву c первых же включиться в научную работу, которая предусматривалась программой полета...

Никто в эти первые часы нового космического полета не уходил с оперативного пункта управления. Всем хотелось слышать чуточку глуховатый голос Андрияна Николаева, все время сообщавшего результаты своих наблюдений, что называется, из первых рук узнавать и координаты «Востока-3», и о всем том, что делается на его борту. В начале четвертого витка состоялась телевизионная передача из космоса, и мы увидели на экране лицо Андрияна, спокойно работающего в своей кабине.

По графику, заранее разработанному на Земле, подходило время одного из весьма важных опытов, который надлежало произвести Андрияну Николаеву, -- выход из пилотского кресла. Этого, как известно, не делал ни я, ни Герман Титов. Естественно, мы все ожидали этого момента с нетерпением и настороженностью. Ведь никто не что может произойти с космонавтом, когда в состоянии невесомости он освободится от привязных ремней, окажется в свободном «плавании», и сможет ли один, без чьей-либо помощи, вернуться обратно в кресло? Вдруг он очутится под потолком кабины и не сможет опуститься на рабочее место? Ведь тогда создастся аварийное положение, чреватое тяжелыми последствиями.

Специалисты советовали сначала освободить левое, затем правое плечо и, ни в коем случае не делая резких движений, попробовать отделиться от кресла. Андриян так и сделал. Он первым в мире выяснил, что человек, потерявший свой вес, может свободно перемещаться воздухе. Так была открыта непреходящая истина. Никаких затруднений при этом космонавт не испыты-Постаточно было коснуться пальцем стенки кабины, чтобы поплыть в противоположную сторону, а коснувшись потолка, -- опуститься в кресло.

Первое свободное «плавание» Андрияна Николаева продолжалось около часа.

...И вот наступило утро 12 августа... В одиннадцать часов две минуты был дан старт «Востоку-4». Как только приборы показали, что «Восток-4» вышел на орбиту, я услышал произнесенные Андрияном Николаевым слова:

— «Беркут», «Беркут»,— я «Сокол», как меня слышите?

И хотя именно эти слова и должны были прозвучать в эфире в первые минуты космического рандеву, они показались неожиданными. Мы все тот момент присутствовали при новом научном открытии - установлении радиосвязи по совершенно новому каналу «Космос-Космос», и при том без всякого участия в этом деле наземных радиосредств...

Друзья, встретившись в космосе, на какое-то время забыли о существовании Земли и увлеклись разговором между собой. Они делились впечатлениями, понимая друг друга, что называется, с полуслова. Признаться, было интересно слушать их взволнованную беседу. Но эмоции эмоциями, а дело - прежде всего. Пришлось вмешаться в космический разговор и, установив таким образом четырехстороннюю связь: «Восток-3» — «Восток-4»—Земля, попросить у командиров кораблей кратких рапортов...

...Продолжая штурм космоса,

Москва. В музее-квартире Владимира Ильича Ленина в Кремле.

Перед экспериментом.

В орбитальном отсеке космического корабля «Союз-9».

Ракета-носитель с кораблем «Союз-9» прибыла на стартовый стол.

Звездный городок. До старта «Союза-9» осталось несколько дней. Последняя встреча с журналистами.

Доклад Государственной комиссии о готовности выполнить полет.

Центр управления полетами. Летчик-космонавт В. Шаталов ведет связь с экипажем «Союза-9».

С космических высот, с борта «Союза-9» поступает информация. Летчики-космонавты С. Елисеев и В. Кубасов изучают результаты очередного эксперимента.

Андриян Николаев и Павел Попович блестяще справились с возложенными на них заданиями... Их полет — такое крупнейшее достижение космонавтики, результаты которого даже трудно оценить сразу.

Выковский Валерий Федорович Род. в 1934
Летчик-космонавт СССР, дважды Герой Советского Союза (1963, 1976), полковник, кандидат технических наук.
Член КПСС с 1963.
Полеты на «Востоке-5» (июнь 1963), «Союзе-22» (сентябрь 1976), «Союзе-31» и орбитальной станции «Салют-6» (август-сентябрь 1978).
Почетный гражданин городов Калуга, Ржев, Целиноград (СССР), Бургас, Варна (НРБ), Серадз (ПНР).

И они, несомненно, будут в полной мере использованы нашими учеными и конструкторами и, конечно, всеми космонавтами при подготовке новых полетов в просторы Вселенной.

Валерий Быковский

впереди — космос

Нас отбирали в космонавты. Всех поместили в госпиталь — для проверки. А нас много. Интересно, кто рядом со мной? Огляделся — трое у меня соседей. Летчики пожаловались: целыми днями, как больных, «мучают» в кабинетах врачи... Это пока начало. Нелегко попасть в космонавты. Настроение было хорошее только у одного «чернявого». Он молча слушал летчиков и улыбался. Это был Андриян Николаев.

В госпитале мы сдружились... Сразу общие интересы, нашлись хотя характеры у нас различные. Оба мы почему-то уверовали: нас не отсеют. Мы крепыши. Но здоровье здоровьем, а к нему мы еще добавляли и кое-что другое. Например, упорство. Решили: не раскисать, держаться до конца. Оба настроились на одну «волну». Мы хотим летать на новой технике, на больших скоростях. Впереди — космос. Мы уже «заболели» космосом.

Как-то само собой у нас началось содружество. Вроде делились опытом: кто и как выдержал испытание. Андриян раньше прошел предварительную проверку. Рассказал, как надо вести себя в том или ином случае. Я внимательно слушал...

Андриян первый побывал на центрифуге. Об этой центрифуге разное говорили, и больше всего страшное: мол, на тебя падает адская тяжесть... Он посоветовал:

— Все время жди: будет под конец тяжелее. Тогда легче перенесешь ускорение...

Мы с Андрияном все время вместе, рядышком: и на тренировках, и в автобусе, и в театрах, и на лекциях... Где один, там и другой. К этому все в группе привыкли, не удивляются. Удивляются, если ктото из нас вдруг появляется один. «А где старший?» — сразу же спрашивают. - «Сейчас придет».

Старший «брат» — Андриян. А младший, конечно, я. Андриян старше по возрасту, по жизненному опыту. В нашей мужской дружбе он занимает главенствующее положение. Я бываю горяч, а он охлаждает меня. Ничего не поделаешь настоящая дружба подразумевает строгую требовательность.

Хотя мы и «братья», но внешне и по характеру — полные противоположности. Идем вместе. Андриян вышагивает степенно, а у меня походочка трусцой. Андриян невозмутимо выслушивает, изредка кивая головой, я доказываю горячо, размахивая руками...

...Впервые я увидел космическую ракету на старте весной 1961 года. Привезли нас на космодром посмотреть старт собачки Звездочки. Все мы понимали: приехали для знакомства с обстановкой... Увидели ракету и встали как вкопанные... «Вот это да!» — повторяли с восторгом. Всех поразил старт. Даже спокойный Андриян не удержался от крика:

— Здорово полетела!..

Кто-то из ребят проговорил:

- Теперь наша очередь.

Наша очередь подошла скоро. Той же весной, 12 апреля, в космос поднялся Юрий Гагарин... Теперь тренировки проводились с учетом опыта первого космонавта. Потом, когда слетал Герман Титов, мы взяли и его

...Готовился новый большой штурм

космоса. Подобрали группу космонавтов. Среди них был и я... Вскоре стало ясно: полетят Андриян Николаев и Павел Попович. Андриян сказал мне:

- Возможно, ты будешь моим дублером.

Позже я узнал: он предложил мою кандидатуру Главному конструктору. И, говорили, так отстаивал меня, что даже разгорячился. Главный конструктор улыбнулся:

— Друга возносите до небес? Что ж, это понятно. Я тоже обожаю своих друзей. Но только стараюсь о них говорить скромнее. А то, боюсь, они обидятся на меня.

Андриян смутился: кажется, перестарался. Главный конструктор решил меня получше «рассмотреть», он как бы невзначай заводил разговор о полете, расспрашивал о моей жизни, «прощупывал» мой характер. Потом сказал Андрияну:

- Я согласен.

Так я стал дублером Андрияна Николаева. Конечно, это было большой радостью для меня. Ведь мы друзья с Андрияном. Понимаем друг друга с полуслова. Андриян сказал мне строго:

— Слушаться беспрекословно, принимаю только разумную циативу.

К полету мы, понятно, готовились вместе. Все делали сообща. Дружба наша еще больше окрепла...

...Знойная степь. Жарко на космодроме. Водитель улыбается:

— Это разве жара? Неделю назад доходило до сорока пяти.

В гостинице поставили чемоданза работу. Некогда прохлаждаться. Андриян строг к себе и ко мне, дублеру. Утром, перед тем как отправиться на стартовую площадку, придирчиво оглядывает себя, а потом уж меня. Я знаю: промолчал значит, доволен. Потом смотрит на часы — еще рановато — и придви-

гает к себе блокнот, что-то записывает:

— Мысль интересная пришла, а то потом забуду.

автобусе опять раскрывает блокнот, на этот раз для того, чтобы обсудить свои планы со мной. Я прислушиваюсь к своему командиру.

...Перед стартом стали хозяевами маленького домика, окруженного тополями. Знаменитый домик! Отсюда выходили на старт Юрий Гагарин и Герман Титов... Чуть-чуть отдохнули и принялись изучать документацию. И тут не даем себе покоя. Надо еще раз кое-что проверить, чтобы потом не было сомнений. Ведь завтра — полет... К вечеру нас навешает Главный конструктор.

- Ну, первооткрыватели, заняты?

- Отдыхаем, отвечает Андриян.
- У нас все готово, говорит Главный конструктор. — А вы как?
- Андриян готов, докладываю я.
 - А вы?
 - Я остаюсь на земле.
- Ничего, скоро и вас отправим, немного подождите. Вот только Андриян с Павлом откроют двойные двери в космос, тогда веселее будет летать. Но учтите: с вас, может быть, побольше спросим. Какой смысл повторять пройденное.
 - Я готов, отвечаю бодро.
- Все, что от нас зависит, сделаем, - дополняет Андриян.
- Знаю, отзывается Главный конструктор. — Пошли на Ночь-то какая!..

Утром нас одели в скафандры. Оба выглядели внушительно, как средневековые рыцари. Я подошел к другу, улыбнулся:

- Чокнемся?

У нас, космонавтов, появился условный термин «чокнемся». Это значит — пожелаем на дорогу всего хорошего. Мы обнялись.

Счастливой дороги, Андрюша!

— До встречи на земле!

Поехали на стартовую площадку. Там уже «чокнулись» громче, со звоном. И повторили те же слова. Андриян неторопливо зашагал к ракете...

...И я дождался! Ночь перед стартом я проводил в домике космонавтов... С портрета, висящего на стене. с улыбкой смотрел Юрий Гагарин. С другого портрета смотрел на меня Андриян, взгляд у него, как всегда, серьезный, как бы спрашивал: «Coбрался с духом для полета?» Он не пришел в домик, понимает, что мне надо побыть одному. Самое важное скажет завтра, перед самым полетом. Что, интересно, скажет? В прошлый раз, перед его стартом, мы говорили о невесомости. Вместе наметили, как ему действовать: вначале осторожно, затем постепенно входить в мир без веса... Андриян так и делал. Теперь у него большой космический опыт. Видимо, что-то новое подскажет мне. Я прислушиваюсь к каждому слову Андрияна: он — мудрый человек...

Последняя финишная прямая автобус везет меня к стартовой площадке. Рядом со мной - Андриян Николаев, Герман Титов... Андриян склонился ко мне:

— Мое мнение такое: в первый день осваивайся с обстановкой, не рвись слишком резко от кресла. Сам понимаешь: невесомость не до конца изучена. Привыкнешь, убедишься в своей силе — действуй смело, без боязни. И еще: выдерживай режим, спи и кушай нормально. И самое главное - возвращайся на землю таким, какой есть...

Я кивнул: принято к исполнению. Андриян тоже кивнул: мол, хорошо, что понял. К чему лишние слова и так мы отлично понимаем друг друга...

Настал и мой звездный час. Про-

щание. Ко мне прильнул дублер. Андриян чуть задержал меня в своих объятиях, шепнул:

— Верю: все будет хорошо. Я частенько буду на связи, поговорим.— И хлопнул рукой по скафандру: — Пошел! Счастливой работы!

...Лечу я, лечу! Теперь уже не во сне, как бывало в последнее время, а наяву... Здравствуй, космос! Здрав-

ствуй, Вселенная!.. Вот она, невесомость!.. Самому хочется лететь — как будто крылья появились за плечами. И полетел бы, отвязавшись от ремней, да рассудок удерживает: не торопись, пока осваивайся с обстановкой. Я помнил наказ Андрияна Николаева. Я еще не знаю, смогу ли ужиться с невесомостью. Впереди — пять суток полета...

Род. в 1937

Летчик-космонавт СССР,
первая в мире женщина-космонавт,
кандидат технических наук,
полковник-инженер,
Герой Советского Союза (1963).
Член КПСС с 1962.
Полет на «Востоке-6» (июнь 1963).
Председатель комитета советских женщин с 1968, вице-президент Международной демократической федерации женщин с 1969.
С 1987 — председатель Президиума
Союза советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами.
Почетный гражданин городов Калуга,

Караганда, Ярославль, Ленинакан,

Витебск (СССР),

Терешкова Валентина Владимировна

Валентина Терешкова

В «ЗВЕЗДНОМ ГОРОДКЕ»

В кармане у меня лежала телеграмма: к десяти часам утра прибыть к генерал-лейтенанту авиации товарищу Каманину... Генерал встретил меня приветливо, пожал руку, предложил сесть. На его кителе цветами радуги переливались многочисленные орденские ленточки, посвященный человек по ним мог прочесть всю его военную биографию. Николай Петрович сказал, что я успешно прошла все комиссии и зачислена в отряд космонавтов...

День был субботний, и в «звездном городке» уже наступила предвоскресная прозрачная тишина. Работающие здесь специалисты разъехались по домам. Но в вестибюле гостиницы у бильярдного стола было шумно. Там перед экзаменами по высшей математике собрались космонавты. Я быстро пробежала глазами по лицам, надеясь увидеть Юрия Гагарина или Германа Титова — с ними уже довелось мельком деться во время медицинских следований и комиссий. Но их тут не оказалось. Были другие. Каждый. дружелюбно пожимая руку, называл свою фамилию. Так я впервые познакомилась с Андрияном Николаевым, Павлом Поповичем, Валерием

Быковским. Чувствовалось, ребята обрадовались появлению девушки в их мужском коллективе. Андриян и Павел провели меня на второй этаж, вынули из-под коврика ключ, открыли дверь приготовленной для меня комнаты.

— Сама гарна свитлиця,— с лихостью, словно рапортуя, сказал Попович, поправляя шапку, надетую набекрень. А Николаев молча поставил чемодан на пол и, ласково блеснув темными бархатными глазами, вышел.

«Девичье подразделение» в отряде космонавтов являлось своего рода опытным. Никто не знал, как поведет себя женский организм в космосе. Это проверялось на наших тренировках, составленных по особой программе...

С замирающими сердцами наблюдали мы, как со все увеличивающейся скоростью, словно пропеллер самолета, мелькал перед нами рычаг центрифуги, пронося в специальной люльке то Андрияна Николаева, то Павла Поповича. Их усиленно тренировали, и мы догадались: они вероятные кандидаты на ближайшие полеты в космос...

Как-то зашла в комнату своей подруги. На столе среди учебников лежали книги, написанные космонавтами.

— Невозможно купить, попросила на время у Андрияна,— сказала она. Я взяла в руки «Дорогу в космос», прочла на первой странице: «Дорогому другу — Андрияну Григорьевичу Николаеву, в память о нашей славной работе, подготовке к первому космическому полету и его осуществлению. Желаю тебе самых счастливых и самых хороших космических полетов, всегда возвращайся на нашу родную Землю живым и невредимым. Ведь ни одна планета не ждет нас так, как эта, планета дорогая по имени Земля. Гагарин.

15.07.61 г.». На книге «700 000 километров в космосе» в автографе было сказано: «Андрияну Николаеву на память о подготовке к полету «Восток-2» и о дне 6 августа 1961 г. Герман Титов. 10.02.62 г.»

...В отряде космонавтов приспела страдная пора - вовсю развернулась подготовка к длительному групповому полету двух космических кораблей. Командиром одного из них определили Андрияна Николаева. командиром второго - секретаря нашей партийной организации Павла Поповича. У ребят был предельно занят каждый день; они жили по особому расписанию, и виделись мы реже, да и то все как-то мельком. Им предстояло выполнить сложные задачи. Речь шла не об одних сутках полета. Впервые в истории космонавтики на близкие друг к другу орбиты должны были выйти корабля.

Меня радовало, что в командиры «Востока-3» готовят молчаливого Николаева. Он дублировал Титова и, по отзывам медиков, обладал идеальным здоровьем, выдержкой и спокойствием. Все космонавты уважали Андрияна Григорьевича за исключительную скромность. Николаев прирожденный летчик-истребитель. и хотя никогда об этом не говорил, мы знали: он совершил подвиг. Однажды в полете на его истребителе отказал двигатель. мог спастись на парашюте, но, рискуя жизнью, умело посадил самолет поле, сохранил дорогостоящую машину. Никто не сомневался, что Николаев выполнит любое задание, чего бы это ни стоило.

Мне не раз доводилось видеть, как Андриян терпеливо возился с ребятишками у нас во дворе, помогал им мастерить удочки, угощал мороженым, точил коньки. Дети были частыми гостями в его холостяцкой обители, запросто обращались к

нему за советами, приходили разрешать споры. Андриян — страстный рыбак, и никто из космонавтов лучше его не умеет на берегу речки в котелке на огне костра сварить уху...

Нам, девушкам, хотелось полететь вместе с ними на космодром, чтобы видеть старты «Востока-3» и «Востока-4», но у нас своя программа, свои неотложные дела... Мы внимательно изучали богатейший опыт группового полета Николаева и Поповича, и не только по представленным ими документам и выводам, сделанным учеными, но и по устным рассказам космонавтов. Мы буквально вытягивали из немногословного Андрияна мельчайшие подробности его жизни и работы в корабле на орбите. Что касается Павла, то он с врожденной украинской щедростью, темпераментом, живо описал о всем увиденном и пережитом в космосе.

Вечерами у меня в комнате собирались девушки. Как-то мы затянули к себе Андрияна и Павла и, замкнув дверь на ключ, потребовали:

— Рассказывайте все начистоту, самое главное...

Разговор был долгий, но никого не утомил, никто не ушел раньше времени, и девушки убедились: красота Вселенной делает людей поэтами... Перед уходом Андриян и Павел рассказывали о вспышках бушевавшего на Земле огня, увиденного с орбиты:

— По массивным наковальням сгустившихся туч, высекая длинные искры, ожесточенно били молоты грозы,— возбужденные воспоминаниями, говорили космонавты.

...Время убыстрило свой бег. Особенно стремительно полетело оно, когда стало известно предварительное решение Государственной комиссии, которой Центральный Комитет партии и Советское правительство поручили руководство новыми исследованиями в космическом пространстве на кораблях «Восток-5» и «Восток-6». Решение уточняло детали обширной и сложной программы их длительного совместного полета, намечало наиболее вероятные кандидатуры командиров кораблей — Валерия Федоровича Быковского и мою — и наших дублеров...

Жизненный путь Валерия Быковского — общительного, подвижного, неистощимого на выдумки — похож на путь многих молодых людей нашего поколения: окончил десятилетку, научился летать в аэроклубе: Потом — летная школа, служба в истребительном авиационном полку, и затем работа в группе космонавтов. Тут он сдружился с Андрияном Николаевым. Было удивительно, что такие разные по характерам: спокойный, вдумчивый, обстоятельный Андриян и непоседа, балагур, любящий острое словцо Валерий — закадычные друзья. Их всегда можно было видеть вместе - и на занятиях, и в часы отдыха. Особенно сблизили их совместные тренировки перед стартом «Востока-3», когда на Быковского были возложены обязанности дублера. Ему хотелось. чтобы никакая непредвиденная случайность не помешала стартовать другу. И то, что взлет, многосуточный полет и приземление «Востока-3» прошли блестяще, стало для Валерия большой радостью в жизни.

...Каждый предстартовый день строго регламентировался. Когда утреннее, еще нежаркое солнце бросало первые лучи на дорожки садика, мы выбегали на физзарядку. Нас, девушек, «опекал» Гагарин, а Валерия — Николаев. Вместе мы проделывали ряд упражнений. Потом душ, завтрак и работа — до обеда и после обеда... После ужина мы с Валерием и Андрияном не шли, как все, в кино, а долго ходили по садику,

Телесеанс связи. На борту все нормально.

В. Ф. Быковский и А. А. Леонов ведут связь с экипажем «Союза-9».

Полет космического корабля «Союз-9» успешно завершен в заданном районе. Идет эвакуация экипажа.

Пресс-конференция, посвященная полету «Союза-9», в Актовом зале Московского государственного университета. В президиуме — Н. Каманин, А. Николаев, М. Келдыш, В. Севастьянов, Г. Береговой.

Генералам есть о чем поговорить. Генерал-майор авиации А. Г. Николаев и многолетний наставник советских космонавтов генерал-полковник авиации Н. П. Каманин.

Центр управления полетом. На орбите — орбитальная пилотируемая станция «Салют». Связь с экипажем ведет генерал-майор авиации А. Г. Николаев.

поросшему кустами смородины, говорили, что еще надо сделать в оставшееся до старта время...

Вторая половина предпоследнего предстартового дня у всей группы космонавтов оказалась свободной. Мы посвятили ее поездке на рыбалку. Там у реки при варке традиционной ухи Гагарин хлопотал у костра, я со своей подругой-дублером чистила картошку, Быковский занялся поварским делом, Титов и Николаев ловили рыбу. Никто не сидел без дела, и уха получилась отменная. Вернулись мы в гостиницу затемно, чуточку утомленные, но довольные поездкой, хорошо зарядившей нас...

Утро 14 июня 1963 года выдалось светлое, солнечное, безветренное... Все выше поднималось солнце, приближая время старта. И вот уже наш голубой автобус подъехал к стартовой площадке. Глядя на Валерия, словно на рыцаря, облаченного в космические доспехи, мы громко пели: «Давай, космонавт, потихонечку трогай и песню в пути не забудь!»

— Пора! — Валерий дружески попрощался с дублером. С легким звоном коснулись их металлические гермошлемы. Валерий поцеловался с Андрияном и Германом, сказал мне:

— До скорой встречи на орбите, Валюща...

Стартовая площадка опустела... В репродукторе, установленном на смотровой площадке, слышались два голоса: Гагарина и Быковского — они поддерживали связь между командным пунктом и космическим кораблем. К микрофону подходил и Главный конструктор. С «Ястре-

бом» — таким был позывной командира «Востока-5» — своим чуточку глуховатым голосом разговаривал и «Сокол» — Николаев, а затем издалека, с координационно-вычислительного центра, в радиосеть космодрома включился и «Беркут» — Попович...

— Подъем! — прозвучала последняя команда...

С первой секунды старта «Востока-5» на главном командном пункте управления космическим полетом закипела работа... Порой в четкий, деловой разговор с «Ястребом» врывались голоса Гагарина, Титова, Николаева, взяв микрофон, они говорили Валерию несколько теплых слов и, получив ответ, широко улыбались.

...16 июня 1963 года. Воскресенье. Вот и пришел мой красный день!.. Настало время отъезда на стартовую площадку. Неуклюже шагая в космическом облачении, я вышла из помещения и поднялась в автобус...

— Все приходит вовремя для того, кто умеет ждать,— сказал Герман Титов.— Пора прощаться.

Он и Андриян, словно рыцари, всю дорогу просидели на полу возле моего кресла...

— Космонавт Терешкова к полету на корабле-спутнике «Восток-6» готова!

Председатель Государственной комиссии, Главный конструктор, ученые обнимали меня, желали счастливого пути.

— Ни пуха ни пера, Валюша,— сказал Главный конструктор. Его темные, выразительные глаза сверкали: он выпускал в космос шестого человека!

Константин Феоктистов

УЧИТЬ ЗВЕЗДОЛЕТЫ ЛЕТАТЬ...

Еще в пятьдесят восьмом году, когда мы заканчивали первый отчет о возможности создания аппарата для полета человека на орбиту, мы начали мудрить над его названием. До этого корабль именовался просто и длинно—космический аппарат для полета человека... Решено было придумать кораблю имя собственное. Выписали на листке несколько названий, проголосовали почти единогласно за «Восток»...

«Восток» был полностью автоматизированным кораблем. Но пилот мог взять управление на себя, то есть сориентировать корабль для включения тормозного двигателя. Для космонавта была разработана полетная инструкция. Умещалась она на нескольких листочках бумаги, не то что сейчас — несколько книг. Гагарин инструкцию, кажется, сразу наизусть выучил...

И вот «Восток» на орбите. Что тут началось! Все стали аплодировать, выскочили из бункера, обниматься стали. Даже Сергей Павлович (ракета сработала отлично, а он старый ракетчик) расчувствовался, мне, расцеловались: подошел ко «Что, брат Константин, досталось тебе от меня за эти годы?» Но мне, однако, торжествовать еще рано: все самое трудное для корабля впереди — ориентация, тормозной установки, спуск пература — тысячи градусов!), посадка...

Наконец: «Объект на земле, космонавт в порядке!»

Когда «Восток» приземлился, возникло вдруг странное ощущение: нечего делать, некуда спешить, не за что волноваться. Еще полтора часа

Феоктистов Константин Петрович Род. в 1926

Летчик-космонавт СССР, доктор технических наук (1967), участник Великой Отечественной войны, Герой Советского Союза (1964). Полет на «Восходе» (октябрь 1964). Лауреат Ленинской премии, Государственной премии СССР. Почетный гражданин города Калуги. Именем Феоктистова назван кратер на Луне.

назад день был заполнен невероятным количеством забот и вопросов, волнением и беспокойством. Было такое состояние, которое трудно с чем-либо сравнить: масса проблем, и каждая непременно должна быть решена, закрыта непременно и своевременно. За три года состояние это стало привычным и казалось вечным, и вдруг — всего этого нет. Деньто будний, только начался, и вроде бы я на работе, а делать нечего...

...Полет первого «Восхода» в октябре 1964 года кажется теперь делом очень давним. Потому что он был «досоюзовским», одним из восьми у нас самых первых и десятым космическим полетом человечества вообще — начальная эпоха пилотируемой космонавтики. Итак. «Восход». Впервые на ракете стартует и отправляется на орбиту не пилотодиночка, а группа людей. Впервые космонавты отправляются в полет без скафандров. Идея первого многоместного космического корабля принадлежала Сергею Павловичу Королеву. Однажды в разговоре с группой проектантов он вдруг спрашивает: «А что, разве нельзя в спускаемый аппарат двух или даже трех космопоместить?» дружно Мы навтов зароптали: «Нет, нельзя, невозможно... Но Сергей Павлович не был бы Королевым, если бы он отступился от этой задачи...

И вот пришел февраль 1964 года, когда Королев поручил нам взяться за проработку трехместного корабля. Когда я доложил ему наши расчеты и эскизы и он их в целом принял, я вдруг едва ли не нахально заявил: беремся за это дело, если только наших ребят включат в экипаж... И в мае в КБ были отобраны и посланы на медицинское обследование несколько человек, включая меня... Подготовка наша началась за четыре месяца до старта. Готовились поначалу два экипажа. При-

мерно за месяц до назначенной даты нам объявляют: формируется первый экипаж в составе Комарова, Феоктистова, Егорова. Вышли мы трое счастливчиков вечером на улицу и медленно пошли через лес по шоссе...

У меня были обязанности инженера-испытателя «Восхода» и, следовательно, был специфический интерес к работе его систем. Хотя для меня как проектанта «Восход» был уже прошедшим этапом, и мысли мои тогда больше были заняты уже «Союзом». Полет — это был в известной степени отдых от «Союза». И потом, просто хотелось полететь в космос...

Более пяти десятков космичекораблей семейства стартовали с космонавтами на орбиту. Заметим, что пилотируемых «Востоков» и «Восходов» было лишь 8, «Меркуриев» — 4, «Джемини» —10, «Апполонов» — 15. Таким образом, «Союзы» составляют больше половины всех космических кораблей, на которых летали космонавты. Факт совершенно удивительный условиях быстрого прогресса космонавтики. Эта конструкция начала создаваться летом 1959 года.

«Восток» проектировался как самый первый в мире корабль и делался очень быстро. Мы сделали его за два года и на дальнюю перспективу не рассчитывали. Новый же корабль решили делать универсальным, предназначенным для решения самых различных космических задач. Только к 1969 году «Союз» был полностью отработан.

Первый пилотируемый полет состоялся в апреле 1967 года. Первым космонавтом-испытателем «Союза» был командир «Восхода» Владимир Комаров, и полет его, как известно, закончился трагически... Полтора года после этого шли доработки и дополнительные испытания всех си-

стем «Союза». Первым, кто испытал доработанный корабль, был летчикиспытатель Георгий Тимофеевич Береговой.

...В итоге всей этой огромной работы была получена возможность использовать новый корабль как в автономных многодневных полетах, так и в качестве транспортного средства для снабжения орбитальных станций.

Проектные работы над станцией были начаты еще в конце 1969 года. В 1970 году началось изготовление первого летного образца, а также наземные испытания отдельных систем. Важные данные для этой работы были получены в результате рекордного тогда по длительности полета - в течение 18 суток - Андрияна Николаева и Виталия Севастьянова на «Союзе-9» 1970 года.

...Как представлялось развитие пилотируемых космических полетов, когда они только должны были начаться и начинались, то есть в конце 50-х -- начале 60-х годов? Как последовательная цепь решений технических задач с возрастающей сложностью: полет одного космонавта, полет нескольких космонавтов, станция на 5-6 человек, станция на 50-100 человек, полет на Луну, полет к Марсу, к Венере и так далее.

Вопрос о длительности полетов обсуждался мало. Невесомость казалась отнюдь не эшелонированной обороной противника, а неким барьером. Преодолеть его, то есть убедиться в возможности человека переносить невесомость, а дальше уже все проще...

Гагарин до полета в космосе с удовольствием реагировал на невесомость: «...легкость, свобода движений, приятно. Висишь в воздухе, руки и ноги висят, голова работает четко». И Титов тогда тоже хвалил ее: «...очень приятная штука. Дышится легко... Чувствую себя очень хорошо». В полете же, судя по рассказам Юрия Алексеевича, эмоциональные нагрузки у него были столь высоки, что длительная невесомость не показалась серьезным испытанием. Зато ее в полной мере вкусил Герман Степанович...

В дальнейшем медики столкнулись с интересной загадкой. Было известно, что Борман и Ловелл после 14 суток в космосе чувствовали себя как будто неплохо. А между тем их корабль «Джемини» был очень маленьким и тесным. Да и дел у них там особых не было, все эксперименты завершились в первую неделю. Скучно... Николаев и Севастьянов в 1970 году были совершенно иначе подготовлены для борьбы с невесомостью в тогда рекордном по длительности 18-суточном полете. Летали они в роскошном по сравнению с американским кораблем двухкомнатном «Союзе» и при этом были постоянно заняты исследованиями. А между тем после полета их состояние было если не угрожающим, то очень нелегким. Это было большой неожиданностью. Космонавты не могли сами выйти из корабля, практически не могли стоять, с трудом сидели. Пульс и кровяное давление у них были высокими, они постоощущали повышенную жесть. В результате возникло сомнение: нет ли в районе 15-16 суток непреодолимого барьера невесомости и не опасно ли вследствие этого человеку летать в космосе дольше двух недель? Тут надо отдать медикам должное: они быстро разобрались в проблеме и поняли, что трудное состояние Николаева и Севастьянова — следствие чисто физической детренированности сердца и организма в целом в результате отсутствия привычной силы тяжести...

Что же конкретно помогло так успешно выиграть сражение с вред-

ным воздействием невесомости? Это был комплекс различных мер, среди которых главная — регулярные физические упражнения на орбите. Появились новшества в методах предполетной подготовки.

Весь этот комплекс средств дал эффективные результаты. Сравните, с каким трудом Виталий Севастьянов двигался и улыбался после своего первого полета и как замечательно он выглядел летом 1975 года после двухмесячного полета вместе с Петром Климуком на станции «Салют-4». Немалую роль здесь сыграли рабочий объем и общий комфорт на борту станции. Ведь в первый раз

Севастьянов летал на «Союзе». ...Говорят, сегодня в космонавтике уже не так интересно. Почти все, что можно сделать «впервые», вроде бы уже сделано. Самое удивительное либо уже далеко позади. либо далеко впереди. Это заблужде-Задачи — и сегодняшние, и завтрашние, необычайно интересные, по-прежнему стоят перед создателями космической техники... И так же важно слышать в эфире доклады космонавтов о том, что что-то, сделанное нами, работает хорошо, а что-то не так, как хотелось бы. Значит, надо учить это что-то работать жорошо...

Волков Владислав Николаевич
1935—1971
Летчик-космонавт СССР,
дважды Герой Советского Союза (1969,
1971 — посмертно).
Член КПСС с 1965.
Полеты на «Союзе-7» (октябрь 1969),
на «Союзе-11»
и орбитальной станции «Салют» (июнь 1971).

Владислав Волков

ШАГАЕМ В НЕБО

11, 12, 13 октября 1969 года космические корабли «Союз-6, 7, 8» вновь штурмуют космос. Среди семи космонавтов, которые находились на борту кораблей «Союз», был и я.

...— Ну, вот и приехали, космодром! — кто-то громко произнес у меня за спиной...

Два домика стоят рядом. Домик конструктора первых ракетно-космических систем и домик первого в мире космонавта. Домик Гагарина являлся для него и многих его космических крестников: Титова, Николаева, Поповича, Быковского — последним пристанищем на Земле перед дальней дорогой. Здесь проводили они ночь перед полетом, отсюда со своими дублерами выезжали на старт.

Сейчас построен уже другой, современного типа дом — гостиница, на стене которой написано: «Космонавт». Это даже не дом, а целый комплекс для пребывания космонавтов во время их предстартовой подготовки на космодроме, располагается он в получасе езды от стартовой площадки.

Наша семерка живет на втором этаже. Распорядок дня у нас, прямо скажем, жесткий. Подъем в 7 часов 30 минут. До обеда идут напряженные занятия или здесь же, или на старте. После обеда отдых и затем опять занятия. Отбой в 23.00.

Наш подъем почему-то всегда начинается со знакомой всем «Черемшины», записанной на пластинку, которую доктор ставит по утрам, проявляя при этом поразительное упорство и постоянство.

Сегодня — еще один, освященный традицией космодрома, ритуал. Едем на митинг к тем, кто готовит корабль к старту, отправляет его в космическую высь. Подъезжаем к подноракеты. Здесь, на широкой жию площадке, нас уже ожидают стартовики. Выстраиваемся линией в том порядке, в котором нам лететь: Георгий Шонин и Валерий Кубасов; Анатолий Филипченко, Виктор Горбатко и я; Владимир Шаталов и Алексей Елисеев. Дальше стоят наши дублеры. Некоторые из них уже знакомы: Андриян Николаев, Виталий Севастьянов, Николай Рукавишников.

...И вот он, 11-й день октября... Разговор не клеится, на шутки никто не реагирует, лишь улыбаемся, чтобы не обидеть неугомонных весельчаков. Каждый думает о своем, кочется тишины и того самого внутреннего уединения, которое позволяет сосредоточиться перед броском...

Тесновато. Присели кто на чем. Помолчали, как положено перед отъездом. Не сговариваясь, запели почти разом, вполголоса:

Присядем, друзья, перед дальней дорогой,

Пусть легким окажется путь...

В холл гостиницы пришли космо-

навты, дублеры, врачи, инженеры. Последние напутствия, крепкие мужские рукопожатия. Шонин и Кубасов садятся в автобус. До завтра, до встречи на орбите!

...Раннее осеннее утро. Из коридора опять несутся знакомые звуки «Черемшины». Пора вставать... Снова, как вчера, мы, улетающие космонавты, прощаемся с теми, кто остается. Все они прекрасно отдают себе отчет, насколько сложен любой космический полет...

Занимаем рабочие места в спускаемом аппарате... Остаемся одни. Внизу Земля, вверху космос. Мы где-то между ними. До того, как прозвучит последняя команда, остается два часа. За это время мы должны проверить все бортовое оборудование и подготовиться к старту... Мы все в ответе за наше общее дело, за наш полет. Сказать, что все у нас шло гладко, без срывов, без споров будет неправдой. Всякое случалось. Были обиды, споры до хрипоты... Но не было разлада. Все это не разъединяло, а, наоборот, объединяло нас, сближало. Помочь товарищу всем — в большом и малом, в личном и общем -- стало законом для «Союза-7». Впрочем, экипажа этому же закону жили и другие наши экипажи.

...Мы на орбите. Поздравляем друг друга с выходом нашего «Союза» на космическую трассу. Настроение превосходнейшее. Хочется песни петь. Но эмоции в сторону. Надо работать.

...Мы с нетерпением ожидали выведения на орбиту спутника Земли космического корабля «Союз-8» с космонавтами Шаталовым и Елисеевым на борту. В момент его старта мы находились где-то недалеко от этого района. Хорошо слышим в наушниках знакомые голоса:

— Все идет нормально! Самочувствие отличное...— Значит, все в по-

рядке. Экипаж «Союза-8» на орбите! Теперь нас уже в космосе сразу семь человек. Первая задача выведения на орбиту трех кораблей с интервалом в одни сутки выполнена на «отлично»...

— «Буран», я «Гранит»! Мы сейчас будем выполнять коррекцию орбиты. Через несколько минут начнем с вами сближение,— передал Володя Шаталов... И вот, наконец, радостный и взволнованный голос Виктора Горбатко:

— Вижу, вижу! Вот он! — В этот момент Виктор напоминал, наверное, Христофора Колумба, произнесшего свою всемирно известную фразу: «Земля! Я вижу землю!»...

Только теперь я окончательно понял, насколько прав был Андриян Николаев, когда его спросили после полета:

— Как вы восприняли старт Павла Поповича?

Он тогда сказал:

 Одному в космосе хорошо, а вдвоем все же лучше. Как-то веселее становится на душе.

Это же чувство испытали и мы,

увидев корабль «Союз-8».

... «Союз» — отличный космический корабль, большой, сложный, умный и необычайно послушный. Раскинув, словно крылья, панели солнечных батарей, тройка «Союзов» бороздила космос. Сотни тысяч километров шли мы вместе, можно сказать, почти рядом.

Уже позже, как-то во время полета Андрияна Николаева и Виталия Севастьянова, я находился в Центре управления космическими полетами. Вечером мы вышли на улицу и сели на скамейки. Стали вспоминать наш полет.

Один из товарищей сказал, обращаясь ко мне:

— А ты знаешь, до чего красиво было наблюдать за вами отсюда, с земли? Поднимаешь голову и ви-

дишь три звездочки, стремительно летящие среди множества неподвижных звезд. Как в сказке!

— Да, это действительно, навер-

ное, красивое зрелище!

...Как-то я услышал одну фразу школьника, а дети всегда прямодушнее и доверчивее взрослых. Парень сказал своему приятелю после встречи с космонавтами: «Подумаешь, слетал в космос! Два дня— и уже герой!»

Мальчик мой хороший, за этими двумя днями стоит вся жизнь, которую мы прожили! Готовимся мы очень долго. Много нелегких шагов приходится отмерить по земле, прежде чем сделать тот, хотя бы один, в небо. Но мы шагаем.

Да, бывает сложно. Да, бывает трудно. Порой, кажется, невыносимо трудно... Но именно потому, что трудна наша профессия, именно потому, что сложна,— именно поэтому мы ее выбрали. И служим ей.

* * *

... И еще один шаг в небо сделал он чуть позже: 6 июня 1971 года стартовала ракета-носитель космическим кораблем «Союз-11», пилотируемым экипажем в составе командира корабля подполковника Добровольского Георгия Тимофеевича, бортинженера Героя Советского Союза летчика-космонавта СССР Волкова Владислава Николаевича и инженера-испытателя Пацаева Виктора Ивановича. Но при финише этой первой в мире орбитальной станции, полностью выполнив напряженную дневную программу полета, ее экипаж трагически погиб...

> …Невероятно трудно Будущее Достается! И все же

цветите, вишни! Гряньте, ракетные ревы!..

Анатолий Филипченко

СЕГОДНЯ — ДУБЛЕР, ЗАВТРА — КОМАНДИР КОРАБЛЯ

Март 1962 года, вторая «космическая весна». А для меня эта весна осталась за окнами Центрального научно-исследовательского авиационного госпиталя, куда я прибыл для прохождения медицинской комиссии...

Успешные запуски «Востоков» и «Восходов» раздвинули горизонт космических исследований. Позже все мы стали свидетелями многочисленных стартов летательных аппаратов типа «Союз», с которых начался новый этап в развитии техники пилотирования космических кораблей, в создании орбитальных станций.

В один из летних дней 1968 года пробил и мой час. Я готовился в качестве дублера командира рабля «Союз-5» Бориса Волынова вместе с Виктором Горбатко и Валерием Кубасовым, которые дили в мой экипаж. Основные экипажи и дублирующие были тщательно подготовлены к намеченному сроку. 14 января стартовал Шаталов, а 15 января — Волынов, Елисеев и Хрунов... Один из групповых полетов новых трех кораблей было намечено произвести в октябре 1969 года. В состав экипажа на «Союз-6» назначаются Шонин и Кубасов; на «Союз-7» — Филипченко, Горбатко, Волков: на «Союз-8» — Шаталов и Ели-

...Прежде чем рассказывать о самом полете, котелось бы коснуться вопросов подготовки к нему. Учитывая многочисленность участников предстоящей экспедиции, наше руководство решило ограничить количество дублеров до минимума. Они, в

Филипченко Анатолий Васильевич Род. в 1928

Летчик-космонавт СССР, генерал-майор авиации (1978), дважды Герой Советского Союза (1969, 1974).

Член КПСС с 1952.

Полеты на «Союзе-7» (октябрь 1969) и «Союзе-16» (декабрь 1974).
Государственная премия СССР (1981).

том числе Андриян Николаев, Виталий Севастьянов, Георгий Гречко, вместе с основными экипажами интенсивно готовились к предстоящей работе.

Замечу, что лично мне мое дублерство пошло на пользу. Если ты побывал дублером, то сам уже готовишься и спокойнее, и увереннее, занимаешься как бы повторением пройденного, уже знакомого материала. Конечно, полеты не походят друг на друга, но в какой-то степени имеют общие черты, общий стержень. Поэтому в предстартовом режиме гораздо легче, ровнее идет процесс освоения тех конкретных задач, которые предстоит решать в намеченном полете. Забегая вперед, хочется сказать, что когда мы уже были на орбите, то убедились, что пролитый нами пот на земле не был напрасным. Тренировки на земле прошли настолько слаженно, что в полете у нас никаких затруднений не возникало...

— Поехали! — с этими гагаринскими словами отправились в космос и мы... А работа предстояла очень интересная — по программе взаимные маневры и сближения с кораблями «Союз-6» и «Союз-8».

А в это время готовился полет корабля «Союз-9». В состав основного экипажа вошли Андриян Николаев и Виталий Севастьянов. Меня и Георгия Гречко назначили дублерами.

Подготовка к предстоящему полету, который должен был продолжаться восемнадцать суток, заняла много времени, и мне пришлось прервать свой отпуск и вернуться в Звездный городок, чтобы включиться в работу по новой программе.

Так долго тогда еще никто не летал в космосе, и никто не мог с твердой уверенностью сказать, что с невесомостью можно обращаться на «ты».

Николаев в книге «Космос — дорога без конца» довольно подробно и убедительно рассказал обо всех этапах подготовки к полету и о самом полете, который был не из легких, как, впрочем, и все экспедиции в космос.

Поздним вечером 1 июня 1970 года, когда в Звездном городке гостил Нейл Армстронг, первым ступивший на Луну, миллионы телезрителей могли наблюдать старт «Союза-9».

Я и Георгий Гречко в это время находились в бункере пункта управления и подавали все команды экипажу на участке выведения. В эфире вновь, почти через восемь лет, зазвучал позывной «Сокол». Этот позывной был у Андрияна Николаева, когда он летал на «Востоке-3» в августе 1962 года.

Нейл Армстронг тоже оказался в числе телезрителей и не удержался от восклицания:

— Андриян Николаев! A кто другой?..

Экипаж провел ряд интересных экспериментов. Один из них заключался в том, чтобы провести на 188-м витке наблюдения с борта корабля в районе Индийского океана, где в это время находилось научно-исследовательское судно «Академик Ширшов», а над «Союзом-9» проходил искусственный метеоспутник «Метеор», передававший серию телевизионных снимков и другую метеорологическую информацию. В точно назначенное время с палубы «Академика Ширшова» в воздух взмыли шары — зонды, измеряющие температуру и скорость ветра в разных слоях атмосферы.

...Восемнадцатисуточный полет экипажа поставил новую проблему— проблему привыкания человеческого организма к земной гравитации. На повестку дня встала так называемая реадаптация. Полет корабля «Союз-9», полеты других экипажей

показали, что к состоянию невесомости люди приспосабливаются гораздо быстрее, чем к обычной земной силе притяжения после длительного пребывания в космосе... Этот полет убедительно показал, что космической медицине и биологии необходимо разрабатывать научно обоснованные методы для положительного

разрешения проблемы реадаптации человеческого организма к земным условиям. В корабле «Союз» трудно выполнять длительные полеты — нужна большая кубатура.

Таким образом, советская наука и техника вплотную подошли к созданию долговременных орбиталь-

ных станций и лабораторий.

Береговой Георгий Тимофеевич Род. в 1921 Летчик-космонавт СССР, генерал-лейтенант авиации (1977), участник Великой Отечественной войны, дважды Герой Советского Союза (1944, 1968), кандидат психологических наук, заслуженный летчик-испытатель СССР (1961). Член КПСС с 1943. Полет на «Союзе-3» (октябрь 1968). Начальник Центра подготовки космонавтов имени Гагарина (1972-1987). Государственная премия СССР (1981). Почетный гражданин городов Калуга, Енакиев, Винница, Телави (СССР), Плевен, Сливен (НРБ).

Георгий Береговой

НЕБО НАЧИНАЕТСЯ НА ЗЕМЛЕ

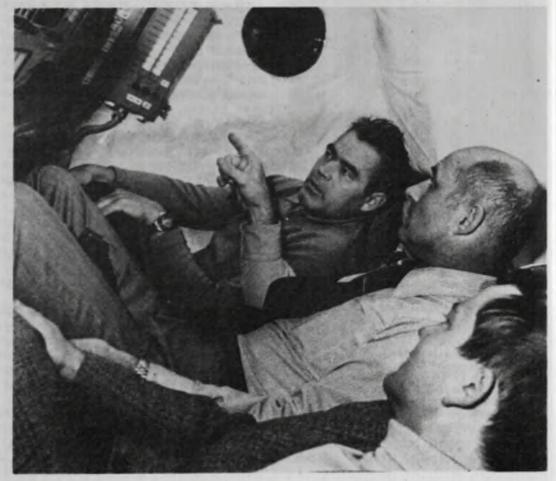
Началось все для меня со слухов. Слухи, как и водится, были туманны и неопределенны. Одни, оглядываясь по сторонам, заговорщицки намекали, что вот-вот начнут отбирать летчиков для участия в космических полетах; другие, наоборот, рубили сплеча, утверждая, что не вотвот начнут, а уже отбирают... Работал я в то время в одном из КБ: испытывали тяжелый скоростной перехватчик. Работы было по горло, и проверять слухи, искать концов попросту не хватало времени...

На всякий случай я все же заготовил рапорт... Но дальше не пошло: видимо, дело зацепилось за мой возраст. Все отобранные оказались на десять, а то и более лет моложе...

Отступать я не хотел, отступать я просто не мог — после полета Гагарина (а это уже к тому времени стало фактом) я смертельно заболел космосом. Стариком я себя тоже не чувствовал: в сорок лет что за старик! Наоборот, мне казалось, что накопленный за многие годы опыт летчика-испытателя поможет освоить пилотирование космического корабля...

Между прочим, если забегать вперед, так оно, в общем, и оказалось.

«Я горд и счастлив, что мне довелось побывать в Звездном городке...» — это отзыв американского астронавта Томаса П. Стаффорда о пребывании у советских космонавтов. Андриян Николаев и Томас П. Стаффорд в орбитальном отсеке и тренажере космического корабля.

А. Николаев инструктирует бортинженера корабля «Союза-17» Г. Гречко перед началом тренировок на море.

Идет тренировка советских космонавтов и американских астронавтов по программе «Союз» — «Аполлон».

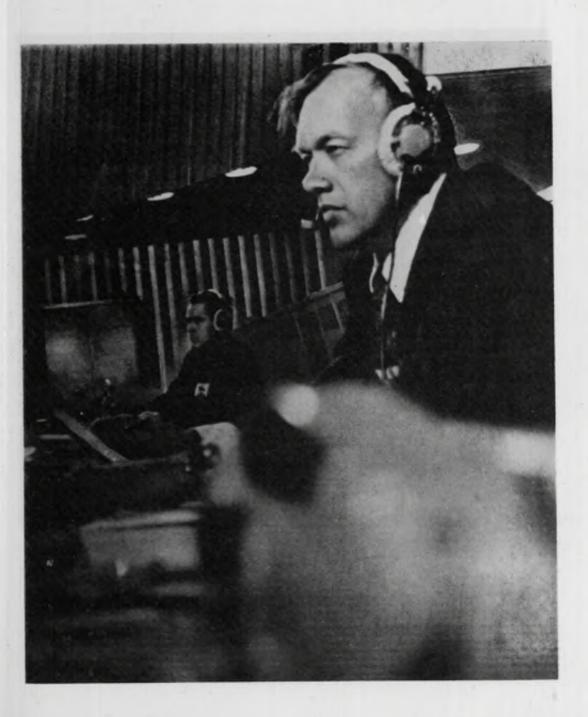

На Байконур улетает экипаж «Союза-14». Г. Береговой, В. Волынов и А. Николаев прощаются с командиром корабля полковником П. Поповичем и бортинженером подполковником Ю. Артюхиным.

В Центре управления полетом. Руководитель полета летчиккосмонавт СССР А. С. Елисеев и летчик-космонавт СССР А. Г. Николаев.

Во Дворец пионеров Байконура в гости к пионерам — юным космонавтам пришел летчик-космонавт СССР, дважды Герой Советского Союза А. Г. Николаев.

А. Г. Николаев знакомит журналистов с устройством тренажера орбитальной станции «Салют».

Уже после полетов Титова, Николаева, Поповича и Быковского стало ясно, что именно их богатый профессиональный опыт летчиков помог им быстро и успешно овладеть навыками, необходимыми для ориентации корабля вручную...

На рапорт, который я подал вторично, мне ответили, что просьбу мою учтут. С тем я и уехал к себе в часть.

Прошло два с лишним года. Шла весна шестьдесят третьего... И вызов пришел...

Я сказал себе: нужно догнать тех, кто на десять с гаком лет моложе, и всесторонне подготовить себя физически...

Я был не из тех редких удачников и счастливцев, кто, рано угадав свою цель, упорно и уверенно шел к ней. Мне удалось лишь то, что удается всякому, кто этого по-настоящему хочет, удалось не разбрасывать себя, не петлять в поисках легких путей и решений, не размениваться по мелочам. В этом и заключался мой способ жизни, мой «угол атаки», и он меля не подвел.

...Полет «Союза-З», бесспорно, стал одним из наиболее значительных событий в моей жизни... В ту пору я уже работал начальником Центра подготовки космонавтов. Освоение космоса продолжалось неслыханными темпами... Практика убедительно показала: человек не только может, но и должен работать в космосе. Пассивность и праздность в космосе опасны...

Не прошло и двух месяцев после приземления «Союза-3», как американцы Фрэнк Борман, Джеймс Ловелл и Уильям Андерс облетели на «Аполлоне-8» Луну. А еще через три недели на околоземной орбите появилась первая экспериментальная орбитальная станция: пилотируемые Владимиром Шаталовым, Борисом Волыновым, Алексеем Елисеевым и

Евгением Хруновым «Союз-4» и «Союз-5» состыковались.

С пусковых плошадок Байконура и мыса Канаверал стартовали один за другим космические корабли. Все более и более усложнялись задания экипажей: облет Луны с автономным полетом лунной кабины по селеноцентрической орбите - Томас Стаффорд, Джон Янг и Юджин Сернан; первая высадка человека на Луну-Нил Армстронг, Майкл Коллинз, Эдвин Олдрин; групповой полет трех кораблей с маневрированием и сближением на околоземной орбите — Георгий Шонин, Валерий Кубасов, Анатолий Филипченко, Владислав Волков, Виктор Горбатко, Владимир Шаталов, Алексей Елисеев; восемнадцатисуточная работа на орбите Андрияна Николаева и Виталия Севастьянова; стыковка пилотируемого орбитальной станцией корабля с «Салют» — Владимир Шаталов, Алексей Елисеев, Николай Рукавишников...

...Меня нечасто, но все же спрашивали не дети, а взрослые люди. Серьезные, толковые, неплохо разбирающиеся в вопросах, связанных с их собственными специальностями. А вот профессия космонавта почему-то все еще казалась им как бы не от мира сего, или, если вежливее, экзотичной, что ли.

При беседах с подобными людьми так и слышишь недосказанное вслух: зачем все это? Ведь, кроме пыли да дырок от метеоритов, на Луне ничего не нашли; на Марсе без кислорода задохнешься, на Венере жарче, чем в печке,— ни там, ни тут, словом, жить нельзя; про Сатурн или Юпитер и говорить не хочется. Ну, поглядели, удовлетворили любопытство — может, и хватит на этом? И своих дел на Земле погорло, только успевай поворачи ваться...

Когда мне в очередной раз приходится слышать все тот же неистребимый пока среди определенного рода людей вопрос: «А что дальше?» — я всякий раз отвечаю: Работа. Большая, необходимая, захватывающая работа...

В космосе с каждым годом становится все оживленней. К непосредственному участию в его изучении и освоении подключаются все новые и новые государства.

...Человечеству суждено было лишь родиться на Земле: жить ему предстоит во вселенной. И во имя этой жизни будущих поколений Земли мы сегодня и продолжаем стартующие в космос провожать корабли — мы, кто живет и работает ради этого будущего сегодня.

Работа! Великолепная это вещь, если она нужна людям — твоя работа...

Кубасов Валерий Николаевич Род. в 1935 Летчик-космонавт СССР, кандидат технических наук; дважды Герой Советского Союза (1969, 1975). Член КПСС с 1968. Полет на «Союзе-6» (октябрь 1969),

«Союзе-19» по программе ЭПАС (июль 1975), «Союзе-35, -36», «Салюте-6» (май-июнь 1980). Почетный гражданин городов Калуга,

Владимир, Вязники, Караганда, Аркалык (СССР), Нью-Йорк, Хьюстон, Сан-Франциско, Атланта, Нашвилл, Солт-Лейк-Сити (США).

Валерий Кубасов

на орбитах «ИНТЕРКОСМОСА»

Белый с желтой полосой автобус, тот самый, что привозит космонавтов на стартовую площадку, -- хотя и менее знаменитый, чем ракетаноситель, космический корабль «Союз» или орбитальная станция «Салют, но на Байконуре известный всем, - плавно отходит от гостиницы «Космонавт» и берет курс на космопром.

Сегодня 26 мая 1980 года. Вот уже третий раз в качестве стартующего космонавта я качу по этой дороге. На этот раз мой напарник венгерский летчик Берталан Фаркаш... В 1976 году он стал членом Венгерской социалистической рабочей партии. А через некоторое время после подписания соглашения о пилотируемых полетах по программе «Интеркосмос» перед ним открылась возможность стать космонавтом.

Всем памятны июльские 1975 года, когда многолетний, чрезвычайно напряженный труд тысяч специалистов увенчался стыковкой на орбите нашего космического корабля «Союз» и американского «Апполона ... С околоземной орбиты в

эфире зазвучали голоса представителей социалистических стран. Вместе с советскими товарищами на советских кораблях в космос стартовали космонавты-исследователи из ЧССР, ПНР, ГДР, НРБ, ВНР, Вьетнама, МНР, Кубы, СРР...

Первыми в Звездный приехали кандидаты из Чехословакии, Польши и ГДР. И началось для этих молодых военных летчиков новое дело, о котором несколько лет назад они могли только мечтать.

...Вечером 17 июня 1977 года нас, советских космонавтов, и зарубежных кандидатов собрал в своем кабинете Г. Т. Береговой — начальник Центра подготовки космонавтов имени Ю. А. Гагарина. Присутствовали также А. Елисеев, А. Николаев и В. Шаталов. Георгий Тимофеевич официально огласил составы экипажей, представил друг другу командиров и будущих космонавтов-исследователей, рассказал о программе совместных тренировок, приступать которым предстояло завтра же на контрольно-испытательной станзавода-изготовителя космических кораблей. В тот день это предприятие впервые открыло двери для иностранцев...

До окончательного решения, кому лететь, а кому ждать на Земле, к совместному советско-польскому полету готовился я с Зеноном Янковским, Петр Климук - с Мирославом Гермашевским. За полтора месяца до первого пилотируемого полета по программе «Интеркосмос» в Звездный прибыла вторая группа космонавтов-исследователей — болгары, венгры, кубинцы, монголы и румыны. А вскоре окончательно опредеосновной советско-польский лился экипаж, и мне, дублеру Петра Климука, вновь предстояло готовиться к полету, на этот раз в составе советско-венгерского экипажа.

Обо всей подготовке, длившейся

два года, разумеется, не расскажешь. Но о некоторых фрагментах дают представление строки из дневника тех лет.

15 марта 1979 года. Очередное занятие на тренажере. Все происходит, как в реальном полете...

10—11 мая. Практический экзамен на комплексном тренажере.

Справились успешно.

25 мая. Принято решение о запуске корабля «Союз-34» в беспилотном варианте. Советско-венгерский полет откладывается до будущего года. Очень расстроило нас это известие... Что ж, терпение, способность управлять своими эмоциями — не из последних свойств людей нашей профессии.

25 октября. Отрабатываем выход из приводнившегося в море спускае-мого аппарата. Волнение на Черном море около четырех баллов. «Накупались» вдоволь...

21 февраля 1980 года. Зачетная тренировка на комплексном тренажере. «Летали» четыре с половиной часа...

11 мая. Межведомственная комиссия по подготовке космонавтов назначила наш экипаж основным. Наши дублеры — Владимир Джанибеков и Бела Мадьяри.

26 мая. Вот и настал день нашего с Берталаном старта в космос.

…На первые сутки полета намечены два маневра дальнего сближения. С Земли выдали необходимые данные, закладываем их в автоматику, начинаем выполнять маневры. По московскому времени— 4 часа 30 минут утра. Москвичи спят, у наших товарищей в Центре управления полетом круглосуточное дежурство.

Докладываем:

Маневры выполнены...

Можно отдыхать. Ведь завтра очень, очень важный этап — стыковка...

...Хозяева «Салюта-6» уже без

малого два месяца работают на орбите и не пытаются скрыть радости... Так долго ждали нас, и, наконец, этот момент настал — мы пришли!.. У Рюмина в руках огромный каравай — хлеб-соль...

— Ну, будем теперь работать вместе...

...Сегодня в Центр управления приехали дублеры, и мы, узнав об этом, в один голос попросили Землю:

— Давайте их на связь!

Единодушие наше понятно, ибо не бывает космонавта без дублера, и редкий космонавт не был в свою очередь дублером. Но кто-то, пройдя полный курс весьма нелегкой подготовки, должен остаться на Земле...

Я помню, как на пресс-конференции незадолго перед стартом наши дублеры Бела Мадьяри и Владимир Джанибеков рассказывали об атмосфере, в которой проходила их жизнь и подготовка к полету. Вот что вспоминал Бела: «По приезде нас встретили Береговой, Климук, Николаев. Они подхватили мою дочку и принялись ее буквально чуть ли не вырывать друг у друга из рук. Этим, как говорят у вас, они купили меня на корню... К экзаменам мы готовились каждый день, до самого позднего вечера. У людей, которые с нами работали, и семьи есть, и отдохнуть хочется. Но никто домой не торопился, ни малейшего раздражения на лицах мы не видели, лишь готовность помочь»...

Центр управления держит в руках нити управления многочисленными средствами, колоссальными коллективами людей. Во время полетов на Центре лежит огромная ответственность: ЦУП дежурит день и ночь, когда орбитальный комплекс проходит через зону радиовидимости и когда связи с космическими объектами нет. В Центре не бывает нерабочего времени: круглые сутки группы Центра находятся на боевом посту, готовые в любую минуту помочь космическому кораблю и его экипажу, поддержать его советом, а иногда и просто добрым словом...

...Быстро бегут минуты на табло Центра управления полетом, а еще быстрее здесь, у нас, на космических часах... Семь суток в космосе пролетели удивительно быстро... Подходит к концу программа наших совместных с «Днепрами» работ на борту космического комплекса «Салют-6» — «Союз-35» — «Союз-36». К следующему сеансу связи мы сидим в спускаемом аппарате корабля «Союз», одетые в скафандры.

— Земля! Вы нам разрешение на расстыковку даете?

— Да, в заданное время проводите расстыковку со станцией...

...Потом сообщают время по программе спуска... На связь выходит руководитель полета:

— «Орионы»! Условия в месте посадки хорошие...

До начала работы основного тормозного двигателя можно в последний раз посмотреть с высоты на Землю:

— Когда еще раз попадем сюда, Берци? Неизвестно... Сложен путь в космос!.. Через твой иллюминатор сейчас очень все хорошо видно, так что, Берци, гляди, пока есть свободная минутка, на нашу планету...

Севастьянов Виталий Иванович Род. в 1935

Летчик-космонавт СССР, кандидат технических наук, дважды Герой Советского Союза (1970, 1975). Член КПСС с 1963. Полеты на «Союзе-9» (июнь 1970).

Варна (Болгария), Лос-Анжелос, Хьюстон, Сиэтл, Сан-Франциско (США).

Виталий Севастьянов

...ЗА ТРИДЕВЯТЬ ЗЕМЕЛЬ

Темной январской звездной ночью мы шли по песчаной дорожке. Мы пятеро космонавтов. Три часа назад наши коллеги и друзья Алексей Губарев и Георгий Гречко на космическом корабле «Союз-17» подошли к орбитальной станции «Салют-4» и состыковались. Где-то на Земле кто-нибудь ранней утренней зорькой заметил, как, быстро двигаясь по бледнеющему звездному небу, две мигающие яркие звездочки вдруг сблизились и соединились в одну. И сколько он ни ждал, что вот сейчас они разойдутся, они так и не разошлись, и, увеличивая свой блеск. еще одна яркая звезда ушла навстречу заре.

А мы, пятеро космонавтов, в это время были на пункте управления полетом, вели с нашими друзьями связь, давали рекомендации и советы. Мы все уже были в космосе, они там — в первый раз. И мы хорошо знаем, как помогает там голос друга, его опыт. Да, нелегко им там сейчас, устали, да и невесомость наверняка дает себя знать. Ничего, привыкнут.

Мы тоже устали, и сейчас не спеша идем звездной южной ночью. Идем в гостиницу отдыхать.

— Виталий, а что в клюве держит Лебедь? — спрашивает меня Олег Макаров.

 Альбирео, — говорю я, отыскивая на небосводе созвездие Лебедя.

- Не забыл еще звезды, говорит Андриян Николаев и после небольщой паузы вспоминает: В полете замучил меня: «Найди Ахернар», «Покажи Фомальгаут», «А где Антарес?». Помнишь, как работали со звездным прибором по Канопусу?..
- Помню,..— говорю я и отчетливо вспоминаю...

Мы выполняли два режима очень точной звездной ориентации на звезду Вега в созвездии Лира с помощью нового, впервые испытываемого телевизионного прицела: я проводил ручную ориентацию нашего корабля на звезду, а Андриян работал с прибором. С Вегой было все нормально. Но когда стали работать по Канопусу — это вторая после Сириуса самая яркая звезда на нашем небосводе, - мы столкнулись с проблемой. Я уже шесть раз выполнил ориентацию нашего корабля на Канопус и был уверен, что ориентация точная, но прибор не чувствовал транспарант «Захват» звезду, загорался. И вот тогда пришла мысль включить его настройку на яркость Сириуса. «Захват» загорелся. Режим был выполнен. Это был творческий поиск в исследовании нового прибора. Сейчас он входит в штатные системы ориентации космических кораблей и орбитальных станший.

- Виталий, сколько сейчас живет на Земле людей? прервал мои воспоминания Андриян, и я увидел, что он идет, как будто рассматривая что-то под ногами.
- Четыре миллиарда, ответил я. А сколько всего летало американских астронавтов? опять спросил Андриян, заглянув мне в лицо и переводя взгляд на звезды.
- Сорок один,— ответил за меня Олег Макаров.
- И наших тридцать четыре, добавил Василий Лазарев.
- Да! Четыре миллиарда людей! И только семьдесят пять из них видели планету, на которой они живут! Всю нашу Землю! медленно, раздумывая, сказал Андриян, всматриваясь в мерцающие звезды. Да, стоит ради этого стать космонавтом! Стоит жить ради того, чтобы рассказать людям, как красива и как мала наша Земля!

Несколько минут все молчали. Каждый в эти минуты был там, на орбите. Он вновь видел Землю оттуда, из космоса. И видел свой длинный путь туда, путь космонавта на Землю, долгие годы тренировок и подготовки. И видел то, что звало его туда, в космос: и детские, сказочные мечты, и фантастические романы юности, и вечная тяга к познанию неизведанного в формирования профессии, и рассказы того, Первого, кто увидел «колыбель человечества» всю разом — Юрия Гагарина...

...На востоке заря уже обретает свое первое слабое проявление. Андриян остановился. Он внимательно смотрит на горизонт, изредка поворачиваясь к гаснущим звездам. Слабых звезд уже не видно. Остались самые яркие. Но и они слабеют. И вдруг Андриян, всматриваясь в звезды, поспешно, как бы боясь, что они вот-вот погаснут совсем, спрашивает меня:

— Так зачем или за чем человек летит в космос? К звездам?

Я хорошо помню, что все восемнадцать суток, что мы с ним летали в космосе, он задавал мне этот вопрос и каждый раз получал разный ответ.

- За волшебным золотым руном! — улыбаюсь я.
- За волшебным золотым руном плавал Одиссей,— задумавшись, говорит Олег Макаров.— И плавал он за тридевять земель.
- За счастьем! отвечает за меня Петр Климук и смеется.
- За каким счастьем? уточняет обстоятельный Василий Лазарев.
- За своим счастьем! За своим будущим!
- A что такое «будущее человека»? не сдается Василий.

Пауза. Все молчат. Андриян, улыбаясь одними глазами и думая

о чем-то своем, посматривает на нас.

Я вспоминаю, что основатель кибернетики Норберт Винер как-то сказал: «Человек — это стрела, устремленная в будущее». Вот и мы все устремлены в будущее.

- А кто скажет, как понимать «тридевять земель»: три девятых Земли? Три девятки после нуля с запятой Земли? Или... или три девятки земель? — неожиданно за-

думчиво говорит Андриян.

— Если принять три девятых Земли, то Одиссей уплыл от родной Итаки за тринадцать тысяч километров, - принялись рассуждать ребята. - Это по нашему времени недалеко, но в то же время вполне приличное расстояние.

— Если принять три девятки после нуля с запятой, то он должен был совершить кругосветное путешествие

задолго до Магеллана!

— Если принять три девятки, то есть почти тысяча земель, то это либо 12 с лишним миллионов километров, если мера — диаметр Земли, либо еще больше, если мера — длина окружности Земли по экватору, то есть около 40 миллионов километров, - принимая игру, провел обстоятельный расчет Василий. - В любом случае это дальше Луны. Значит. Гомер отправил Одиссея в космос, на одну из планет Солнечной системы! Я бы предпочел, чтобы на Mapc!

— Почему на Марс?

- Представляешь, на сколько тысяч лет раньше человек посетил Марс! Может быть, он успел бы застать там существующую цивилизацию...

— Стоп! — сказал я. — Человек идет в космос за пространством и временем!.. Будущее человека — это власть над временем! Это те самые «тридевять земель», которые были известны Гомеру, которые пришли к нам в детстве из сказки, которые всегда с нами, которые зовут нас всегда, которые будут вечно звать других! Это будущее в прошлом! Это прошлое в будущем! Это настояшее, оно включает в себя прошедшее и грядущее!

— А каковы пропорции шлого и будущего в настоящем -это в любом деле зависит от человека! Я твердо в этом убежден! сделал вывод за всех Андриян. Он еще раз посмотрел на восходящее Солнце, запрокинул голову в небо, как бы отыскивая там след наших ребят, и сказал задумчиво: - Они уже спят... И нам пора...

— Нет в мире абсолютной истины, говорили древние философы, но к ней нужно стремиться, - сказал

Олег Макаров.

— И... за тридевять земель! — добавил Василий Лазарев.

— Нет в мире абсолютной истины, кроме жизни! — сделал по-своему вывод Андриян.

— Солнышко! Сол-ныш-ко-о-о! задорно, по-мальчишески крикнул

Петр Климук.

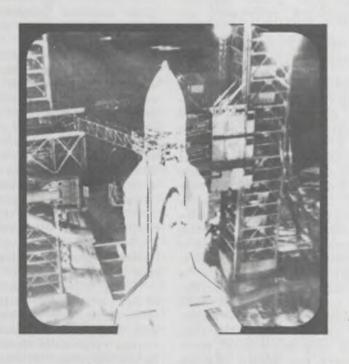
- Будет день!

- Виталий, так зачем ты полетел космос? — спрашивает со своей мягкой, доброй улыбкой Андриян Николаев.
 - За своей «бегущей по волнам»!
 - Нашел?
 - Нашел!..

подвиг продолжается

Я верю, друзья, караваны ракет Помчат нас вперед от звезды до звезды. На пыльных тропинках далеких планет Останутся наши следы.

Михаил Ребров

«ЭНЕРГИЯ» — «БУРАН»

Для более серьезного изучения вселенной нужны новые мощные космические машины. «Энергия» и «Буран» на сегодняшний день являются совершенством, мудрым изделием рабочих рук и мозга ученых.

А. Николаев,

Первый заместитель начальника Центра подготовки космонавтов имени Ю. А. Гагарина.

...15 ноября 1988 года над застывшей степью занимается утро. Робко светлеет небо, гася россыпи звезд. Далеко на горизонте ярким пучком света сошлись почти семьсот прожекторных лучей. Едва утренняя дымка развеялась, стали вырисовываться очертания стартового сооружения.

Электронные хронометры отсчитывают последние предстартовые минуты.

Путь к орбите начался с запуска двигателей центрального блока второй ступени. Ее четыре ЖРД общей тягой у Земли 600 тонн, расходуя огромных емкостях запасенное в кислородно-водородное топливо, вступают в работу почти одновременно с четырьмя боковыми блоками первой ступени. Каждая такая «боковушка», соизмеримая по габаритам с ракетой «Союз», работает на жидуглеводородном кислороде и топливе и развивает своим четырехкамерным ЖРД тяговое усилие в 740 тонн. Суммарная тяга в эти первые секунды полета составляет 3500 тонн. С подъемом она будет возрастать, ибо в пустоте «Энергия» способна развить тягу более 4000 тонн.

Да и «несет» она много больше, чем другие ракеты-носители. Представьте: двадцатитонный «Мир» в

связке с семитонным «Союзом» и одиннадцатитонным «Квантом» — это много меньше того, что весит «Буран». Его масса превосходит 100 тонн. А стартовая масса «Энергии» и корабля 2400 тонн.

На 165-й секунде попарно отходят блоки первой ступени — «боковушки». На высоте около 160 километров, когда хронометры отсчитали 486 секунд полета, отходит вторая ступень. И вот теперь, когда до орбитальной скорости не хватает всего 30—40 метров в секунду, включается двигательная установка «Бурана». Крылатый космический корабль размером с реактивный пассажирский самолет устремляется вокруг Земли, разгоняясь до орбитальной скорости.

Технические средства наземного командно-измерительного комплекса, ведущие слежение за полетом ракеты-носителя и корабля, выдали уточненные данные. По громкой связи называются цифры, а на информационном экране высвечиваются слова: «Буран» выведен на орбиту». Теперь уже бортовые системы крылатого корабля переведены в режим самостоятельного орбитального лета. Комплексные испытания консложной «начинки» струкции первого советского корабля многоразового использования в беспилотном режиме начались.

Саму идею — связать воедино самолет и ракету — предложил наш соотечественник инженер Ф. А. Цандер. В опубликованной в 1924 году статье «Описание межпланетного корабля системы Ф. А. Цандера» он впервые предложил использовать крылатые аппараты для космиче-

ских полетов и обосновал преимущество крыльев перед парашютной системой спуска космического корабля на Землю. Модель такого летательного аппарата для космических путешествий демонстрировалась на международной выставке, которая проходила в Москве в 1927 году.

Много позднее исследования по созданию воздушно-космических самолетов проводились в США, Франции, ФРГ и Англии. В начале 60-х годов появился проект «Дайна-Сор». Это название было образовано из двух слов, что в переводе означает «динамика» и «планирование». В конце 70-х годов родился «Спейс Шаттл».

Разумеется, нет и не может быть однозначных и бесспорных суждений относительно того, какими должны быть космические транспортные системы и аппараты. Идет трудный и весьма интересный процесс научнотехнических поисков в области создания новых типов летательных аппаратов, и только опыт, накопленный как в ходе испытаний, так и эксплуатации, позволит выбрать оптимальный вариант.

Одна из особенностей орбитального корабля многоразового использования — насыщенность электронной техникой, которая позволяет выполнять самые сложные операции испытательного полета, включая маневрирование и посадку в автоматическом режиме. В кабине «Бурана», которая схожа с самолетной, пилотские кресла пока пустуют. Здесь установлено несколько компьютерных систем, обрабатывающих информацию о скорости, местонахождении, высоте, температуре и координирующих эти данные с заложенными в машинную память задачами и целями испытаний.

На заключительном этапе полета «Буран» продолжительное время планирует с гиперзвуковой скоростью. Его устойчивость обеспечивается крылом, для управления по тангажу и крену используются элевоны, для управления рысканием — руль направления.

При полете со столь большой скоростью в атмосфере возбуждаются чрезвычайно мощные тепловые потоки: в результате торможения большая часть энергии движения летательного аппарата переходит в тепло. При этом происходит следующее: молекулы воздуха в приграничном слое разрушаются, а осколки — электроны, ионы и ядра атомов — образуют плазму. Соприкасаясь с поверхностью космического корабля, плазма сильно нагревает его. Наиболее подвержены нагреву передняя часть фюзеляжа, кромки крыла и киля.

Защищает «Буран» от больших температур специальная «броня».

Мне довелось побывать в монтажно-испытательном корпусе (огромное здание с площадью залов свыше 70 тысяч квадратных метров), увидеть работы на аналоге «Бурана», познакомиться с технологией «обклейки» теплозащитными плитками. Более 38 тысяч таких керамических пластинок различной толщины оберегают орбитальный корабль от буйства плазмы.

Надо заметить, что, пересекая атмосферу после космического полета, «Буран» испытывает аэродинамический нагрев поверхности в течение более длительного времени, чем космический аппарат, совершающий спуск по чисто баллистической траектории (скажем, «Союз»). Поэтому материалы для теплозащитного покрытия, поясняют специалисты. должны обладать рядом качеств, и прежде всего пластичностью. Именно благодаря пластичности не происходит разрушение при тепловом ударе, т. е. сверхбыстром нагреве в момент входа в атмосферу Земли.

Новые материалы... Они не только в конструкции орбитального корабля многоразового использования. Применение в качестве компонентов топлива для двигателей «Энергии» жидкого кислорода, охлажденного до температуры минус 186 градусов Цельсия, и жидкого водорода — температура минус 255 градусов — потребовало создания специальных материалов.

...Начался процесс аэродинамического торможения. Сразу же после схода с орбиты в управление «Бураном» вступают двигатели ориентации. По мере увеличения плотности атмосферы начинают действовать аэродинамические органы управления.

Вот достигнута высота, с которой начинается конечный участок спуска.

Идет телевизионная передача с посадочного комплекса Байконура. Огромный «треугольник» мчится на фоне неба. Орбитальный корабль заходит на полосу. Электронный мозг «Бурана» выдает команды на аэродинамические рули.

— Есть касание!

Стремительный пробег. Торможение... Орбитальный корабль замер на посадочной полосе. Со времени старта прошло 205 минут.

Предвижу вопрос: «Если сравнить американский «Шаттл» с нашим «Бураном»?.. Вопрос естественен. Отвечу: «Внешне корабли похожи, нет больших различий и в их летнохарактеристиках. технических нако это объясняется вовсе не копированием. «Моду» диктует аэродинамика, и оптимум в данном случае определяется не национальным престижем, а энергозатратами и научнотехнической целесообразностью. Специалисты — ученые, конструкторы, разработчики математического обеспечения, с которыми мне довелось беседовать на Байконуре и в Центре управления, сдержанно, но весьма аргументированно показали, что аэродинамика «Бурана», его технология и автоматическое оснащение предпочтительны.

Если говорить об «Энергии», то это новое слово в создании ракетнокосмических транспортных систем. И не случайно сейчас в США рассматривается вопрос о создании носителя такого же класса. Как, впрочем, не случайно и то, что Исследовательская служба конгресса США, анализируя советские космические программы, сделала вывод: «американская национальная программа находится на критическом перепутье, и всем членам конгресса и общественности страны важно в полной мере понимать широту программ и возможности наших зарубежных Советского конкурентов, особенно Союза».

Каково будущее «Энергии» и «Бурана»? Без таких ракет-носителей трудно рассчитывать на качественно новые шаги в покорении дальнего и ближнего космоса, осуществление пилотируемых экспедиций к Марсу. Что касается «Бурана», то он со временем будет стыковаться со станциями «Мир» второго поколения, «возить» в космос различные грузы, «снимать» с орбиты спутники, которые нуждаются в ремонте...

При создании универсальной ракеты-носителя «Энергия», орбитального корабля многоразового использования «Буран», стартового и посадочного комплексов были объединены усилия десятков министерств и ведомств, сотен конструкторских коллективов, научно-исследовательских центров, заводов, строительномонтажных предприятий. В этих работах — вклад Академии наук СССР и академий союзных республик, военных испытателей и эксплуатационников. Всем им наш низкий поклон.

...Поколение за поколением люди продолжают спор со временем и расстоянием. Но, как и столетия назад, дальнейший прорыв в окружающий нас безбрежный мир неизбежно потребует новых идей и замыслов, новых принципов и новой техники.

...Видно, правду люди говорят, что человека трудно удовлетворить. Жадность его одолевает. В хорошем смысле. Совершил какое-то нужное дело, и уже новая мысль не дает ему покоя: «А что же дальше?» Достиг задуманного потолка — и сразу же прикидывает: «А нельзя ли повыше?» Сделан шаг, второй, а уже догоняет сотый, тысячный. Кажется, цель уже достигнута. Вот она, рядом. А мечта, замыслы ведут дальше и дальше. Видимо, в этом смысл человеческой жизни. Без нее, без этой хорошей жадности, а точнее, жажды, наверное, скучно было бы жить на свете...

Андриян Николаев

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ И ЦИТИРУЕМЫХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ИСТОЧНИКОВ

Николаев А. Г. Встретимся на орбите. М.: 1966.

Николаев А. Г.

Космос — дорога без конца. М.: Молодая гвардия, 1979.

Береговой Г.

Небо начинается на Земле. М.: Молодая гвардия, 1976.

Быковский В., Терешкова В.

Здравствуй, Вселенная! М.: Советская Россия, 1964.

Волков В.

Шагаем в небо. М.: Молодая гвардия, 1973.

Гагарин Ю.

Дорога в космос. М.: Детгиз, 1963.

Голованов Я.

Космонавт № 1. М.: Известия, 1986.

Каманин Н. П.

Летчики и космонавты. М.: Политическая литература, 1971.

Кубасов В.

Прикосновение космоса. М.: Политическая литература, 1984.

Севастьянов В.

За тридевять земель. М.: Огонек, 1975, № 16.

Титов Г.

700000 километров в космосе. М.: Правда, 1961.

Феоктистов К. П.

Семь шагов в небо. М.: Молодая гвардия, 1984.

Филипченко А. В.

Надежная орбита. М.: Изд-во ДОСААФ СССР, 1978.

Сборник «Академик С. П. Королев. Ученый, инженер, человек». М.: Наука, 1987.

Сборник «В космосе Николаев и Попович». М.: Правда, 1963.

Циолковский К. Э.

Грезы о Земле и Небе. Приокское книжное изд-во, Тула, 1986.

Использованы также материалы, опубликованные в периодической печати.

содержание

Из сообщений ТАСС		. 5
А. Г. Николаев. Из энциклопедии «Космонавтика»		6
шоршелские родники		
Аркадий Эсхель. Сын Чувашии в просторах Вселенной		8
Анна Алексеевна Николаева. Слово о сыне		10
Ольга Берггольц. На Цивиль-реке		13
Андриян Николаев. Светлые ключи		14
Васьлей Давыдов-Анатри. Такой, как все (Перевод с чувашского		
Владимира Михановского)		20
Михаил Юхма. Легенда о Пинеслу		21
Евгений Дембо. Учительница первая моя		22
Аркадий Лукин. Волшебный мост. (Перевел с чувашского		
Apucmapx Лмитриев)		24
Перед дальней дорогой. (Из переписки братьев)		26
$\partial\partial yap\partial ac$ Межелайтис. Что же тебе на земле не хватает		30
прорыв в солнечный космос		
Константин Циолковский. Монизм Вселенной		32
Иван Борисенко. Космодром Байконур		47
Анатолий Парпара. Гагарин		64
22. Control of the co		
летопись подвига		
Ярослав Голованов. Они были первыми		86
Виктор Митрошенков. Лимонный ободок земли		93
Отчет о первом групповом полете		109
Павел Попович. Утро звездного городка		123
Николай Каманин. Командир, учитель, звездолюб		138
Репортаж с орбиты		146
Василий Лазарев. Я — дублер		155
Илья Тявин. Только на «отлично»		164
Нван Касьян. Записки космического врача		167
мир рукоплещет героям		
Их имена останутся в истории		188
Валентина Иванова, Михаил Иванов. Шоршелы — космос — Шорше.	лы	197
Поэты слагают им песни:		
Педер Хузангай. Добрый путь! Мать космонавта		218
Яков Ухсай. Братья. (Перевел с чувашского Петр Градов)		219

Геннадий Айги. Мать космонавта. (Перевод с чувашского		
Ю. Айхенвальда)		 _
Валентина Мальми. Мальчик из Шоршел		 220
Раиса Сарби . Встреча в Риме.		
(Перевод с чувашского Ст. Золотцева)		 222
Николай Поливин. Звездные перекрестки		 225
Георгий Орлов. Дорога к звездам. (Перевел с чувашского		
Сергей Каширин)		 226
Порфирий Афанасьев. Окрыленность. (Перевел с чувашского		
Виктор Овчаров)		 227
Владимир Савельев. На Волге		 234
Юрий Семендер. Приезд Андрияна. (Перевел с чувашского		
Петр Градов)		 _
Василий Эндип. Дети Солнца и Земли. (Перевод с чувашского		
Виктора Широкова)		 235
Юрий Вирьял. Звезда над Шоршелами. (Перевод с чувашского		
Михаил Головенчиц)		 _
Николай Терентьев. Улып в космосе		236
Петр Градов. Песня об Андрияне Николаеве		246
Вспоминают космонавты и мечтатели:		
Алексей Леонов, Андриян Николаев		
Мы сразу в него поверили		247
Герман Титов. 25 часов в космосе	-	248
Юрий Гагарин. Даже трудно оценить		251
Валерий Быковский. Впереди — космос		260
Валентина Терешкова. В «Звездном городке»		263
Константин Феоктистов. Учить звездолеты летать		273
Владислав Волков. Шагаем в небо		276
Анатолий Филипченко. Сегодня — дублер, завтра —		
командир корабля		279
Георгий Береговой. Небо начинается на Земле		281
Валерий Кубасов. На орбитах «Интеркосмоса»		289
Виталий Севастьянов За тридевять земель		292
подвиг продолжается		
Михаил Ребров. «Энергия» — «Буран»		296
Список использованных и цитируемых литературных источников		300
Содоржания		201

первопроходцы космоса АНДРИЯН НИКОЛАЕВ

Составители

Валентина Андреевна Иванова, Анатолий Анатольевич Парпара, Павел Романович Попович

Спецредактор Михаил Иванович Иванов

Оформление и макет **Э. М. Юрьева**

На обложке (фрагмент) и в выходных сведениях медаль «Андриян Николаев» — работа художника Э. Юрьева

В книге использованы фото ТАСС, А. С. Моклецова, из архивов И. И. Касьяна, В. Г. Лазарева

ИБ 2435

Сдано в набор 11.05.89. Подписано к печати 04.08.89. НТ 26332. Формат 70×100 / 16. Бумага офс. мелов. Гарнитура школьная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 24,70. Усл. кр.-отт. 50,05. Учетно-изд. л. 24,47. Тираж 25000 (1-й завод 1—10000) экс. Заказ № 1553. Изд. № 6. Цена 2 р. 90 к.

Чувашское книжное издательство, 428000, Чебоксары, пр. Ленина, 4. Типография № 1 Государственного комитета Чувашской АССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 428019, Чебоксары, пр. Ивана Яковлева, 15.

Коллектив.

Первопроходцы космоса. Андриян Николаев.— Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1989. 302 с.

Это первая книга из серии «Первопроходцы космоса». Она приурочена к 60-летию летчика-космонавта СССР А. Г. Николаева. В ней использованы рассказы космонавтов, московских и местных журналистов и другие документальные свидетельства. Книга богато иллюстрирована фотографиями. Рассчитана на массового читателя.

ББК 39.6

3500000000-1086-89 M 136(03)-89

ISBN 5-7670-0364-5

The House -- negace at capus of Repairspeaking and workers. One represent a 60 remain RETHREE STEATHERS CCCP. днамды Героя Советского Союзи ANDRESS PROPERTY PARTY PROPERTY. I said services between parcelles. опсилнатов Г. Татова, КО, Гагарина, B. Barrischurt, B. Tepeumrech, K. BROKINCHOOL A. BATHERINE B. Burenes, C. Separatoro, R. Rydacinas, B. Council, micros. synthetics is administrate appraisation. A TACKE APPROVE ADDRESS OF REAL PROPERTY AND PERSONS IN Emer's representant a parameter ellipparentes pagester, marrieranteri. OR SCHOOLS HOLSENIA NAMES OF TAXABLE PARTY (TAXABLE) «Прирыя в свяменный моснос», THE SETTING DESCRIPTION I PROPERTY. OCCUPANT VALUE OF M. Untileterature, C. Kappinson, NO FEMALES. C service, aproprie sont A. HARDESSE & DESIGNAL PROPERTY. DESTRUMENT DALBEST, THE UNDER SPREASON STREET, SPRINGER, I'l Florepassey, & Passagney in Appareur constrained into publica. E seesperstayed tacts over a annerson cipture de proposité speciel. SANTATIONS OF SERVICE ASSESSED VALUE OF Claim & STRUMEN NA PERSONAL PROPERTY.

MACRAGINA CHICAN TAXABILITY.

PERSONAL PROPERTY OF